

И. И. ГОРЕЛИК

КВАЛИФИКАЦИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ОПАСНЫХ
ДЛЯ ЖИЗНИ
И ЗДОРОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА»

МИНСК 1973

ВВЕДЕНИЕ

Забота о человеке — основа всей деятельности Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства. Все для человека: высококачественное и разнообразное питание, добротная и красивая одежда, благоустроенные жилища, культурный отдых. «КПСС ставит задачу всемирно-исторического значения — обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма»¹.

Советское правительство осуществляет широкую программу, направленную на предупреждение и решительное сокращение болезней, ликвидацию массовых инфекционных заболеваний, на дальнейшее увеличение продолжительности жизни.

Для Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства дорога жизнь каждого советского человека, как и далеко не безразлична судьба других народов мира.² Поэтому Советский Союз прилагает все усилия к тому, чтобы обеспечить на земле прочный и длительный мир, предотвратить ядерную войну. Заключение по инициативе Советского правительства Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении³ и других международно-правовых актов — проявление огромной заботы о жизни и здоровье нынешнего и будущего поколений людей.

Забота о человеке — это также охрана его личных, имущественных, трудовых, жилищных и иных законных прав и интересов. Этой цели служат правовые нормы, в том числе уголовно-правовые. Важное место среди по-

следних занимают нормы, карающие за посягательства на жизнь и здоровье.

«В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности».⁴ Исторический смысл этих слов Программы Коммунистической партии Советского Союза состоит в том, что только социалистическому строю по плечу задача искоренения преступности.

Преступления нетерпимы в социалистическом обществе. Особенно нетерпимы посягательства на жизнь и здоровье человека. Такие посягательства образуют преступления против жизни и здоровья или преступления, опасные для жизни и здоровья.

К первым действующий Уголовный кодекс⁵ относит: умышленное убийство — ст. ст. 100—103 (ст. ст. 102—105), доведение до самоубийства — ст. 105 (ст. 107), неосторожное лишение жизни — ст. 104 (ст. 106), умышленные телесные повреждения — ст. ст. 106—110 (ст. ст. 108—112), истязание — ст. 111 (ст. 113), неосторожное или менее тяжкое телесное повреждение — ст. 112 (ст. 114) и заражение венерической болезнью — ч. ч. 3 и 4 ст. 113 (ст. 115). Перечисленные преступления (они в работе не рассматриваются) характерны тем, что признаются оконченными при наступлении указанных в законе последствий.

Законы об ответственности за преступления, опасные для жизни и здоровья, признают преступлением самодеяние, создающее конкретную угрозу для жизни и здоровья, или неотвращение виновным такой угрозы, созданной другими лицами или силами природы. В составе этой группы преступлений наступление последствия либо не влияет на правовую оценку содеянного, либо образует квалифицированный вид данного преступления.

Анализу этих законов, весьма важных в деле охраны жизни и здоровья граждан, правовой оценке (квалификации) предусмотренных ими общественно опасных деяний и посвящена настоящая работа.

Советская литература об ответственности за преступления против жизни и здоровья весьма многочисленна.⁶ Определены понятия этих преступлений, их виды и система, подробно проанализированы соответствующие правовые нормы. Много потрудились советские криминалисты над совершенствованием законов об ответственности

за убийство и причинение телесных повреждений; систематически изучается и обобщается судебная практика.

Что касается преступлений, опасных для жизни и здоровья, то в литературе уделено внимание отдельным конкретным составам, которые мы относим к этой группе преступлений. Лишь сравнительно новые составы преступлений, включенные в наши уголовные кодексы в 1970—1972 гг. (например, поставление в опасность заражения венерической болезнью, спаивание несовершеннолетних), еще недостаточно изучены. Само понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья, их система изучены мало.⁷ Более того, оспаривается сама попытка выделения отдельной группы преступлений, опасных для жизни и здоровья.⁸

Поэтому настоящей работой автор стремится не только проанализировать составы данной группы преступлений, но и показать, что для ее выделения имеется достаточно оснований.

Автор изучил судебную практику Белорусской ССР по делам о преступлениях, опасных для жизни и здоровья. Изучение показало, что имеет место недооценка социальной опасности этих преступлений. Поэтому хотелось бы также привлечь внимание к этим преступлениям и содействовать преодолению неправильного к ним отношения на практике.

Кроме того, анализ действующего законодательства и судебной практики позволил сформулировать отдельные предложения, принятие которых могло бы улучшить анализируемые нормы, дополнить их и улучшить практику борьбы с преступлениями, опасными для жизни и здоровья.

Глава 1. ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОПАСНЫХ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

§ 1. Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья

Преступление, опасное для жизни и здоровья, есть общественно опасное деяние, которым создается или бездействие-невмешательство, которым не устраняется конкретная опасность для жизни и здоровья других лиц при неосторожном отношении виновного (при поставлении в опасность) или отсутствии вины (при оставлении в опасности) к ненаступившим последствиям.

Законы об ответственности за убийство и телесные повреждения в совокупности с законами об ответственности за предварительную преступную деятельность очерчивают область уголовно-правового вмешательства случаями причинения смерти, вреда здоровью и умышленного отношения к таким последствиям, которые, помимо воли виновного, не наступили.⁹

Если бы этим ограничивалась область уголовно-правовой охраны жизни и здоровья, то за пределами преступного оставалось бы поведение, создающее конкретную опасность для жизни и здоровья человека или не отвращающее ее при условии, что в том и другом случае последствия, не охватываемые умыслом виновного, не наступили. Такое поведение и есть преступление, опасное для жизни, здоровья. При этом законы одних стран ограничивают ответственность в зависимости от рода деятельности, которой создается конкретная опасность для жизни и здоровья человека. Законы других стран таких ограничений не содержат. Первые из них неодинаково оценивают один и тот же род деятельности, признавая или не признавая преступлением создание им опасности. Так, например, законы большинства капиталистических государств не признают преступлением создание конкретной опасности для людей нарушением правил техники

безопасности; законы социалистических государств, напротив, считают такие нарушения преступлением.

Степень опасности правонарушения для интересов господствующих классов — основной критерий, руководствуясь которым, законодатель признает преступными те или иные деяния. Этим объясняется, в частности, и неодинаковая оценка нарушений правил техники безопасности, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья трудящихся. Однако мерило общественной опасности деяния для интересов господствующих классов, объясняющее в конечном итоге различное содержание уголовных кодексов эксплуататорских и социалистических государств, еще не объясняет разноречия в оценке одних и тех же конкретно опасных деяний в государствах с одинаковым строем. Так, например, по-разному оценивается в социалистических странах поставление в опасность заражения тяжелой болезнью, создание опасности нарушением правил движения автотранспорта, неоказание помощи погибающему посторонним лицом. Очевидно, разноречие вызвано несовпадением мнений о степени опасности соответствующих деяний, методах борьбы с ними и т. д.

Один факт совершения запрещенных деяний, не повлекших реального вреда общественным отношениям, как правило, еще не создает оснований для уголовной ответственности. Но когда такие деяния создают конкретную угрозу для жизни и здоровья людей или хотя бы одного человека, это уже является достаточным основанием для уголовно-правового вмешательства.¹⁰ Этим и должен руководствоваться законодатель, признавая преступным создание конкретной опасности для жизни и здоровья человека.

Насыщение промышленности и сельского хозяйства машинами и агрегатами прогрессирующей сложности и мощности, транспорта — все большим числом движущихся механизмов возрастающей скорости, рост ассортимента сильно действующих на организм человека средств, широкое применение изотопов — эти и другие достижения нашего века, облегчая и украшая жизнь человека, в то же время несут с собой новые для него опасности. Чтобы свести их к минимуму, а может быть, и вовсе устранить, что, вероятно, возможно, следует совершенствовать меры и средства безопасности. Активным вспо-

могательным средством в этой борьбе являются меры принуждения к соблюдению правил безопасности, в том числе уголовно-правовые, карающие за такое поведение, которое, вследствие того что определенные правила были нарушены, создает конкретную угрозу для жизни или здоровья людей.

Что касается бездействия-невмешательства, когда жизни кого-либо угрожает конкретная опасность, то элементарные правила человеческой морали диктуют необходимость признания такого бездействия преступлением.

В. И. Ленин говорил: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило «каждый за себя, один бог за всех...» Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило «все за одного, один за всех».¹¹

«Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат» — нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма, записанные в величайшем документе современности — Программе КПСС.¹²

Оказание помощи человеку, которому угрожает опасность, честный и сознательный советский гражданин считает своим долгом. Самоотверженность и героизм при спасении человека перестали быть в условиях советской действительности исключительным явлением.

Однако еще имеют место случаи неоказания помощи лицу, попавшему в беду, вызванные безразличием к судьбе другого человека. Автомашина сбила велосипедиста. В кабине шофера, нарушившего правила движения, сидел гражданин П. Вместо того, чтобы оказать помощь пострадавшему и на машине отвезти его в больницу, он вместе с водителем оттащил потерявшего сознание и истекающего кровью человека в сторону от дороги. А ранение не было смертельным. Однако оставленный без помощи человек погиб.¹³

Нельзя, не вступая в противоречие с правилами человеческого общежития вообще, социалистического в особенности, оставлять безнаказанными таких лиц. И главное состоит не в том, будет ли виновный подвергнут уголовному наказанию или дело о нем передадут в товарищеский суд для применения мер общественного воздействия, а в суровой государственной оценке эгоиста,

лишенного элементарных моральных качеств. А такая оценка лучше всего достигается признанием оставления человека в опасности преступлением.

Советские ученые последовательно стоят на таких позициях. А. А. Пионтковский говорит: «Проявление грубого эгоизма в виде неоказания помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, когда ее можно было оказать, во всех случаях заслуживает не только морального осуждения, но и уголовного наказания».¹⁴ Это положение вошло во все вузовские учебники по уголовному праву, на которых воспитывались и воспитываются советские юристы.

Признание создания конкретной опасности для жизни и здоровья человека или неоказания помощи погибающему поведением, образующим состав преступления, имеет несомненное предупредительно-сдерживающее значение. Если бы была возможна статистика предупреждающего значения уголовно-правовой угрозы, то она, вероятно, дала бы немалые цифры того, скольких человек угроза удержала от совершения преступления, ибо, как отмечает М. Д. Шаргородский, имеется «категория морально неустойчивых и поэтому склонных к совершению преступлений лиц, но которые не совершают преступления потому, что боятся наказания».¹⁵

§ 2. Объект преступления

По объекту посягательства преступления, опасные для жизни и здоровья, ни в чем не отличаются от преступлений против жизни и здоровья. Их групповым объектом является личность в системе социалистических общественных отношений, а непосредственным — жизнь и здоровье в системе тех же отношений.

Личность человека выходит за рамки только биологического понятия и является понятием социальным, независимо от того, в каком обществе человек живет. Однако положение личности в обществе определяется системой господствующих общественных отношений, которые создают определенные условия для жизни и деятельности людей, объем их прав и обязанностей. Значение этих условий не следует ни недооценивать, ни переоценивать, ибо наряду с ними действуют определенные

субъективные факторы, способные усилить или, напротив, ослабить эти условия.

В системе капиталистических общественных отношений личность трудящегося человека охраняется лишь в той мере, в какой буржуазия вынуждена это делать. Объективные и субъективные факторы содействуют всемерной охране эксплуататорского меньшинства. Пределы же вынужденной защиты эксплуатируемого большинства определяются соотношением классовых сил в стране, организованностью рабочего класса и его партии, борющейся за интересы трудящихся.

В системе социалистических общественных отношений личность получила всестороннюю защиту, человек действительно стал самым ценным капиталом. Объективные условия в социалистическом обществе на стороне личности. Действие этих условий усиливается заботой Коммунистической партии и государственного аппарата об интересах личности. Но сила объективных факторов может быть ослаблена нарушением законов, что в какой-то мере имеет место, поскольку, как показывает практика, значительная часть лиц, совершающих преступления, опасные для жизни и здоровья, не привлекается к ответственности. С такими нарушениями нужно бороться, чтобы они не ослабляли объективную силу социалистических общественных отношений.

Указание на общественные отношения при определении объекта преступлений против личности способствует уяснению действительного содержания уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, чести и т. д., охраны не на словах, а на деле. Такое указание, кроме того, отражает связь между понятием общего объекта и объекта конкретных преступлений. В советском уголовном праве, как известно, общим объектом всех преступлений являются социалистические общественные отношения. Общий объект определяет содержание объекта конкретных преступлений — непосредственного объекта. Но из этого вовсе не следует, что в качестве объекта каждого конкретного преступления должна рассматриваться какая-то доля общественных отношений. Это во всяком случае спорно в отношении рассматриваемых преступлений. Ни жизнь, ни здоровье не являются общественными отношениями, что, однако, не устраняет связи между общим, групповым и непосредственным объектами преступления. Об-

ективно существующая связь между ними находит свое отражение в указании при определении группового и непосредственного объекта на соответствующую систему общественных отношений, от которой в конечном итоге зависит содержание и характер охраны жизни и здоровья людей.

Признание объектом рассматриваемых преступлений жизни и здоровья человека в системе социалистических общественных отношений вовсе не бесспорно.

Если объектом ряда преступлений, опасных для жизни и здоровья, все признают жизнь и здоровье, то объектом некоторых преступлений этой группы называют все, что угодно, только не жизнь и здоровье. Так, например, объектом преступного нарушения правил техники безопасности называют условия труда¹⁶ или безопасность условий труда,¹⁷ объектом незаконного врачевания — порядок охраны народного здоровья¹⁸ и т. д.

С определением объекта отдельных преступлений, опасных для жизни и здоровья, трудно согласиться. Ни условия труда, ни порядок охраны народного здоровья не являются тем, ради чего изданы соответствующие уголовные законы. Условия труда — лишь средство обеспечения безопасности жизни и здоровья людей. Определенный порядок охраны народного здоровья для того и необходим, чтобы защитить людей от невежественного врачевания. В указанных случаях закон охраняет жизнь и здоровье людей.

Отдельные преступления из числа рассматриваемых по характеру своему или юридической конструкции имеют своим объектом не только жизнь и здоровье, но и материальные ценности. Однако вследствие этого они не перестают быть преступлениями, опасными для жизни и здоровья.

Непосредственным объектом преступлений, опасных для жизни и здоровья, являются жизнь и здоровье других лиц. Создание конкретной опасности для самого себя не находится в сфере карательного воздействия.

С., работая прицепщиком тракторной картофелесажалки, во время посадки картофеля, в нарушение правил техники безопасности, перешел с задней площадки, где он должен был находиться, на переднюю часть картофелесажалки и стал проталкивать ногой в выходное отверстие застрявший картофель. Во время проталкива-

ния С. был захвачен звездочкой за брюки, его левая нога была затянута под ведомый вал и раздроблена.¹⁹ С., разумеется, не привлекался к уголовной ответственности.

Советское уголовное право не знает ответственности даже за покушение на самоубийство, совершенное сознательно. Тем более не может быть ответственности за создание конкретной опасности для самого себя, совершенное по неосторожности.

Создание опасности для своего здоровья иногда преследуется потому, что оно глубоко затрагивает общественные интересы и имеется отдаленная угроза здоровью нации. Поэтому ряд уголовных кодексов признает преследованием потребление наркотиков.²⁰

Объект преступлений, опасных для жизни и здоровья, конкретизируется в составах этой группы преступлений. Объектом одних преступлений может быть жизнь и здоровье, других — только жизнь, третьих — жизнь, здоровье и материальные ценности. При этом в одних случаях объектом является жизнь и здоровье конкретной личности, в других — жизнь и здоровье неопределенного круга лиц.

§ 3. Объективная сторона (деяние)

С объективной стороны преступления, опасные для жизни и здоровья, характеризуются деянием, создавшим конкретную опасность для жизни и здоровья, или бездействием-невмешательством, не отвращающим такую опасность, возникшую помимо поведения виновного.

Конкретно опасным является такое действие, с совершением которого созданы условия для наступления смерти или телесных повреждений, причем указанные последствия могут наступить, если бы даже никаких других действий виновный не совершил.²¹ Такие последствия могут наступить, говоря словами одного из юристов ГДР, «по законам природы или жизненному опыту с большой вероятностью».²²

Совершение конкретно опасных действий закономерно влечет за собой смерть или телесные повреждения. Закономерными считаются «такие явления, которые необходимо, естественным образом вытекают из всей совокупности условий. Когда даны определенные условия, то неизбежно возникают и определенные явления».²³ За-

кономерность основана на детерминированности явлений, их связи и взаимодействии. Поэтому закономерность есть «не что иное, как такое сцепление причин и следствий, такая связь явлений, которые обуславливают определенное, совершающееся с естественной необходимостью, течение событий».²⁴

Прием локомотива на занятый путь влечет за собой аварию или крушение. Выдача больному ядовитого вещества в значительно большей, чем это предписано врачом, дозе влечет за собой отравление. Работа у агрегата, опасные места которого не ограждены, влечет смерть или увечье работника. Такие последствия являются закономерным результатом соответствующих нарушений правил безопасности.

Однако не каждое конкретно опасное действие фактически вызывает такие последствия. Марксистская диалектика, как известно, признает существование наряду с необходимостью объективной случайности. Последняя «всегда так или иначе связана с необходимостью, является формой проявления необходимости, а необходимость в свою очередь имеет своим дополнением случайное».²⁵

Конкретно опасными мы и называем такие действия, которые закономерно влекут смерть или телесные повреждения, хотя бы на этот раз в силу случайности они и не привели к таким последствиям. Вмешательство других лиц, стечение обстоятельств и другие факторы могут быть и нередко бывают причиной того, что конкретно опасные действия в том или ином случае не приводят к закономерно вытекающему из них последствию.

Так, например, шофер несъемной дрезины Г. и его помощник Б. во время следования по перегону, будучи в нетрезвом состоянии, уснули, проехав два отдельных пункта и выехав навстречу пассажирскому поезду. Чтобы предотвратить крушение, дежурный по станции предупредил соседние станции о происшедшем, и Г. и Б. были разбужены взрывом петард, после чего они остановили дрезину. Действиями Г. и Б. были созданы все условия для крушения, и, хотя благодаря вмешательству других лиц все обошлось благополучно, они были осуждены за нарушение правил безопасности движения, которое могло причинить тяжкие последствия.²⁶ Лишь благодаря случайности не было опасных последствий в ре-

зультате нарушений правил безопасности движения шофером Г. Последний на повороте мокрой дороги развил недозволенную скорость, вследствие чего машина сорвалась в кювет и опрокинулась, а сидевший в кузове пассажир был выброшен, но поврежденный ему не было причинено, так как он упал в наполненную водой яму. Не была повреждена и автомашина.²⁷

Случайность, благодаря которой конкретно опасные действия не вызвали тяжелых последствий, не исключает ответственности виновного в совершении таких действий. Рассматривая дела о преступлениях, опасных для жизни и здоровья, Верховный Суд СССР указывал, что ненаступление по не зависящим от виновного обстоятельствам последствий, которые могли быть результатом действий или бездействия виновного, не снимает с последнего ответственности.²⁸

При конкретно опасных действиях причинение или не причинение смерти или телесных повреждений иногда в определенной мере зависит от поведения потерпевшего. Так, например, незаконная выдача сильнодействующих ядовитых веществ не может привести к отравлению, если покупатель не употребит их. Однако таким нарушением создана опасность для жизни и здоровья покупателя, да не только его. Желает этого виновный или нет, но отравление может иметь место. Поэтому при оценке инкриминируемых виновному действий как конкретно опасных поведение потерпевшего не принимается в расчет.

Конкретно опасные действия — категория объективная. Достаточно установить, что совершенное действие является таким, которое способно повлечь за собою смерть, телесное повреждение или материальный ущерб, хотя фактически они и не наступили, и такое действие должно быть признано конкретно опасным. Если, например, малолетнему дано заряженное ружье, из клетки выпущен на волю опасный зверь или локомотивом управляет пьяный машинист, то не может быть двух мнений о том, создана ли подобными действиями конкретная опасность для жизни и здоровья человека. Нет преступления, опасного для жизни и здоровья, если совершенное данным лицом действие не создает конкретной опасности. Так, Верховный Суд СССР признал необоснованным осуждение Б. за то, что у него во время спуска в шахту был обнаружен табак. Осуждение было бы обоснован-

ным, если бы Б. курил в шахте,²⁹ поскольку в условиях взрывоопасного производства взрыв может быть вызван курением, а не наличием табака, что само по себе не создает опасности для людей.

*
* * *

Признавая преступными конкретно опасные действия, законодатель в ряде случаев в той или иной форме указывает на их опасность для жизни и здоровья и тем вводит такую опасность в признаки состава. Так, например, ст. 212 (217) говорит о таких нарушениях правил хранения, использования, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, которые «могли повлечь тяжкие последствия».

В других случаях законодатель не вводит конкретную опасность в признаки состава. Так, например, ст. 216 (221), говоря о незаконном врачевании, не упоминает об опасности этих действий для жизни и здоровья человека.

В первом случае о конкретной опасности действий мы судим на основании непосредственных указаний закона. Во втором случае наши суждения основываются на свойствах запрещенных действий.

Обращение законодателя к той или иной конструкции составов конкретно опасных для жизни и здоровья людей действий не является случайностью. Она отражает свойства запрещенных действий, дает им своеобразную оценку и создает определенные обязанности для судебно-следственных органов.

Введение конкретной опасности в признаки состава преступления, опасного для жизни и здоровья, прежде всего означает, что не все нарушения данной группы обладают одинаковым свойством создавать угрозу для людей. Упомянутая конструкция состава нарушений правил хранения, использования, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ требует дифференцированной оценки имевших место нарушений и преступными признает лишь те из них, которые создали конкретную опасность.

Обычно законодатель прибегает к такой конструкции, когда действия одной и той же группы обладают неодинаковыми свойствами. Вследствие этого органы расследования и суд должны не только установить, что опреде-

ленное нарушение имело место, но что оно создало конкретную опасность. Если нарушение не создало такой опасности, то оно во всяком случае не может быть признано преступлением, опасным для жизни или здоровья.

Конкретная опасность не вводится в признаки состава, когда всем действиям группы потенциально свойственна угроза для жизни или здоровья людей, а отсутствие этого свойства оказывается исключением. Если действия являются такими, которые не могут не создавать опасности для жизни или здоровья, то, очевидно, нет надобности включать в законодательную характеристику состава указание на возможность последствий. Так, например, занятие врачеванием при отсутствии необходимых познаний опасно для жизни или здоровья не только при применении неправильных методов лечения, но и при использовании безвредных средств, поскольку в последнем случае больной упускает благоприятный момент для настоящего лечения. Поэтому в ст. 216 (221) и нет указаний на возможные последствия незаконного врачевания. Это вовсе не означает, как отмечает В. Н. Кудрявцев, что каждый случай незаконного врачевания приводит к ухудшению здоровья пациента. Такой исход, возможно, наступит в одном из десяти случаев. Однако последствия действий настолько тяжки, что все они признаются общественно опасными.³⁰ Одинаково оценивая все действия данной группы, законодатель требует от судебных и следственных органов установления лишь того, что данные действия, запрещенные законом, совершены виновным, и не требует доказательства того, что эти действия создают конкретную опасность. Последняя заложена в самих деяниях, признаваемых в силу такого их свойства общественно опасными и наказуемыми.

К конкретно опасным примыкают абстрактно опасные для жизни и здоровья людей действия. Последние характеризуются тем, что создают не самую опасность, а лишь условия для ее возникновения. Чтобы появилась конкретная опасность, требуется совершение виновным еще каких-либо действий. Если между совершением абстрактно опасных действий и моментом, когда должен наступить результат, имеется разрыв — отсутствие действий виновного, создающих опасность, то при совершении конкретно опасных действий этого разрыва нет.³¹

Абстрактно опасным действием является, например, незаконное изготовление, хранение и ношение огнестрельного оружия. Владея таким оружием, виновный еще не создает конкретной возможности наступления смерти или телесных повреждений. Она возникает лишь тогда, когда совершаются действия, в результате которых, помимо воли виновного, оружие может причинить вред другому лицу (например, неправомерное ношение заряженного оружия или передача его душевнобольному).

Абстрактно опасные действия еще не могут создать конкретной возможности для наступления смерти или телесных повреждений. Поэтому абстрактно опасные действия не относятся к преступлениям, опасным для жизни и здоровья, а в большинстве случаев вообще не признаются преступными либо караются менее строго, чем конкретно опасные действия.

В других случаях, наказывая абстрактно опасные действия наравне с конкретно опасными (например, в составе, предусмотренном ст. 219 УК) или даже более строго (например, ст. 220 за посев без разрешения опийного мака карает более строго, чем ст. 219 за сбыт наркотических средств), законодатель стремится пресечь социально опасную деятельность на ее более дальних подступах к охраняемым законом общественным отношениям и тем самым не допустить самую возможность создания угрозы для людей.

*
* *

Конкретная возможность наступления смерти или телесных повреждений, создаваемая преимущественно активными действиями виновного, может быть вызвана и бездействием. Должностное лицо, обязанное выдать работающему на высоте предохранительный пояс, но не сделавшее этого; своим бездействием создало опасность для жизни этого рабочего. Стрелочник, не выполнивший распоряжения о переводе стрелки, вследствие чего поезд проследовал на путь, где ведутся ремонтные работы, создал опасность для участников этих работ. В подобных случаях опасная ситуация создана бездействием и не имела бы места, если бы не было этого бездействия.

Однако сущность бездействия не всегда одинакова. Работник службы спасения на водах, не оказавший помощи тонущему, как и работник железной дороги, замедливший во внеслужебное время неисправность пути, по которому должен был проследовать локомотив, и не принявший мер к ее устранению, тоже бездействует. Но ни тот, ни другой не создают конкретной опасности.

Бездействие бездействию рознь. Между тем в уголовно-правовой литературе бездействие обычно рассматривается в качестве единого понятия. Так, например, Н. Д. Дурманов пишет, что «всякий внешний человеческий поступок может быть совершен в форме действия или бездействия»³² и что «бездействие... так же, как и действие, представляет внешнее поведение человека и так же, как и действие, производит изменение в объективном мире».³³

В характеристике общего понятия преступления как предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния приведенные положения являются безусловно правильными. Однако при разграничении конкретных составов преступлений такая дифференциация человеческих поступков оказывается недостаточной. В частности, единое понятие бездействия не дает возможности разграничить создание конкретной опасности и неоказание помощи при уже возникшей угрозе для жизни, правильно оценить случаи смерти человека, жизнь которого могла быть спасена при оказании ему помощи. Единое понятие бездействия создает также трудности для законодателя, когда он конструирует составы преступлений, опасных для жизни и здоровья.³⁴

В этой связи имеет важное значение дифференциация бездействия, проведенная О. С. Иоффе, который различает обязанность совершения определенных действий в целях предотвращения опасной ситуации, наступление которой способно повлечь вредные последствия, и обязанность совершить те или иные действия в целях предотвращения последствий, которые могут наступить в результате опасной ситуации, возникшей помимо поведения бездействовавшего.³⁵

Такая дифференциация бездействия непосредственно связана с понятием рассматриваемых преступлений. Лишь неисполнение обязанности по предотвращению возникновения опасной ситуации может и должно быть

приравнено к действию, создающему конкретную опасность. Когда опасность возникла помимо поведения бездействовавшего, он может нести ответственность только за неоказание помощи. Иначе говоря, следует различать бездействие, создающее опасность, и бездействие-невмешательство.

Бездействие создает конкретную опасность тогда, когда при совершении соответствующего действия не было бы этой опасности. Если бы должностное лицо снабдило работающего на высоте предохранительным поясом, а стрелочник выполнил распоряжение о переводе стрелки, то опасность не возникла бы. Особенность такого бездействия состоит в том, что в момент, когда необходимо было действовать, конкретная опасность еще не существовала; но благодаря бездействию события развивались до степени возникновения такой опасности.

В таком случае на бездействовавшем должна была лежать обязанность воспрепятствования возникновению опасности. Только при наличии такой обязанности бездействовавшего можно винить в том, что он допустил создание опасности. Тем самым понятие бездействия, равнозначного действию, тесно связано с понятием обязанности действовать для предотвращения возникновения опасной ситуации.

Основания такой обязанности следует искать в служебных функциях лица, законе либо договоре.

Конкретную опасность создает бездействие такого лица, которое занимает должность, связанную с обязанностями предотвращения опасных последствий, и находится при исполнении служебных обязанностей. При этом, не имеет значения, является ли это лицо должностным или недолжностным. Машинист, уснувший во время движения локомотива; руководитель предприятия, не установивший аппарата для обезвреживания выбрасываемых в воздух отходов производства; врач, не сделавший противостолбнячной инъекции раненому; начальник склада, оставивший в доступном посторонним лицам месте взрывчатые вещества, — все они не сделали того, что должны были сделать в силу своих непосредственных обязанностей, и тем самым создали опасную ситуацию.

Обязанности по охране жизни и здоровья людей возлагаются на человека законом. Родители обязаны содер-

жать своих несовершеннолетних детей, а равно состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспособных детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети — своих нетрудоспособных родителей. Неисполнение таких обязанностей влечет гражданско-правовые последствия, а при злостности — уголовную ответственность, как за уклонение от уплаты алиментов. Если же вследствие такого уклонения создается непосредственная угроза для жизни и здоровья, то имеет место создание бездействием конкретной опасности.

Обязанность по охране жизни и здоровья других лиц вытекает из договора, независимо от того, в какой форме он заключен. Няня, не осуществляющая надзора за ребенком, заботу о котором она приняла на себя, повинна в создании опасности, если вследствие ее бездействия такая опасность возникла.

Вменяя создание конкретной опасности бездействием, необходимо указывать основания обязанности действовать.

Таким образом, бездействие создает конкретную опасность и приравнивается к активному действию, если оно удовлетворяет трем условиям: к моменту возникновения обязанности действовать опасная ситуация еще не существует; на бездействовавшем в силу его непосредственных служебных функций, закона или договора лежала обязанность действовать, чтобы предотвратить возникновение такой ситуации; вследствие бездействия такого лица события развиваются до степени возникновения опасной ситуации.

*
* * *

Другое дело — бездействие-невмешательство, имеющее место при отсутствии непосредственной обязанности воспрепятствовать развитию опасной ситуации. В обоих случаях бездействия наличествует конкретная опасность для жизни и здоровья человека. Разница в объеме обязанностей: при бездействии, создавшем опасность, виновный должен был предотвратить само возникновение опасности, при бездействии-невмешательстве — лишь оказать помощь, чтобы устранить уже возникшую опасность.

Этим определяется неодинаковая социальная опасность бездействия-невмешательства и бездействия, приравниваемого к активному действию, и разница в конструкции ответственности за них. Для ответственности за бездействие, создавшее опасность, нет надобности в специальной норме. Статья об ответственности за создание опасности охватывает собой создание этой опасности как активными действиями, так и бездействием. Статья 137 (140), например, карая за нарушение правил охраны труда, распространяется на нарушения-действия и нарушения-бездействия.

Бездействие-невмешательство менее опасно: оно образует состав преступления, если имеется специальная на этот счет норма в уголовном законе.

Сознание необходимости действовать для предотвращения вреда, который может наступить вследствие обстоятельств, не связанных с поведением бездействовавшего, менее распространено, чем сознание обязанности воздержаться от деяний, приносящих вред. Поэтому возможность требовать под угрозой наказания совершения полезных обществу действий более ограничена, чем требование воздержаться от совершения опасных деяний.

Законодатель учитывает объективные и субъективные особенности указанных форм бездействия. Если конкретно опасное действие (и приравниваемое к нему бездействие) наказуемо, когда создана угроза для жизни, здоровья и материальных ценностей, то бездействие-невмешательство вызывает ответственность, когда опасность угрожает жизни потерпевшего³⁶ и помощь могла быть оказана без серьезного риска для себя или других лиц. Однако в действующем кодексе особенности упоминаемых форм бездействия учитываются недостаточно. Создание конкретной опасности карается лишь в определенных случаях в зависимости от способа ее создания, и нет родового состава данного преступления. Имеет место и смешение разных форм бездействия: в ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) говорится как об ответственности за бездействие-невмешательство, так и за бездействие, создавшее опасность для жизни.

Таким образом, с объективной стороны преступления, опасные для жизни и здоровья, выражаются либо в создании (действием или бездействием) конкретной опасности для жизни и здоровья человека и материальных

ценностей (именуются в дальнейшем поставлением в опасность), либо в неотвращении такой опасности, созданной помимо бездействовавшего (именуются в дальнейшем оставлением в опасности).

*
* * *

Преступления, опасные для жизни и здоровья, юридически считаются оконченными деяниями при создании конкретной опасности или ее неотвращении. Наступление последствий — смерти, телесных повреждений или причинение материального ущерба — выходит за рамки составов этих преступлений.

Такие преступления всегда называли формальными, беспоследственными в отличие от материальных, где в качестве оконченого состава наказуемы действия, повлекшие определенные, в законе указанные последствия.

Деление преступлений на формальные и материальные некоторыми авторами оспаривается. Исходя из того, что «последствиями должны быть признаны не только изменения, происходящие в сфере внешней физической природы, но и факты, относящиеся к сфере политической, психической и моральной»,³⁷ А. Н. Трайнин, положивший начало этому спору,³⁸ считает упомянутое деление неправильным.

Сторонники того, что нет беспоследственных преступлений, указывают, что последствия материальные поддаются установлению, другие же последствия не поддаются ни измерению ни конкретизации.³⁹ В то время, когда в последнем случае одни говорят о формальных, беспоследственных преступлениях, другие возражают против деления преступлений на формальные и материальные.⁴⁰ Спор, следовательно, сводится к терминологии, а не к существу вопроса. Как указывает А. А. Пионтковский, различие между формальными и материальными преступлениями «следует рассматривать как техническую терминологию, от которой можно отказаться, если имеется возможность предложить нечто лучшее».⁴¹ Во всяком случае мнения противников деления преступлений на формальные и материальные «находятся, — как отмечает М. Д. Шаргородский, — в противоре-

ции с имеющимися... составами «поставления в опасность», которые тем и характерны, что карают за самое действие без наступления определенного результата».⁴² Наличие таких составов, существенно отличающихся от тех, в объективную сторону которых включается наступление указанного в законе результата, и вызывает необходимость в определенной терминологии.

Не признавая наличия беспоследственных преступлений, некоторые авторы различают две формы последствий: последствия в узком смысле (определенные изменения во внешнем мире, предусмотренные составом преступления) и последствия в широком смысле (вред, причиненный общественным отношениям).⁴³ Другие различают причинение фактического ущерба объекту и создание угрозы причинения такого ущерба.⁴⁴ В составах поставления в опасность признается вторая форма последствий. Но и здесь вопрос не выходит за рамки терминологии. Скажем ли мы, что при поставлении в опасность последствием является вред, причиненный социалистическим общественным отношениям, или создание конкретной возможности причинения вреда жизни, здоровью или материальным ценностям, или что наступление последствий выходит за рамки их составов, — ничего по существу не изменяется. Главное состоит в том, что в преступлениях, опасных для жизни и здоровья, в качестве оконченого преступления наказуемо само поведение — конкретно опасные действия, которые не причинили, но могли причинить смерть, телесные повреждения или материальный ущерб, или бездействие-невмешательство, когда жизни другого угрожала опасность.

Как указывает А. А. Пионтковский «различие между «формальными» и «материальными» преступлениями и соответствующее этому различие в конструкции состава преступления реально существует в действительности и в советском уголовном законодательстве и отвергать его — значит спорить против очевидных фактов».⁴⁵

Преступления, опасные для жизни и здоровья, — беспоследственные, формальные преступления. Этим они отличаются от материальных преступлений, совершением которых одновременно может быть создана конкретная опасность для жизни и здоровья людей. Такими, например, преступлениями являются умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них,

подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, которое могло повлечь крушение поезда, аварию корабля — ст. 83 (86), умышленное уничтожение или повреждение социалистического или личного имущества граждан, совершенное путем поджога или иным общеопасным способом — ст. ст. 96 (98), ч. 2; 146 (149), ч. 2.

От поставления в опасность они отличаются тем, что: а) в качестве оконченного состава здесь преследуются наступление соответствующих материальных последствий — уничтожение или повреждение имущества; б) создание этими преступлениями опасности для жизни или здоровья возможно, но не обязательно; в) эта опасность, если она имеет место, может быть конкретной или абстрактной⁴⁶.

Внешне к материальным преступлениям примыкает незаконное производство аборта, если исходить только из того, что при прерывании беременности имеет место изгнание плода. Однако при совершении аборта создается конкретная опасность для жизни и здоровья женщины. Создание такой опасности объективно присуще аборту, даже произведенному по всем правилам врачебного искусства.

При оценке аборта с этих позиций он оказывается формальным преступлением. Очевидно, нужно исходить из того, что является главной целью уголовно-правового преследования аборта — охрана плода и тем самым обеспечение роста народонаселения или охрана жизни и здоровья женщины.

Исходя из того факта, что при легализации аборт они у нас все же преследуются, если совершаются вне больниц или других лечебных учреждений или хотя бы в этих учреждениях, но не врачами, следует прийти к выводу, что целью наказуемости аборта всегда является охрана жизни и здоровья женщины. Правовая же охрана плода имеет место наряду с охраной жизни и здоровья и то лишь в тех случаях, когда аборт запрещены. При этом важно отметить, что наш законодатель отказывается от уголовно-правовой охраны плода во имя охраны жизни и здоровья женщины, ибо разрешает совершение аборта в надлежащих условиях и надлежащими лицами, чтобы уберечь женщину от совершения этой операции в условиях максимальной для нее опасности. Незаконный аборт поэтому следует отнести к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.⁴⁷

*
* * *

Как уже отмечалось, наступление смерти, нанесение телесных повреждений выходит за рамки этих преступлений. Включение таких последствий в конститутивные признаки состава преступления, опасного для жизни и здоровья, привело бы к утере им своей специфики и превращению его в преступление против жизни и здоровья. Иначе говоря, ограничение ответственности за действия, которые могли бы рассматриваться как преступление, опасное для жизни и здоровья, наступлением последствий означает не что иное, как дробление составов преступлений против жизни и здоровья. Выделение, например, состава нарушения правил движения на автотранспорте, повлекшего причинение кому-либо смерти, является не чем иным, как созданием специального вида неосторожного убийства. Такое выделение не изменяет пределов уголовно-правового вмешательства,⁴⁸ очерченного нормой об ответственности за неосторожное лишение жизни, и лишь дает возможность, учитывая опасность способа причинения, предусмотреть повышенную ответственность.

Включение в объективную сторону не собственно наступления последствий, а лишь конкретной возможности их наступления является спецификой рассматриваемых преступлений. Это вовсе не означает, что последствия, если они фактически наступили, не должны учитываться. Законодатель в ряде случаев рассматривает наступление смерти, нанесение телесных повреждений или причинение материального ущерба в качестве обстоятельства, влекущего повышенную ответственность.

Иногда законодатель объединяет в одном составе как те конкретно опасные деяния, в результате которых смерть или телесные повреждения наступили, так и те, которые могли вызвать их наступление. При такой конструкции состава стирается грань между преступлением против жизни и здоровья и преступлением, опасным для жизни и здоровья, несмотря на их очевидную неодинаковую общественную опасность. Никак нельзя, например, отождествить действие, повлекшее смерть, и действие, создавшее конкретную угрозу жизни. Поэтому действующие уголовные кодексы союзных республик правильно разграни-

чивают преступления, опасные для жизни и здоровья, и преступления против жизни и здоровья, прежде в ряде случаев объединявшиеся в одном составе.⁴⁹ Однако этот принцип не доведен до конца. Так, например, ст. 217 (222) объединяет в одном составе нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, «если оно повлекло или могло повлечь распространение заразных заболеваний».⁵⁰

Большинство уголовных кодексов советских республик и зарубежных социалистических стран определяет ответственность за сам факт оставления в опасности безответственно к наступившим последствиям. Другие уголовные кодексы⁵¹ включают в составы оставления в опасности указание на последствия — смерть или телесные повреждения и тем самым ограничивают область уголовно наказуемого вмешательства при оставлении без помощи, признавая, что если, несмотря на бездействие виновного, с потерпевшим ничего не случилось, то уголовная ответственность не должна иметь места.

Наступление или ненаступление последствий не зависит от виновного в бездействии, является случайностью или результатом вмешательства других лиц и поэтому не может оказывать решающего влияния на оценку поведения виновного. Следовательно, включение в признаки отдельных составов оставления в опасности наступления смерти или нанесения телесных повреждений лишено оснований.

§ 4. Объективная сторона (причинная связь)

Сторонники и противники каузальности бездействия одинаково исходят из того, что бездействие едино. В спорах по этой проблеме они, однако, оперируют фактами (примерами) бездействия противоположного свойства. Сторонники каузальности бездействия берут примеры из области бездействия, создающего опасность, противники — из области бездействия-невмешательства. По этой причине, если опираться на иллюстративный материал, аргументы тех и других представляются одинаково убедительными.

Какая разница между действием лица, нажавшего не ту кнопку на пульте управления, что вызвало катастрофу, и того, кто не нажал в нужное время нужную кнопку,

что повлекло такие же последствия? В первом случае — действие, во втором — бездействие, а в итоге каузальность бездействия очевидна. Так именно и утверждается в литературе: «Человек работает на сложном агрегате, его деятельность состоит в наблюдении за машиной и совершении время от времени необходимых движений. Положим, он совершил неправильное движение, вызвавшее катастрофу. Очевидно, результат причинен этим его действием. Но, положим, он забыл совершить нужное движение по регулированию машины и произошла катастрофа. Столь же бесспорно, что причиной катастрофы явилось его бездействие».⁵²

Однако есть разница между тем, кто сбросил с лодки в воду (действие) не умеющего плавать человека, отчего он утонул или мог утонуть, и тем, кто, видя это и имея возможность оказать помощь, не сделал этого (бездействие). Опять действие и бездействие, но различная природа их представляется очевидной, и имеются основания говорить о том, что такое бездействие не причиняет вреда. Так, М. Д. Шаргородский пишет: «При бездействии причинная связь отсутствует вообще. И вопрос, который нужно решать в этом случае, не в том, когда бездействие является причиной наступившего результата, а только в том, когда субъект отвечает за бездействие. Решение вопроса заключается в том, что если преступник, не желая наступления преступного результата, не совершил действия, которое мог и должен был совершить, его бездействие должно рассматриваться как самостоятельное преступление и караться лишь тогда, когда оно специально предусмотрено законом. Когда преступник желал наступления преступного результата и сознательно бездействовал для того, чтобы результат наступил, то, хотя причинной связи нет, виновный отвечает как за причинение, ибо он обязан был действовать».⁵³

Парадокс состоит в том, что одна сторона, оперируя фактами бездействия, создающего опасность, делает вывод о каузальности бездействия вообще. Другая же сторона, оперируя фактами бездействия-невмешательства или имея их в виду, делает вывод о некаузальности бездействия вообще.

Нам представляется, что проблема причинной связи при бездействии должна решаться дифференцированно, в зависимости от формы бездействия. При бездействии, со-

здающем опасность, поскольку оно ничем не отличается от активного действия, вопрос о причинной связи должен решаться так же, как и при совершении действия. При бездействии-невмешательстве опасность не создается и последствия из него не вытекают. Поэтому вопрос о причинной связи при бездействии-невмешательстве не должен возникать.

Согласно этому традиционный тезис «вопрос о причинной связи бездействия и наступивших общественно опасных последствий решается так же, как и при совершении активного действия», содержащийся едва ли не во всех учебниках советского уголовного права, следовало бы уточнить, определив, что «вопрос о причинной связи при бездействии.., за исключением бездействия-невмешательства, решается так же, как и при совершении активного действия». А далее следует указать, что объективным основанием ответственности за бездействие-невмешательство является неисполненная обязанность действовать, если имеется специальная уголовно-правовая норма, признающая такое бездействие преступлением.

Вопрос о причинной связи в преступлениях с материальным составом решается ретроспективно: анализируется связь между совершенным деянием и уже наступившим результатом и принимается решение о наличии либо отсутствии причинной связи. Авторы, признающие в составах поставления в опасность их последствием создание опасного для жизни и здоровья людей состояния и относящие на этом основании такие преступления к материальным, соответственно решают вопрос и о причинной связи. Как указывает Т. В. Церетели, «опасное состояние должно считаться наступившим с того момента, когда объект посягательства вступил в сферу действия опасных сил». ⁵⁴ Между деянием лица и таким опасным состоянием должна существовать причинная связь. И при таком взгляде вопрос о причинной связи решается ретроспективно: анализируется связь между совершенным деянием и уже наступившим опасным состоянием и принимается соответствующее решение.

Однако при этом и, на наш взгляд, правильном понимании материальных преступлений составы поставления в опасность к ним не относятся. Трудно назвать последствием опасность, созданную для жизни, здоровья или

материальных ценностей действием или бездействием лица, если фактически этим благам ущерб не причинен.

Тем не менее в преступлениях поставления в опасность вопрос о причинной связи не снимается. Он решается лишь по-иному в связи со спецификой этих преступлений. В отличие от преступлений с материальным составом, где вопрос о причинной связи решается ретроспективно, в составах поставления в опасность он решается перспективно. Здесь невозможна реальная фиксация связи между действием (бездействием) и последствиями ввиду отсутствия последних. При поставлении в опасность надлежит установить причинную связь между действием (бездействием) и возможными последствиями. Иначе говоря, следует установить, является ли инкриминируемое виновному действие (бездействие) таковым, которое вызвало бы наступление последствий.

Как уже отмечалось, при поставлении в опасность отсутствие последствий является следствием вмешательства других лиц, находчивости потерпевшего, счастливого стечения обстоятельств и других причин, не зависящих от воли виновного. Поэтому при рассмотрении дел о таких преступлениях следует установить, благодаря какому обстоятельству последствия не наступили. Причинная связь между действием (бездействием) и возможным последствием имеется, если, мысленно исключив обстоятельство, воспрепятствовавшее наступлению результата, мы приходим к выводу, что он наступил бы. Напротив, если мы приходим к выводу, что при отсутствии внешнего вмешательства результат все равно не наступил бы, то это будет означать, что возможность последствий отсутствовала и исследуемое деяние не могло быть причиной возможных последствий. Отсутствует тем самым объективное основание для уголовной ответственности.

§ 5. Преступления, опасные для жизни и здоровья, и малозначительность

Специфика преступлений, опасных для жизни и здоровья, определяет особенности применения к ним ст. 7 Основ уголовного законодательства. Последняя указывает, что «не является преступлением действие или бездействие, хотя формально содержащее признаки какого-либо

деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Анализу этой нормы в советской литературе уделено большое внимание.⁵⁵ Однако особенности ее применения к формальным составам, в частности анализируемым, не исследовались.

Само наличие такой нормы является естественным следствием материального определения преступления как прежде всего общественно опасного деяния, посягающего на социалистические общественные отношения. Как указывал А. Н. Трайнин, «наличие в действиях субъекта состава преступления в достаточной мере обосновывает применение к виновному уголовной санкции. Отсюда, однако, еще нельзя делать общего вывода, что наличие состава всегда и безусловно влечет уголовную ответственность... В системе социалистического уголовного права возможность отказа от уголовного преследования, несмотря на формальное наличие состава, покоится на органическом сочетании формальной и материальной оценки преступления».⁵⁶ Такая возможность и предоставлена ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства.

Н. Д. Дурманов указывает, что деяние может быть малозначительным по двум признакам: свойствам объекта, на который направлено посягательство, и характеру действия или бездействия.⁵⁷

Детализируя второй из них, Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили называют три признака для определения малозначительности: общественную значимость объекта посягательства, степень возможности причинения вреда данным деянием и размер возможного вреда.⁵⁸

Вследствие большой социальной ценности жизни и здоровья посягательства на эти блага признаются преступными, когда создана конкретная опасность причинения вреда, хотя фактически он еще не был причинен. Поэтому по свойствам объекта посягательства ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства не может быть применена к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.

Характеризуя степень возможности причинения вреда данным деянием, Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили пишут: «Если действие, направленное на причинение общественно вредного последствия, настолько отдалено от него, что не создает реальной возможности его наступле-

ния, не создает непосредственной угрозы повреждения объекта..., то такое действие по общему правилу малозначительно».⁵⁹ Значение этого критерия для применения ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства к материальным преступлениям не вызывает сомнений. Применение же его к таким формальным преступлениям, какими являются преступления, опасные для жизни и здоровья, оказывается невозможным.

Как уже отмечалось, объективная сторона поставления в опасность выражается в деяниях, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья. Если деяние, направленное на причинение общественно вредного последствия, настолько отдалено от него, что не создает реальной возможности для его наступления, то нет и самого конкретно опасного деяния. В таком случае то, что совершено, даже формально не содержит признаков, предусмотренных уголовным законом.

Применение упоминаемого критерия малозначительности к преступлениям, опасным для жизни и здоровья, может привести к тому, что все они подпадали бы под этот критерий и законы об ответственности за такие преступления утратили бы значение.

Другое дело третий критерий — размер причиненного вреда. Как указывают все авторы, касавшиеся правовой оценки малозначительности деяния как обстоятельства, устраняющего уголовную ответственность, следует иметь в виду не размер действительно причиненного вреда, а размер вреда, который мог быть вызван деяниями лица.

Это положение применимо лишь к тем из преступлений, опасных для жизни и здоровья, в конструкции которых наряду с формальным выделяется материальный состав. Если действительно причиненный вред вследствие его малозначительности не образует состава материального преступления, но мог быть причинен значительный вред, то имеет место формальный состав данного преступления.

Особенность таких составов не всегда учитывается практикой. Так, например, оправдан за малозначительностью причиненного ущерба А., преданный суду за то, что он не подложил тормозной башмак под колесо вагона сборного поезда, стоявшего под уклон, вследствие чего хвостовая часть его после расцепки с головной частью пришла в движение и столкнулась с хвостовой частью

другого (грузового) поезда, отчего были повреждены вагоны и причинен ущерб на сумму 57 руб.⁶⁰

Если бы ст. 82 (85) предусматривала ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта лишь в случае наступления последствий, указанных в ее первой части, то применение ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства не вызывало бы в данном случае сомнений. При наличии же и формального состава нарушений правил безопасной работы транспорта ошибка суда очевидна. Если состав преступления образуют нарушения, которые могли повлечь тяжкие последствия, то фактическое причинение малозначительного вреда при обстоятельствах, когда могли наступить тяжкие последствия, должно рассматриваться как преступление с формальным составом.

В преступлениях с формально-материальными составами оценка малозначительности тесно связана с тем, как определены последствия, при наличии которых имеет место материальный состав преступления. Между тем далеко не совершенное их определение в законе неизбежно влечет разноречивость в толковании и затрудняет практическое уяснение малозначительности. Так, например, ст. 212 (217) различает нарушения правил хранения, использования, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, которые «могли повлечь тяжкие последствия» (ч. 1) и повлекшие «тяжкие последствия» (ч. 2). По мнению одних авторов, тяжкими последствиями следует считать смерть, тяжкие телесные повреждения или значительный материальный ущерб.⁶¹ По мнению других, к таким последствиям относятся смерть, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, существенный материальный ущерб,⁶² по мнению третьих — гибель людей, их заболевание, значительный материальный ущерб,⁶³ по мнению четвертых, — гибель людей, причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, либо причинение средней тяжести телесных повреждений многим лицам, либо значительный материальный ущерб.⁶⁴ Несмотря на разноречивость приведенных определений, они в части, относящейся к посягательству на личность, являются все же точными. Можно встретить и такие определения тяжких последствий: «несчастные случаи с людьми, причинение крупного ущерба предприятию, взрыв или авария на производстве и т. д.».⁶⁵

Соответственно первому взгляду причинение нарушений указанных в ст. 212 (217) правил менее тяжких телесных повреждений образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 этой статьи. Соответственно же второй точке зрения в этом случае следует применить ч. 2 ст. 212 и т. д.

Различное определение «тяжких последствий» оказывает влияние и на оценку малозначительности. Фактическое причинение незначительного материального ущерба согласно ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства исключает наличие материального состава, предусмотренного ч. 2 ст. 212 (217). Однако если в этом случае могли быть причинены менее тяжкие телесные повреждения, то наличие состава, предусмотренного ч. 1 ст. 212 (217) уже оказывается спорным.

Хотя представляется более правильным второй взгляд, поскольку термин «тяжкие» охватывает собой как тяжкие, так и менее тяжкие (они тоже «тяжкие») телесные повреждения, законодатель не следует прибегать к неточным терминам, во всяком случае когда это связано с правовой оценкой посягательств на здоровье человека, где выработаны точные понятия.⁶⁶ Они и должны быть использованы при наименовании последствий, которые могут наступать от действий, создающих конкретную опасность для здоровья.

Ставить вопрос о применении понятия малозначительности к преступлениям с формальным составом можно, как пишет Н. Д. Дурманов, «если для состава преступления достаточно возможности причинения вреда, а неосторожное действие или бездействие могло причинить только незначительный ущерб».⁶⁷ Приведенное положение говорит лишь о неосторожных деяниях, хотя конкретная опасность причинения вреда может быть создана и умышленными деяниями. Оно также не учитывает различий в описании признаков преступлений с формальным составом.

Если в обрисовке последних содержится указание на возможность наступления определенных последствий, а содеянное угрожало меньшими последствиями, то на основании ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства состава преступления не будет. Не будет, в частности, состава загрязнения водоемов, предусмотренного ст. 218 (223) Уголовного кодекса, в случае сброса в них такого

количества отходов промышленного предприятия, которое могло причинить лишь малозначительный ущерб рыбным запасам.

Малозначительность как обстоятельство, устраняющее общественную опасность содеянного, относится к характеристике деяния, а не деятеля. Поэтому самая отрицательная характеристика личности не может служить основанием для признания состава преступления в деяниях, являющихся малозначительными. Нельзя согласиться с теми авторами,⁶⁸ которые считают, что опасность лица в ряде случаев может быть основанием для неприменения ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства, хотя совершенное субъектом деяние и было само по себе малозначительным.

К таким случаям авторы относят повторность деяния. Но повторность малозначительного деяния превращает его в уголовно наказуемое лишь в случаях, когда она предусмотрена законом в качестве условия уголовной ответственности и тем самым является элементом состава преступления. В остальных случаях признание повторности малозначительного деяния условием уголовной ответственности противоречило бы закону.

С другой стороны, никакие заслуги инженера по технике безопасности, допустившего эксплуатацию опасных агрегатов без ограждающих приспособлений, дежурного по станции, отправившего локомотив на занятый перегон, не могут служить основанием для признания деяния малозначительным, хотя вредные последствия не наступили. Как правильно писал С. Ф. Кечекьян, «норма права должна применяться «невзирая на лица»⁶⁹. Положительная характеристика может учитываться лишь при выборе санкции.

§ 6. Вина

Преступления, опасные для жизни и здоровья, со стороны субъективной характеризуются умыслом или неосторожностью к деянию и отсутствием умысла к возможным последствиям. При поставлении в опасность имеется умысел или неосторожность к деянию и неосторожность к возможным последствиям. При оставлении в опасности — умысел на бездействие-невмешательство и отсутствие вины к возможным последствиям.

При умышленном создании опасности характер пси-

хического отношения к ненаступившим последствиям определяет, будет ли содеянное квалифицироваться как поставление в опасность или покушение на убийство или телесное повреждение. Умысел к ненаступившим последствиям образует покушение на преступление против жизни и здоровья (см. § 8 этой главы). Психическое отношение к ненаступившим последствиям при поставлении в опасность может выражаться только в форме неосторожной вины. Поэтому поставление в опасность, с объективной стороны тождественное с покушением, юридически не может квалифицироваться как покушение, предполагающее умышленное отношение к ненаступившим последствиям. Этим поставление в опасность отличается от покушения на убийство или на причинение телесных повреждений, либо причинение вреда имуществу, наказуемость которого (покушения) обеспечивается нормами ответственности за неоконченную преступную деятельность.

Что касается оставления в опасности, то оно может быть вменено лишь тому, кто имел возможность оказать помощь, но бездействовал. С другой стороны, чтобы такую возможность реализовать, необходимо сознавать, что потерпевшему угрожает опасность. Это определяет содержание субъективной стороны оставления в опасности, если оно выразилось в бездействии-невмешательстве. Кто знает об опасности, угрожающей другому лицу, и имеет возможность оказать помощь, но не делает этого, тот бездействует умышленно.

Осознание виновным в бездействии-невмешательстве опасности, угрожающей оставленному без помощи, является необходимым условием квалификации содеянного как оставления в опасности. Только исходя из этого можно дать правильную оценку психического отношения виновного в неоказании помощи к ненаступившим (или наступившим) последствиям.

Сознавая опасность, которая нависла над потерпевшим, виновный в бездействии-невмешательстве предвидит возможность или даже неизбежность гибели потерпевшего. Не оказывая ему при этом помощи, виновный если и не желает, то во всяком случае сознательно допускает последствие, безразлично к нему относится. Если такое психическое отношение к последствиям можно назвать умыслом, то без этого умысла оставление в опасности немислимо.

Однако умыслом в уголовно-правовом смысле является определенное отношение к последствиям «своего действия или бездействия» (ст. 8 Основ уголовного законодательства). Как уже отмечалось, при бездействии-невмешательстве конкретная опасность для потерпевшего создана не действием или бездействием виновного. Она возникла помимо его поведения. При оставлении в опасности, где виновный не создавал опасной ситуации, последствия не являются результатом его действий. Отношение виновного к последствиям здесь не в умысле на их причинение, а в понимании неизбежности или возможности их наступления.

Можно не согласиться с такой трактовкой и считать, что если виновный в бездействии-невмешательстве, сознавая опасность, предвидел и желал или сознательно допускал возможность гибели оставленного без помощи, то его отношение к последствиям является умышленным. В таком случае умысел становится обязательным спутником оставления в опасности. Значит, в каждом оставлении в опасности нужно видеть убийство или покушение на убийство. Однако такой вывод противоречит самому факту существования норм об ответственности за оставление в опасности. Поэтому субъективная сторона бездействия-невмешательства при оставлении в опасности исчерпывается умышленным бездействием — при понимании опасности, угрожающей оставленному без помощи.

Другое дело оставление в опасности, которому предшествовало создание опасной для потерпевшего ситуации — ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). Субъективная сторона такого оставления в опасности выражается в умышленном или неосторожном создании опасности при неосторожном отношении к ненаступившим (или наступившим) последствиям.

Преступления, опасные для жизни и здоровья, по субъективной стороне отличаются от усеченных составов. Встречающееся в литературе отождествление названных преступлений с усеченными составами является ошибочным. Так, например, в одном из учебников уголовного права усеченными составами признаются нарушение правил техники безопасности, которое могло повлечь утрату трудоспособности, а также оставление в опасности.⁷⁰

Усеченные составы характерны тем, что в них момент

окончания преступления перенесен на какую-либо стадию предварительной преступной деятельности. Вследствие этого преступное поведение, не повлекшее материальных последствий и в обычных случаях рассматриваемое как покушение или приготовление, квалифицируется в качестве оконченного деликта. Если не ограничить понятие оконченного состава указанием на материальные последствия, то предшествующая деятельность, если не облекать ее в форму усеченного состава, будет рассматриваться как покушение. Так, например, усеченным составом является разбой, т. е. «нападение с целью завладения чужим имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия» — ст. 143 (146) УК. Если же сформулировать этот состав как «завладение чужим имуществом посредством нападения, соединенного с насилием...» и т. д., то он перестанет быть усеченным и насилие, опасное для жизни и здоровья, совершаемое с целью завладения чужим имуществом, не приведшее, однако, к достижению этой цели, будет рассматриваться как покушение на разбой.

Другое дело преступления, опасные для жизни и здоровья. Если в состав поставления в опасность внести изменения, указав на последствия (смерть или телесные повреждения), то деятельность, рассматривавшаяся до такого изменения как поставление в опасность, не будет рассматриваться как покушение, предполагающее умысел к ненаступившим последствиям. Так, например, в ч. 3 ст. 137 (ч. 3 ст. 140) предусмотрена ответственность за нарушение правил техники безопасности, повлекшее смерть человека или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам. Предусмотренные ч. 1 этой же статьи нарушения правил техники безопасности, если они могли повлечь упомянутые последствия, вовсе не образуют усеченного состава преступления.

Что касается оставления в опасности, то введение в признаки состава наступления смерти оставленного без помощи ничего не изменит, но лишь повлечет за собой исключение из области уголовно наказуемого поведения не оказание помощи, если, однако, потерпевший не погиб. При такой материализации состава не оказание помощи при фактическом отсутствии последствий не превратит содеянное в покушение, так как отсутствует (и, как уже от-

мечено, иначе быть не может) умысел на причинение смерти.

Различие между усеченным составом и составом преступления, опасного для жизни и здоровья, заключается в том, что оконченным преступлением признается в первом случае предварительная преступная деятельность, соединенная с умыслом к ненаступившим последствиям; а во втором случае — преступная деятельность, соединенная с неосторожным отношением к ненаступившим последствиям (поставление в опасность) или выражающаяся в умышленном бездействии-невмешательстве (оставление в опасности).

Если не будет создан усеченный состав, то при наличии соответствующего состава, являющегося оконченным при наступлении последствия, предшествующая деятельность, не приведшая к результату, будет квалифицирована как покушение на совершение преступления. В случае же, когда не создан состав преступления, опасного для жизни и здоровья, нет ответственности за создание конкретной опасности при неосторожном отношении к ненаступившим последствиям, нет ответственности за бездействие-невмешательство. Различие между упомянутыми составами заключается, следовательно, и в рамках уголовно-правового вмешательства, не изменяющихся при отказе от конструкции состава как усеченного, но суживающихся при отказе от состава поставления в опасность или оставления в опасности.

Неосторожное преступление, каким является и поставление в опасность, в каждом отдельном случае менее опасно, чем соответствующий по другим элементам состав умышленного преступления. Однако в условиях технического прогресса и всевозрастающего значения внимательности неосторожные преступления в своей совокупности становятся опаснее умышленных.⁷¹ Это обстоятельство определяет повышенное внимание к вопросам ответственности за неосторожность и к самой конструкции этой формы вины и ее видов.

Теневые стороны технического прогресса побудили некоторых зарубежных авторов высказаться за то, чтобы в нашу техническую эру вернуться к объективному вменению, наказывая и в уголовном порядке за само нарушение правил эксплуатации технических средств, которое повлекло или *могло повлечь* тяжкие последствия, незави-

симо от того, мог ли деятель их предотвратить. Это предложение неприемлемо и, очевидно, продиктовано повышенным страхом перед отрицательными последствиями технического прогресса и переоценкой значения уголовно-правовых средств борьбы вообще и с нарушениями норм безопасности при эксплуатации источников повышенной опасности в частности.

Объективное вменение чуждо социалистическому уголовному праву и уже по одному этому должно быть отвергнуто. Оно, кроме того, неспособно достичь каких-либо утилитарных целей.

Прав М. Угрехелидзе, отмечая, что «угроза наказанием не может воздействовать на лицо, которое в момент совершения объективно вредного поступка не способно так напрячь свои силы, чтобы выполнить требования правопорядка» и что «объявление наказуемым случайного причинения вреда в процессе осуществления... опасной деятельности заставило бы всех и каждого постоянно опасаться возможности наступления каких-либо случайных последствий. Такая ответственность превратилась бы в тормозящую силу как для технического прогресса, так и для социального прогресса в целом».⁷²

Заслуживает внимания предложение М. Д. Шаргородского увеличить объем требований к лицам, эксплуатирующим источники повышенной опасности, и соответственно этому расширить по отношению к ним рамки преступной небрежности. М. Д. Шаргородский считает, что «человек в современном обществе должен отвечать за то, что он принимает на себя ответственность за деятельность или действия, с последствиями которых он справиться не в состоянии», что «от гражданина можно и должно требовать, чтобы он не занимался такой деятельностью, с которой справиться не в состоянии», и что «субъект должен отвечать в случае, когда он по своей вине оказался в такой ситуации, с которой он не в состоянии справиться».⁷³ Должны, например, отвечать: лицо, не имеющее водительских прав, но взявшееся за управление автомобилем и вследствие незнания правил создавшее опасную ситуацию, которую он в силу незнания правил предвидеть не мог; инженер, управляющий агрегатом и создавший опасную ситуацию потому, что из-за незнания совершил неправильные действия, если соответствующие знания он должен был иметь; врач, который прописал больному зна-

чительно повышенную дозу сильнодействующего препарата, хотя его учили тому, какой должна быть норма, но он не усвоил этого и поставил жизнь больного под угрозу.

Действующая формула преступной небрежности «лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя должно было и могло их предвидеть», основанная на сочетании объективной обязанности и субъективной возможности предвидеть, включает в приведенных примерах небрежность даже при наличии последствий. Очевидно, для подобных случаев, когда лицо обязано было знать то, чего не знало, и оно повинно в незнании, либо взялось за дело, требующее профессиональных знаний, которых у него не было, формула небрежности могла бы быть ограничена обязанностью предвидеть («должно предвидеть»).

И здесь не будет объективного вменения, поскольку лицо хотя и не могло предвидеть общественно опасных последствий своего деяния, но в том, что такой возможности не было, оно само повинно.

Трактуя действующее определение небрежности, многие авторы и сейчас признают эту форму вины в поведении упомянутых выше лиц при наличии с их стороны обязанности предвидеть, хотя они не могли предвидеть из-за отсутствия по своей вине знаний.⁷⁴ Однако такое толкование не основано на законе, и следовало, развивая предложение М. Д. Шаргородского, из общего понятия преступной небрежности выделить по отношению к названным выше лицам формулировку, содержащую указание на один критерий этой вины — обязанность предвидеть общественно опасные последствия своих деяний.

Расширение понятия преступной небрежности в отношении определенной категории лиц отразится и на понятии преступлений, связанных с поставлением в опасность, расширит область уголовно наказуемого поведения, связанного с эксплуатацией источников повышенной опасности.

§ 7. Вина (двойная форма вины)

Неоднородность психического отношения виновного к деянию и к последствиям, свойственная поставлению в опасность (когда деяние совершено умышленно), вынуж-

дает рассмотреть возражения против разграничения вины к деянию и к последствиям (двойной, смешанной или сложной формы вины, как ее называют разные авторы) вообще и в формальных составах в частности.

Хотя большинство советских криминалистов признает двойную форму вины, возражения оппонентов заслуживают внимания. Их анализ и оценка помогут лучше выяснить специфику рассматриваемых преступлений, их субъективной стороны.

По мнению А. Б. Сахарова, разграничение вины означает «разрыв между действиями лица и причиняемым ими вредным результатом, образующим в своем единстве общественно опасное посягательство. Для советского уголовного права действие вне причиненного им последствия столь же безразлично, как и последствие вне причинной связи с определенным действием виновного лица». А. Б. Сахаров далее указывает: «Именно потому, что характеризующая всякое преступление общественная опасность заключается в *причинении действиями лица того или иного ущерба* интересам социалистического государства, советского общества, закон и теория конструируют каждую из возможных форм вины — умысел и неосторожность как определенное отношение лица к общественно опасному характеру последствий своих действий». Наконец, к разграничению вины к действию и вины к последствиям судебная практика, по мнению А. Б. Сахарова, не прибегает и, следовательно, в этом не нуждается.⁷⁵

Такого же мнения придерживается Н. Ф. Кузнецова. «Утверждения о двойной вине в пределах одного состава, — пишет Н. Ф. Кузнецова, — являются искусственными и на практике способны внести путаницу в квалификацию преступлений. В самом деле, мыслимо ли неосторожно причинить умышленный ущерб или, наоборот, умышленно причинить неосторожный ущерб? Достаточно только поставить такой вопрос, как становится очевидной его несуразность». Называя составы нарушений правил безопасности труда и нарушений правил безопасности движения транспорта, составы, которые и нас интересуют, Н. Ф. Кузнецова говорит, что «практически для квалификации указанных преступлений установление вины раздельно в отношении действия и результата ничего не дает». И далее: «В судебной практике нельзя встретить дел, в которых судьи констатировали бы одну форму ви-

ны в отношении действий и другую — в отношении последствий этих действий».⁷⁶

Утверждение о том, что закон конструирует каждую из возможных форм вины лишь как определенное отношение к общественно опасным последствиям, не соответствует определению умысла действующим законом. Статья 8 Основ уголовного законодательства (ст. 8 УК) говорит, что «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». В приведенном определении законодатель говорит как о психическом отношении лица к своим деяниям, так и о его отношении к последствиям.

Хотя, как видно, один из аргументов А. Б. Сахарова не соответствует действующему закону, он все же заслуживает внимания. Ранее действовавший закон (ст. 6 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года), который имеет в виду А. Б. Сахаров, в определении умысла действительно говорил лишь о психическом отношении деятеля к общественно опасным последствиям своих действий, признавая действующими умышленно лиц, которые «предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление».

Дело, однако, не в этом. Изменение формулировки умысла не связано с какой-либо позицией законодателя в отношении разграничения вины к деянию и последствиям. В новой формулировке умысла законодатель признал необходимым элементом этой формы вины осознание деятелем общественной опасности совершаемого им деяния. Другое дело неосторожная вина, имеющая место, если лицо «предвидело опасность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть» (ст. 9 Основ уголовного законодательства, ст. 9 УК). Сознание общественной опасности деяния обычно не свойственно неосторожной вине. И если при преступном легкомыслии виновный и сознает такую опасность, то в соот-

ветствии с законом это не влияет на оценку вины как неосторожной.

Наличие или отсутствие в формулировках умысла и неосторожности указаний на определенное психическое отношение виновного к совершаемому им общественно опасным деянием связано лишь с тем, признается ли оно элементом данной формы вины, и не может служить аргументом ни в пользу двойной формы вины, ни наоборот.

Уже ссылаясь на действующий закон, другие авторы отрицание двойной формы вины аргументируют тем, что она противоречит законодательной конструкции умысла и неосторожности и потому не основана на законе.⁷⁷

Как отмечает П. С. Дагель, двойная форма вины, «не подпадающая полностью под определение умысла и неосторожности, находится в рамках виновного совершения общественно опасного деяния. Она построена на сочетании признаков умысла и неосторожности и не выходит за рамки этих признаков. Поэтому ее существование исключается действующим законодательством, признание ее не противоречит закону».⁷⁸

В разграничении вины к деянию и к последствиям А. Б. Сахаров усматривает разрыв единого психического процесса между действиями лица и причиняемым ими результатом. Но это лишь кажущийся разрыв. Анализируя понятие, мы расчленяем его на составные части, памятуя об их единстве. Иначе, и это общеизвестно, нельзя понять явление. Уясняя понятие конкретного состава преступления, мы выделяем в нем признаки, характеризующие объект, объективную сторону и т. д. Но это не означает, что мы разрываем состав данного преступления. Уяснение части — путь к пониманию целого. Различая в одном составе вину к деянию и к последствиям, мы не перестаем оценивать их как признаки, характеризующие субъективную сторону состава в целом. Как отмечается в литературе, А. Б. Сахаровым не учитывается, что «единое психическое отношение, составляющее содержание вины, может быть неоднородным по отношению к деянию и к последствиям, а это и является основанием для конструирования смешанной формы вины».⁷⁹

Лишены основания и ссылки А. Б. Сахарова и Н. Ф. Кузнецовой на то, что судебная практика не прибегает к разграничению вины к деянию и к последствиям. Напротив, она прибегала к этому задолго до приня-

тия Пленумом Верховного Суда СССР Постановления № 2 от 9 апреля 1965 г., в котором было записано: «разъяснить судам, что в автотранспортных преступлениях отношение виновного к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности, а к наступившим последствиям — только в форме неосторожности» (п. 2).⁸⁰ По делу Егоровой, например, в 1946 г. Пленум Верховного Суда СССР, подвергнув детальному анализу субъективную сторону совершенного ею преступления методом разграничения вины к действию и вины к последствиям, указал, что «Егорова, нанеся умышленно удар мальчику, вместе с тем по неосторожности причинила ему опасное для жизни телесное повреждение, повлекшее в дальнейшем его гибель».⁸¹ Пленум признал неправильной квалификацию действий Егоровой как умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, указав, что здесь имело место неосторожное убийство. По другому делу Пленум Верховного Суда СССР отметил: «Горбунов нанес удар в ногу умышленно, а к последствиям своих действий отнесся неосторожно».⁸²

Разграничение вины к деянию и к последствиям не только не вносит путаницы в судебную практику, как считает Н. Ф. Кузнецова, а, наоборот, помогает в решении конкретных дел. Н. Ф. Кузнецова правильно говорит о несуразности постановки вопроса о неосторожном причинении умышленного ущерба. Однако здесь имеет место неудачная постановка вопроса. Из разграничения вины к деянию и к последствиям никак не вытекает возможность неосторожного причинения умышленного ущерба, ибо очевидно, что тот, кто действует неосторожно, может относиться к последствиям не более, как неосторожно.

Что касается выражения «умышленно причинить неосторожный ущерб» (Н. Ф. Кузнецова), то оно нуждается лишь в редакционной правке. Следует говорить о «неосторожном ущербе, причиненном умышленным действием». И это будет означать, что виновный сознавал, что он делает, но не предвидел, хотя должен был и мог предвидеть, наступления последствий или предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, но легкомысленно рассчитывал на их предотвращение.

И в этом уже нет несуразности. А. знает, что, выезжая

на нерегулируемый и не просматриваемый перекресток, следует вначале убедиться в том, что нет транспорта, следующего наперез. Однако А., не сделав этого, выезжает на перекресток и сталкивается с машиной. А. сознательно нарушил правила движения и в этой части действовал умышленно, но его отношение к результату было неосторожным.

Основным аргументом Г. Кригера против двойной формы вины является то, что она якобы «оставляет без ответа важнейший вопрос — умышленным или неосторожным при смешанной форме вины следует считать в целом совершенное преступление».⁸³ Стронники двойной формы вины действительно не отвечают на этот вопрос, но лишь потому, что не ставят его перед собой, между тем его решение не является трудной задачей.

В преступлениях с материальным составом (именно по отношению к таким преступлениям закон конструирует умысел и неосторожность) преступление является умышленным или неосторожным в зависимости от психического отношения субъекта к последствиям. Это в равной мере относится и к тем преступлениям с формальным составом, элементом которых является возможность наступления последствий.

Другое дело составы преступлений с квалифицирующими обстоятельствами. Но и здесь квалификация их как умышленных или неосторожных не вызывает затруднений. Если умышленным является преступление, сформулированное в родовом составе, то таким же будет и преступление, сформулированное в специальном (видовом) составе, хотя бы по отношению к квалифицирующему обстоятельству требовалась неосторожная вина. Иначе быть не может. Если преступление, сформулированное в родовом составе, является умышленным, а в санкции видового состава предусмотрена повышенная ответственность ввиду наличияотягчающего — квалифицирующего обстоятельства, то преступление с таким дополнительным признаком никак не может быть неосторожным. Такими, в частности, умышленными преступлениями являются преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 106 (108), ч. 2 ст. 96 (98), ч. 2 ст. 146 (149).⁸⁴

Необходимость разграничения вины к деянию и к последствиям вытекает во всяком случае из факта наличия преступлений, опасных для жизни и здоровья, в частно-

сти поставления в опасность. Без такого разграничения здесь не обойтись. Оно необходимо для разграничения поставления в опасность и покушения на убийство или причинение телесных повреждений. Но дело не только в этом. Деяния, создающие конкретную опасность, при наличии неосторожности к ненаступившим последствиям могут быть умышленными или неосторожными. Ознакомление с законодательством показывает, что в одних случаях закон не различает, создана ли конкретная опасность умышленно или неосторожно,⁸⁵ в других — в зависимости от формы вины — конструирует отдельные составы создания такой опасности,⁸⁶ в третьих случаях неосторожное создание конкретной опасности вовсе не считает преступлением.⁸⁷ Возможны, следовательно, ненаказуемое неосторожное создание конкретной опасности при неосторожном отношении к ненаступившим последствиям, наказуемое неосторожное создание такой опасности при таком же отношении к последствиям и различная ответственность за умышленное и неосторожное создание конкретной опасности.⁸⁸

При этих условиях разграничение вины к деянию и вины к последствиям приобретает большое практическое значение. Отказ от раздельного рассмотрения вины к деянию и вины к последствиям лишает возможности выяснить специфику преступлений, опасных для жизни и здоровья, отграничивать их от других преступлений. Что, например, означает указание, что нарушение техники безопасности с субъективной стороны может быть совершено как умышленно, так и неосторожно?⁸⁹ Будет ли иметь место этот состав при умышленном нарушении техники безопасности, соединенном с умыслом к последствиям, которые не наступили? Как следует, например, квалифицировать действия К., который на почве ревности решил убить З.? Работая запальщиком, К. после производства отпалки не записал в отпалочную книгу невзорванный патрон и направил З. бурить в той бурке, где находился этот патрон, не предупредив об опасности. Произошел взрыв, но З. случайно не был убит.⁹⁰ Наступает ли в таких случаях ответственность за поставление в опасность нарушением правил техники безопасности или за покушение на убийство? Критикуемая формулировка дает основания для любого решения и поэтому не обосновывает ни одного из них.

Если без разграничения вины к деянию и вины к последствиям нельзя выяснить специфику хотя бы одной группы преступлений, в частности рассматриваемых, то одно это является достаточным аргументом в пользу такого разграничения.

Признавая существование двойной формы вины, отдельные авторы считают, однако, что ее нет в формальных составах, следовательно, и в анализируемых.⁹¹ Это мнение не учитывает того, что конструкция таких составов не едина. Одно дело формальные составы, элементом которых является возможность наступления последствий, другое — остальные преступления с формальным составом. Двойной вины нет лишь в последних, поскольку здесь наказуемо само деяние и вопрос о возможных последствиях не ставится. Когда же речь идет о формальных составах первой группы, то виновного совершения деяния недостаточно, необходимо, чтобы это деяние было таким, которое могло вызвать последствия, случайно не наступившие. По отношению к таким возможным последствиям необходимо выяснить субъективное отношение субъекта. Тем самым в этой группе преступлений с формальным составом, к числу которых относится и поставление в опасность, двойная форма вины существует.

Особенностью дискуссии о двойной форме вины является то, что ее противники, ранее отрицавшие разграничение вины к деянию и последствиям без каких-либо оговорок, в дальнейшем стали допускать исключения. Одни авторы признают двойную форму вины в составах, в которых деяние наряду с прямыми последствиями может вызвать еще и производные последствия, являющиеся квалифицирующим или только отягчающим обстоятельством.⁹² Другие дополняют к этим еще и составы, в которых говорится о возможности наступления последствий.⁹³

Являются ли последствия производными и образуют квалифицирующее либо отягчающее обстоятельство или они включены в элементы основного состава преступления — вопрос технико-юридический, хотя и связанный с той или иной оценкой степени опасности содеянного, отраженного в характеристике состава. Так, например, ст. 146 (149), ныне предусматривающая в ч. 1 ответственность за умышленное уничтожение личного имущества граждан, причинившее «значительный ущерб потерпевше-

му», а в ч. 2 — те же действия, если они повлекли «человеческие жертвы или иные тяжкие последствия», может быть сформулирована таким образом, что названные последствия будут объединены в рамках одного состава. Согласно взглядам противников двойной формы вины, допускающих, однако, вину при наличии производных последствий, разграничение вины к деянию и последствиям при предположительном объединении указанных частей закона уже невозможно, так как последствия в таком случае не будут носить характер производных.

Если, далее, допустима двойная форма вины в составах, где говорится о возможности наступления последствий, то почему она не допустима в составах, где говорится о наступивших последствиях?

Исключения, допускаемые противниками двойной формы вины, свидетельствуют о необходимости разграничения вины к деянию и последствиям (наступившим или возможным) во всех случаях.⁹⁴

Такое разграничение является незаменимым методом изучения субъективной стороны преступления, который не относится к области законодательного регламентирования. Если такой метод изучения способствует лучшему познанию, то его следует сохранить и распространить. Криминалисты пользуются им, что не мешает, а помогает науке и судебной практике.

Признание необходимости разграничения вины к деянию и к его последствиям вовсе не означает, что оно должно проводиться в каждом случае.

Очевидно, что если у виновного был умысел, например на лишение потерпевшего жизни, то и действия, которые он совершил ради этого результата, были умышленными. Если же отношение к смерти было неосторожным, то вопрос о том, наступила ли она от умышленных или неосторожных действий, законодатель в большинстве случаев не связывает с квалификацией. Однако квалификацией инкриминируемых виновному действий еще далеко не исчерпывается их правовая оценка, ибо, назначая наказание в пределах, установленных законом, по которому квалифицировано преступное поведение, «суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность» (ст. 93 Ос-

нов уголовного законодательства, ст. 36 УК). Как отмечается в литературе, «кроме установления психического отношения лица к последствиям его деятельности, что необходимо для признания наличия или отсутствия состава определенного преступления, судебные органы заинтересованы в установлении психического отношения лица к самому действию, ибо действие является причиной результата. Установление психического отношения лица к самому действию помогает определению степени виновности лица, что обеспечивает в свою очередь индивидуализацию наказания».⁹⁵

§ 8. Покушение и косвенный умысел

Важное значение в определении понятия преступлений, опасных для жизни и здоровья, имеет проблема оценки косвенного умысла к ненаступившим последствиям.

Создание опасности, совершаемое с прямым умыслом, квалифицируется как покушение на преступление против жизни или здоровья. Что же касается правовой оценки косвенного умысла к ненаступившим последствиям, то большинством авторов и практиков отрицается самая возможность покушения при такой форме вины. Применительно к рассматриваемым преступлениям вопрос сводится к тому, будет ли при косвенном умысле к наступившим последствиям состав поставления в опасность либо покушение на преступление против жизни или здоровья.

Противники конструкции покушения на преступление, совершаемое с косвенным умыслом, исходят из того, что поскольку покушение есть начало исполнения преступного намерения, то такого намерения нет при косвенном умысле, или, что то же самое, покушаться можно только на совершение того, чего желаешь, а при косвенном умысле нет желания последствий. Далее отмечается, что конструкция покушения с косвенным умыслом противоречит определению покушения в действующем законе, согласно которому эта стадия преступления есть «действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного» (ст. 15 Основ уголовного законодательства, ст. 15 УК).

Еще указывают, что при косвенном умысле виновный допускает возможность последствий и нет оснований выбирать наиболее тяжкое из них и вменить ему в вину, что покушение при совершении преступления с косвенным умыслом неизвестно судебной практике.⁹⁶ В польской литературе высказано мнение, что если признать возможным покушение с косвенным умыслом, то в каждом аборте нужно видеть покушение на убийство.⁹⁷

Относительно первого довода можно сказать, что честный человек действительно не делает того, что может привести к преступным и к тому же нежелаемым последствиям, которые он предвидит. Преступник же, именно потому, что он преступник, действует, несмотря на сознание, что от этих действий могут наступить последствия, к причинению которых он не стремится. Если преступник сознавал возможность наступления от его действий, совершенных с другой целью, общественно вредных последствий, то нельзя при этом сводить все к тому, желал он их или нет. Желание или нежелание последствий, которые могут наступить от социально опасных действий, это по выражению В. Бугайского (ПНР) лишь «чувственная окраска».⁹⁸

Не случайно закон не различает преступления, совершаемые с прямым и с косвенным умыслом.⁹⁹ Оспариваемое же мнение приводит к расчленению единого понятия, умысла. Приходится признавать, следуя этой теории, что если при умысле последствия наступили, то форма умысла значения не имеет, если же они не наступили, то начинается дифференциация, противоречащая единству умысла.

То, что закон не различает преступления по формам умысла, свидетельствует об их одинаковой опасности, несмотря на некоторые особенности в психическом отношении к содеянному. Если, следовательно, действующий с прямым и действующий с косвенным умыслом одинаково отвечают за последствия своих сознательных действий, то одинаковой должна быть и ответственность за сознательные действия, случайно не приведшие к последствиям.¹⁰⁰

Оспариваемое мнение нарушает принцип одинаковой опасности разных форм умысла и приводит к тому, что опасность преступления, совершенного с косвенным умыслом (если при этом обошлось без последствий) становит-

ся иной и меньшей. Как указывает Э. Немировский, «преступное настроение субъекта, характерное для этого вида умысла, не изменяется от того, что не наступил результат; который субъект предвидел как возможный или очень вероятный и представление о котором не удержало его от деяния: служитель зверинца, который, желая насолить хозяину, выпустил из клетки тигра при таких условиях, что он мог легко загрызть кого-либо из публики или служителей, должен отвечать за покушение на убийство, если тигра успели пристрелить прежде, чем он причинил кому-либо из присутствующих вред».¹⁰¹

Конструкция покушения с косвенным умыслом не противоречит формулировке покушения в действующем законе, как это показал П. С. Дагель. Статья 15 Основ уголовного законодательства говорит о «направленности действия», а не о желании субъекта создать реально наступившие последствия. Формулировка «действие, непосредственно направленное на совершение преступления» характеризует объективную направленность этого действия на причинение вреда объекту. Об этом свидетельствует слово «умышленное», поставленное перед словом «действие», которое ограничивает сферу понятия «покушение» областью умышленных преступлений, но не только преступлений, совершаемых с прямым умыслом. Если бы слова «действие, непосредственно направленное» подразумевали прямой умысел, то слово «умышленное» было бы излишним. Действия, совершенные с косвенным умыслом в отношении преступного последствия, также непосредственно направлены на совершение преступления.¹⁰²

Нет оснований утверждать, что тот, кто предвидел возможность наступления множества преступных последствий (в том числе и тяжких) и хотя не желал ни одного из них, но все же действовал, сознавая конкретную возможность их наступления, является менее социально опасным, чем тот, кто предвидел одно последствие и желал его. Кажется, что такой субъект, действующий с косвенным умыслом, не только не менее опасен, но более опасен. Как правильно писал Б. С. Утевский, «лицо, действующее с эвентуальным умыслом, в гораздо большей степени приносит в жертву своим личным интересам интересы государства и других людей, чем лицо, действующее с прямым умыслом».¹⁰³ И если при косвенном умысле

виновный предвидит среди множества возможных последствий и тяжкие, то имеются все основания вменить их ему в вину.

Судить об этом можно по характеру действий, обстановке, во время которой они были совершены, и личности виновного с точки зрения того, насколько он отдавал себе отчет в том, какие могли наступить последствия.

Если фактически наступившие последствия оказались менее тяжкими по сравнению с теми, которые могли наступить, то виновный должен отвечать за покушение на причинение этих более тяжких последствий, поскольку он предвидел возможность их наступления. Так, в частности, действия А., выразившиеся в том, что он из хулиганских побуждений несколькими автоматными выстрелами ранил гражданку Р. в живот и в руку, причинив тяжкие телесные повреждения, следовало квалифицировать как покушение на убийство, а не умышленное причинение тяжких телесных повреждений, как квалифицировано это преступление Военной коллегией Верховного Суда СССР.¹⁰⁴

Признание покушения с косвенным умыслом будет иметь большое предупредительно-воспитательное значение. Сознание виновным, действующим с косвенным умыслом, что он понесет ответственность за наиболее тяжкие последствия, которые могли наступить, хотя случайно не наступили, способно удержать его от совершения общественно опасных действий.

Нельзя также согласиться с тем, что признание возможности покушения с косвенным умыслом означает, что всякий криминальный аборт становится покушением на убийство.

Врач, совершая незаконный аборт, предвидит возможность смерти или тяжких телесных повреждений, но это предвидение *in abstracto*, а не *in concreto*. Рассчитывая на свои знания и опыт, врач полагает, что вследствие принятых им мер предосторожности эти последствия не наступят. Речь может идти поэтому лишь о неосторожности в виде преступного легкомыслия. Лицо же, не имеющее специального медицинского образования, в силу своего невежества не сознает всей опасности аборта для жизни и здоровья женщины, а если и сознает, то по той же причине рассчитывает на свой опыт, умение. И здесь

можно говорить лишь о неосторожности в форме преступной небрежности или легкомыслия.

Следовательно, производит ли незаконный аборт врач или лицо, не имеющее специального медицинского образования, отношение к возможным последствиям — смерти, тяжким телесным повреждениям — является неосторожным. Если в том или ином случае будет установлен косвенный умысел виновного к смерти или тяжким повреждениям, то он должен нести ответственность за покушение на убийство или причинение тяжких телесных повреждений. Во всяком случае характерным для незаконного аборта является не косвенный умысел, а неосторожность по отношению к возможности наступления упоминаемых последствий.

В качестве аргумента против конструкции покушения с косвенным умыслом указывают на трудности доказывания наличия такого покушения.¹⁰⁵ Но такие трудности характерны вообще в случае покушения, независимо от того, с каким видом умысла приходится иметь дело.¹⁰⁶

Таким образом, при косвенном умысле к наступившим последствиям имеется *de lege ferenda* покушение на преступление против жизни и здоровья. Постановление в опасности имеет место при неосторожном отношении к ненаступившим последствиям.

Отрицание покушения с косвенным умыслом официально подтверждено постановлением № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», в котором сказано, что «в соответствии со ст. 15 Основ уголовного законодательства... деяние виновного может быть признано покушением на убийство лишь в тех случаях, когда оно было непосредственно направлено на лишение жизни другого человека и, следовательно, совершалось с прямым умыслом».¹⁰⁷

Хотя это разъяснение касается лишь одного преступления, оно фактически воспринято практикой и большинством авторов в качестве общего положения.

Отрицание покушения с косвенным умыслом ведет к недооценке общественной опасности тяжких посягательств против личности, что можно проиллюстрировать на отдельных делах из судебной практики.

А. признан виновным в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, взял мелкокалиберную винтовку и пошел в

клуб, где беспричинно открыл огонь по танцующим, случайно никому не причинив вреда.¹⁰⁸ Г., тоже в нетрезвом состоянии, выйдя на балкон, открыл стрельбу по окну противоположного дома. Он стрелял так долго, что по вызову соседа успели прийти работники милиции и одна пуля прошла в сантиметре от виска оперуполномоченного. Расстреляв обойму, Г. спокойно положил винтовку и... сел за пианино поиграть «буги».¹⁰⁹ В. и В. на мосту через залив Ладожский г. Сортавала беспричинно приставали к М., нанесли ему удары, выражались нецензурными словами, а затем сбросили его с моста. Потерпевший, оказавшись в воде на расстоянии 8,5 м от берега, выплыл лишь с помощью постороннего человека.¹¹⁰ К. на почве ранее происшедшей ссоры с А., в то время, когда он находился на противоположной стороне улицы, произвел в него неприцельный выстрел, причинив тяжкие телесные повреждения.¹¹¹

Подобных примеров в судебной практике немало, и число иллюстраций легко продолжить. Однако и приведенных достаточно, чтобы видеть, что отсутствие последствий в одних случаях и причинение телесных повреждений, а не смерти в последнем случае — абсолютная случайность. К. отвечает за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, а П., Г. и В. и В. — за хулиганство. Так и были квалифицированы действия виновных. Случайные обстоятельства определили такую квалификацию, а не характер действий виновных и содержание их умысла.

Признание конструкции покушения с косвенным умыслом позволило бы во всех случаях квалифицировать действия виновных как покушение на убийство, что соответствовало бы степени опасности содеянного.

Отрицание покушения с косвенным умыслом обострило значение вопроса о допустимости предвидения неизбежности последствий при такой форме умысла.

Большинство авторов признают, что предвидение виновным неизбежности последствий должно означать, что он действует с прямым умыслом. Это аргументируется по-разному: тем, что само название косвенного (эвентуального) умысла означает, что результат здесь эвентуален, то есть может наступить, но может и не наступить (А. Н. Трайнин); тем, что при предвидении неизбежности последствий нельзя говорить, что виновный их не желал

(А. А. Пионтковский); тем, что лицо может относиться безразлично к общественно опасным последствиям, если оно предвидит лишь возможность их наступления (В. Д. Меньшагин).¹¹²

Анализ и критика приведенных взглядов даны в литературе.¹¹³ Отметим лишь следующее. Наличие косвенного умысла и при предвидении неизбежности последствий не противоречит определению видов умысла в законе. Статья 8 Основ уголовного законодательства (ст. 8 УК) различает виды умысла по элементу воли, а не сознания.

Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров провели анкетирование 100 юристов-практиков (22 судей и 78 прокурорско-следственных работников), имеющих высшее юридическое образование. Среди прочих им был поставлен вопрос о том, правильна ли распространенная точка зрения, согласно которой предвидение виновным неизбежности наступления общественно опасных последствий всегда свидетельствует о прямом умысле на совершение преступления, на который ответили «да» — 66, «нет» — 27 проанкетированных.¹¹⁴ Утверждение, что предвидение неизбежности последствий несовместимо с их нежеланием есть решение, принимаемое судящим субъектом, а не субъектом преступления. Как быть, если, предвидя неизбежность последствий, виновный все-таки их не желает? Ведь там, где косвенный умысел является пристройкой к прямому умыслу, побочные последствия не являются целью действий виновного, но, предвидя неизбежность последствий, к которым он стремится, субъект может предвидеть и неизбежность нежелательных последствий.

Без учета проблемы покушения с косвенным умыслом то или иное разграничение форм умысла не имело бы принципиального значения. Однако при отрицании конструкции покушения с косвенным умыслом разграничение видов умысла приобретает иное значение. Если предвидение неизбежности последствий означает наличие только прямого умысла, то покушение становится возможным. Тем самым сужается понятие косвенного умысла, расширяется понятие прямого умысла, и соответственно становится шире область покушения на совершение преступления.

Признание большинством авторов предвидения неизбежности последствий свойством только прямого умысла

можно объяснить объективной потребностью корреляции фактической опасности деяний, образующих покушение с косвенным умыслом, и их юридической квалификации в связи с отрицанием такой конструкции. Однако такая корреляция представляется искусственной.

Пленуму Верховного Суда СССР следовало бы пересмотреть свое Постановление № 9 от 3 июля 1963 г. в части отрицания конструкции покушения с косвенным умыслом. Позицию Верховного Суда СССР многие практические работники не разделяют. Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров в упомянутой анкете поставили вопрос об отношении к конструкции покушения с косвенным умыслом: 30% опрошенных высказались за то, что покушение может быть совершено и с косвенным умыслом, 50 отрицали такую возможность, 20% не ответили на вопрос.¹¹⁵

Покушение с косвенным умыслом признают судебная практика и теоретики-криминалисты Народной Республики Болгарии, ГДР, Чехословацкой Социалистической Республики, судебная практика Польской Народной Республики.¹¹⁶

Такая конструкция лучше обеспечивает борьбу с опасными посягательствами на личность.

Глава 2. ВИДЫ, СИСТЕМА И КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОПАСНЫХ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

§ 1. Виды преступлений, опасных для жизни и здоровья

Действующий Уголовный кодекс знает следующие виды преступлений, опасных для жизни и здоровья: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта — ч. 2 ст. 82 (ч. 2. ст. 85), поставление в опасность заражения венерической болезнью — ч. 2. ст. 113 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 29 октября 1971 г. (ст. 115¹ в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 октября 1971 г.), незаконное производство аборта — ст. 114 (116), неоказание помощи погибающему — ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), оставление без помощи погибающего — ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127), неоказание медицинской помощи — ст. 126 (128), неоказание капитаном судна помощи на водном пути — ст. 127 (129), нарушение правил безопасности труда — ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), спаивание несовершеннолетних — ст. 205, 205¹ (ст. ст. 210, 210¹); управление транспортными средствами в состоянии опьянения — ст. 206¹ в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1973 г. (ст. 211¹ в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 ноября 1972 г.), нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях — ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216), нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами — ч. 1 ст. 212 (ч. 1 ст. 217), незаконное владение взрывчатыми веществами — ч. 1 ст. 213 (ч. 1 ст. 218), незаконное врачевание — ст. 216 (221), нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями — ст. 217 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 19 марта 1971 г. (ст. 222 в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1971 г.);

загрязнение водоемов и воздуха — ст. 218, ч. 1 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 22 октября 1970 г. (ст. 223, ч. 1 в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 мая 1970 г.); нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ — ст. 219 (224); содержание притонов для потребления наркотиков — ст. 221 (226).

Часть перечисленных преступлений, объектом которых является только жизнь или здоровье человека (ст. ст. 113 (ч. 2) 114, 125, 126, 127), отнесена законодателем к преступлениям против личности. Остальные помещены в иных главах Уголовного кодекса.

Нарушение правил техники безопасности законодатель отнес к преступлениям против политических и трудовых прав граждан. Между тем само понятие техники безопасности, за нарушение правил которой предусмотрена уголовная ответственность, включает «комплекс технических средств и приемов работы, направленных на создание безопасных для жизни и здоровья человека условий труда». ¹ Из формулировки состава и сравнения отдельных частей ст. 137 (140) также следует, что этот состав имеется только тогда, когда создана опасность для жизни или здоровья человека. Нарушения, создавшие конкретную опасность лишь для имущества, не могут квалифицироваться по ст. 137 (140).

Жизнь и здоровье, на которые посягают преступные нарушения правил техники безопасности, это не трудовые права, а условия пользования ими. К тому же ст. 137 (140) охраняет жизнь и здоровье не только работника, поставленного в опасные условия труда, но и других лиц, деятельность которых связана с данным производством.

Нарушение техники безопасности, повлекшее смерть или телесное повреждение, ничем не отличается от неосторожного лишения жизни или причинения вреда здоровью, если не считать особенностей способа деяния, опасного для многих людей. Учитывая повышенную опасность такого способа, законодатель предусмотрел ответственность за нарушения, которые не только повлекли, но и лишь повлекли смерть или телесные повреждения. Поэтому нарушения правил техники безопасности фактически являются преступлением против личности, независимо от того, какое место в системе кодекса отводит этому составу законодатель. К преступлениям против

личности нарушение правил техники безопасности общими, например, УК РСФСР 1922 г. (ст. 156), УК БССР 1922 г. (ст. 156), УК УзССР 1926 г. (ст. 200) и относит УК Народной Республики Болгарии 1968 г. (ст. 136). В литературе объектом этого преступления обычно считают «условия труда, установленные в целях охраны жизни и здоровья». ² Такой формулировкой невольно фиксируют основное внимание не на цели, а на средстве ее достижения. Ведь закон охраняет не условия труда путем защиты жизни и здоровья, а жизнь и здоровье путем создания безопасных условий труда.

Спаивание несовершеннолетних, управление транспортным средством в состоянии опьянения, незаконное врачевание, загрязнение воздуха, нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ, содержание притонов для потребления наркотиков законодатель отнес к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, исходя, вероятно, из того, что названными преступлениями создается опасность для неопределенного круга лиц. Это во всяком случае неверно в отношении спаивания несовершеннолетних и незаконного врачевания.

При спаивании несовершеннолетних опасность создается для конкретного подростка, которого спаивает виновный. Направленность действий виновного здесь более определена, чем при поставлении в опасность заражения венерической болезнью. Поставление в опасность заражения, поскольку оно возможно не только через половое сношение, но и иными действиями, допустимо и в отношении лица, неизвестного виновному и непосредственно с ним не контактирующего. При спаивании вовлекаемый в пьянство виновному всегда известен. Если преступлением против личности является поставление в опасность заражения венерической болезнью, то тем более таким преступлением будет спаивание несовершеннолетнего.

Ответственность за незаконное врачевание имеет такую же цель, как ответственность за неоказание медицинской помощи: охрану жизни и здоровья трудящихся от преступных посягательств. Разница состоит в том, что во втором случае лицо, обязанное помочь больному, уклоняется от этого, а при незаконном врачевании лицо, не

имеющее права лечить, делает это. Поэтому вполне логично состав незаконного врачевания поместить там же, где находится состав, обязывающий подлинных врачевателей оказывать медицинскую помощь больному, т. е. в главе о преступлениях против личности.³

Еще более тесной является связь состава незаконного врачевания с составом незаконного производства аборта. В медицинской литературе можно встретить мнение о том, что статья о незаконном врачевании «чаще всего применяется к лицам, которые занимаются абортами, не имея отношения к медицине».⁴ Хотя такое мнение не основано на законе, оно удачно отражает объективную связь незаконного врачевания и незаконного производства абортот. В самом деле, вмешательство в физиологические процессы, происходящие в организме человека, является областью медицины, заниматься которой могут только лица, имеющие надлежащее образование. В компетенцию медицины входит и производство абортот. Если занятие медициной лицами, не имеющими надлежащего образования, является незаконным врачеванием, то таким же незаконным врачеванием является совершение этим же лицом плодотизгания. Однако такое незаконное врачевание вследствие его специфики и повышенной опасности выделено в самостоятельный состав преступления — незаконное производство абортот. Если состав этого преступления отнесен к преступлениям против личности, то к этим же преступлениям следует отнести и незаконное врачевание.

Нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, загрязнение воздуха вредными для здоровья людей отходами производства, сбыт наркотических и других сильнодействующих веществ или нарушение правил обращения с ними, содержание притонов для потребления наркотиков являются преступлениями, опасными только для здоровья людей, и по одному этому могут быть отнесены, во всяком случае в теоретических исследованиях, к преступлениям против личности.

Преступления, объектом которых являются жизнь, здоровье и материальные ценности, отнесены законодателем к иным государственным преступлениям либо к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

К иным государственным преступлениям отнесено

нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

Объект этого преступления в литературе по-разному определяется. Одни авторы считают, что это преступление посягает на трудовую дисциплину.⁵ Критикуя подобные определения, Н. С. Алексеев указывает, что дисциплина не самоцель, а средство, обеспечивающее безопасную и правильную работу транспорта.⁶ К этому можно добавить следующее: состав преступления, предусмотренный ст. 82 (85), может иметь место и в случае, когда угроза безопасности движения была создана не нарушением трудовой дисциплины, а незнанием, неумением работника транспорта.

Другие авторы считают объектом этого преступления правильную работу транспорта.⁷ Нарушая правила безопасности движения и эксплуатации транспорта, виновный создает опасность для интереса более конкретного, чем нормальная работа транспорта. Правила и инструкции, которые должны соблюдаться на транспорте, имеют своей целью так организовать работу транспорта, чтобы он выполнял свои функции и, будучи источником повышенной опасности, был безопасен для людей и материальных ценностей. Такая работа транспорта в основном обеспечивается соблюдением трудовой дисциплины, которая в свою очередь создает условия для правильной и нормальной работы транспорта. Вторая формулировка объекта рассматриваемого преступления приближает к решению, но еще не содержит его.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 82 (85), называют «нормальную, безопасную работу железнодорожного, водного или воздушного транспорта».⁸ Такое определение объекта этого преступления еще больше приближает к решению, но еще не дает его. Безопасная работа транспорта — работа, обеспечивающая пользование транспортом без опасности для людей и материальных ценностей. Безопасность — не самоцель, а средство защиты в первую очередь людей от возможных последствий эксплуатации источника повышенной опасности.

Определяя непосредственный объект нарушений правил безопасности движения транспорта, следует ранее ответить на вопрос, почему законодатель признал эти нарушения преступными. Отдельные авторы объектом

рассматриваемого преступления признают железнодорожный, водный и воздушный транспорт,⁹ очевидно, считая, что нарушения правил безопасности движения создают угрозу для транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи. В ст. 82 (85) законодатель охраняет эти материальные ценности от ущерба, который может быть причинен им нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. Но еще в большей мере ст. 82 (85) направлена на охрану жизни и здоровья людей.

Законодатель признал это преступление государственным не потому, что оно не посягает на жизнь, здоровье и материальные ценности, а потому, что это посягательство является исключительно опасным, угрожая жизни многих людей и значительным материальным ценностям. Правильно пишет Б. А. Куринов: «При определении общественной опасности всех транспортных преступлений на первом месте среди вредных последствий стоит не материальный ущерб, а следовательно, не основы хозяйственной мощи, а несчастные случаи с людьми».¹⁰ Имеется достаточно оснований при теоретическом анализе отнести предусмотренные ст. 82 (85) нарушения к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.

Что касается других преступлений, объектом которых является жизнь, здоровье и материальные ценности, но они отнесены законодателем к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья, то при теоретическом анализе они также могут быть, по соображениям, изложенным в первой главе настоящей работы, отнесены к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.

Составы поставления в опасность и оставления в опасности, имеющие одинаковое целевое назначение — охрану жизни и здоровья людей от поведения других лиц, создающих или неотвращающих опасность, следовало бы выделить в самостоятельную группу преступлений против личности. Тем самым к этим нормам будет приковано большое внимание и усилится их предупредительно-воспитательное воздействие.

Мнение о том, что теоретическая система преступлений, опасных для жизни и здоровья, может и должна быть шире законодательной, в литературе уже высказывалось.

А. А. Жижиленко в работе «Преступление против личности», изданной в 1927 г., выделил в отдельную группу названных преступлений «деяния, опасные для жизни и телесной неприкосновенности, состоящие в создании опасности для этих благ» и отнес к ней все составы этой группы, независимо от их месторасположения в кодексе. Однако, отдавая дань системе кодекса, А. А. Жижиленко при анализе распределил составы соответственно системе кодекса.¹¹

А. А. Пионтковский в учебнике уголовного права, изданном в 1928 г., в разделе о преступлениях против личности выделяет деяния, опасные для жизни и здоровья, и к ним относит составы из главы о преступлениях против личности и составы из других глав. А. А. Пионтковский впервые в советской литературе все преступления, опасные для жизни и здоровья, независимо от их месторасположения в кодексе, анализирует в разделе о преступлениях против личности.¹²

В учебнике 1939 г. А. А. Пионтковский, указав, что составы преступлений, опасных для жизни и здоровья, помещены не только в главе о преступлениях против личности, но и в других главах кодекса,¹³ анализ их дал соответственно системе кодекса. Таким же образом А. А. Пионтковский построил курс Особенной части уголовного права, хотя в последнем дал значительно более широкий перечень преступлений, опасных для жизни и здоровья,¹⁴ чем в учебнике 1939 г.

К преступлениям, опасным для жизни и здоровья, А. А. Жижиленко отнес: нарушение правил техники безопасности, незаконное производство аборта, оставление в опасности, неоказание медицинской помощи и неплатеж алиментов, назвав их конкретно опасными деяниями. К этой же группе преступлений, помещенных в других главах кодекса, А. А. Жижиленко отнес: изготовление и сбыт сильнодействующих ядовитых веществ, нарушение правил производства, хранения, отпуска, учета и перевозок этих веществ, изготовление или сбыт наркотических веществ, незаконное врачевание, незаконное владение оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, пересылку по почте едких веществ, — назвав их абстрактно опасными деяниями.¹⁵

Те же составы, за исключением нарушения правил техники безопасности и незаконного владения оружием,

боеприпасами, взрывчатыми веществами и пересылки по почте едких веществ, назвал в числе преступлений, опасных для жизни и здоровья, А. А. Пионтковский.¹⁶ Впоследствии автор значительно расширил этот перечень, включив в него: нарушения правил об охране безопасности движения транспорта; нарушение правил безопасности при производстве строительных или горных работ; нарушение правил безопасности во взрывоопасных цехах; нарушение законов об охране труда, в том числе нарушение правил техники безопасности; умышленное истребление чужого имущества общеопасным способом; производство посевов опийного мака и индийской конопли.¹⁷ В курсе 1971 г. взамен такого перечня говорится о том, что для предупреждения вредных последствий уголовное законодательство «прибегает все чаще и чаще к созданию составов преступлений, где сам факт поставления в опасность рассматривается как оконченное преступление. Такие составы преступлений в действующем уголовном законодательстве содержатся в главе о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения».¹⁸

Различное решение вопроса о видах преступлений, опасных для жизни и здоровья, является следствием того, что не были четко определены признаки этой группы преступлений, не разграничены конкретно опасные и абстрактно опасные деяния, формальные и материальные составы. Вследствие этого намерение авторов расширить перечень преступлений, опасных для жизни и здоровья, за счет составов, находящихся в других главах кодексов, не получило развития. Выделение в самостоятельную группу преступлений против личности поставления в опасность и оставления в опасности может быть оправдано лишь предварительным определением специфики этих составов, четким указанием на их признаки, разграничением их со смежными составами, указанием на целевое назначение такого выделения. Такая попытка и предпринята в этой работе.

§ 2. Система преступлений, опасных для жизни и здоровья

При построении системы преступлений, опасных для жизни и здоровья, прежде всего мы учитываем, что они

подразделяются на две группы. Первую из них образуют преступления, объектом которых являются жизнь и (или) здоровье, вторую — преступления, объектом которых являются жизнь, здоровье и материальные ценности. Конструкция составов второй группы отражает особенности деяний, которые нельзя разделить на деяния, создающие конкретную опасность лишь для жизни и здоровья, и деяния, создающие такую опасность лишь для материальных ценностей. Согласно этому при построении системы рассматриваемых преступлений их следует разделить на названные две группы.

Конструируя систему анализируемых преступлений, следует далее учитывать, что они подразделяются на опасные для конкретного лица и опасные для неопределенного круга лиц. В первом случае виновный, как правило, вступает с потерпевшим в определенный контакт (при поставлении в опасность) или должен вступить в такой контакт, чтобы устранить опасность (при оставлении в опасности). К таким преступлениям относятся, например, спаивание несовершеннолетнего, поставление в опасность заражения венерической болезнью. При поставлении в опасность неопределенных лиц в непосредственный контакт с ними виновный не вступает, потерпевшие не персонифицированы и число их неопределенно. Такими, в частности, преступлениями являются нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, загрязнение воздуха.

При построении системы преступлений, опасных для жизни и здоровья, необходимо, далее, учитывать наличие в уголовном законодательстве родовых и видовых составов и соотношение между ними.

Состав преступления всегда конкретен. Описанию его признаков и созданию понятия о данном преступлении предшествует изучение и обобщение отдельных явлений, опасных для данной системы общественных отношений. В процессе этого изучения законодатель объединяет признаки главные, характерные, в совокупности своей свидетельствующие об общественной опасности поведения и, отбросив признаки второстепенные, случайные, создает определенное понятие о данном преступлении — конкретный состав преступления.

В ряде случаев этим и заканчивается процесс построения состава преступления. Однако не всегда он

приводит к наиболее рациональному решению вопроса. Общая формулировка, охватывающая ряд деяний одиноквой природы, подчас оказывается недостаточной, так как лишает возможности различать общественно опасные деяния, хотя и подпадающие под эту формулировку, но имеющие свою специфику, свои особенности, настолько существенные, что требуют выделения из общей формулировки (родового состава) и создания видового состава преступления.

Видовым является состав, указывающий на преступные деяния, укладываемые в рамки уже имеющегося в законе родового состава. Родовым является такой состав, из которого выделены в видовой определенные преступные деяния. Один и тот же состав может быть одновременно видовым, если он выделен из общего понятия, и родовым, если в свою очередь из него выделен частный случай.

Из анализируемых составов родовым является нарушение правил техники безопасности, предусмотренное ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), а видовым — загрязнение воздуха вредными для здоровья отходами промышленного производства — ч. 1 ст. 218 (ч. 1 ст. 223). Статья 137 (140) к нарушениям правил охраны труда относит нарушение «правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда». Промышленной санитарией называют комплекс мероприятий по правильному устройству, оборудованию и содержанию промышленных предприятий в целях охраны здоровья как занятых на них рабочих, так и окружающего населения.¹⁹ Загрязнение воздуха отходами промышленного производства является следствием нарушения правил промышленной санитарии. Не будь специального состава загрязнения воздуха, такие нарушения правил промышленной санитарии квалифицировались бы по ст. 137 (140).

Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях — ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) отличается от родового состава, предусмотренного ст. 137 (140), местом нарушения и тем, что субъектом этого преступления может быть и недолжностное лицо. Особенность места нарушения в свою очередь определяет повышенную опасность этого преступления, угрожающего жизни и здоровью (преимущественно жизни) многих людей и мате-

риальным ценностям. Будучи преступлением, опасным для жизни, здоровья и материальных ценностей, нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях по отношению к составу, предусмотренному ст. 137 (140), является видовым, поскольку охватывает нарушения, одновременно подпадающие под действие ст. 137 (140), и смежным, поскольку распространяется на нарушения, не предусмотренные родовым составом.

Наконец, родовым составом является не оказание помощи погибающему, предусмотренное ч. 1 ст. 125 (127). Из него выделяется такое же не оказание помощи, но лицом, специально обязанным заботиться об оставленном — ч. 2 ст. 125 (127). Не выдели законодатель последнее в отдельный состав — и оно рассматривалось бы как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 125. В свою очередь видовым состав, предусмотренный ч. 2 ст. 125, становится родовым по отношению к составу, описанному в ст. 127 (129), и в значительной части по отношению к составу, описанному в ст. 126 (128). Не будь этих составов, указанные в них деяния рассматривались бы по ч. 2 ст. 125, поскольку медицинский работник и капитан судна в силу профессии, служебного положения и предписаний нормативных актов обязаны оказывать помощь: первый — медицинскую, второй — гибнущему на водном пути. Лишь частично ч. 2 ст. 125 не совпадает со ст. 126, по которой несет ответственность медицинский работник и за не оказание помощи больному, жизни которого не угрожает опасность. Вследствие этого состав, предусмотренный ст. 126, следует поместить в конце группы составов оставления в опасности.

Разграничение родовых и видовых составов важно не только для квалификации содеянного, но и для определения места нормы в системе уголовного законодательства.

Размещение видовых составов вслед за родовыми отражает связь между ними, облегчает уяснение содержания самой нормы. Поэтому родовые и видовые составы, однородные по существу своему, должны располагаться в одной и той же главе Уголовного кодекса и друг за другом. В действующем кодексе это правило, как уже отмечалось, не всегда выдерживается.

Наконец, при построении системы рассматриваемых преступлений следует определить последовательность размещения составов внутри группы. Как известно, эта

последовательность в главах Уголовного кодекса не основана на едином принципе. Составы хищений, например, размещаются от менее тяжких к более тяжким с некоторым отступлением от такой последовательности. Составы преступлений против жизни, преступлений против здоровья расположены внутри каждой группы от более тяжкого к менее тяжкому. Очевидно, в какой-то мере это следует учитывать и при построении системы преступлений, опасных для жизни и здоровья.

В итоге система рассматриваемых преступлений представляется в следующем виде:

1. Преступления, опасные для жизни и здоровья

а) поставление в опасность:
нарушение правил безопасности труда;
загрязнение воздуха;
нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями;
нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ;
содержание притонов для потребления наркотиков;
спайвание несовершеннолетних;
поставление в опасность заражения венерической болезнью;
незаконное врачевание;
незаконное производство аборта;

б) оставление в опасности:
неоказание помощи погибающему посторонним лицом;
оставление без помощи погибающего лицом, обязанным заботиться о нем;
неоказание капитаном судна помощи гибнущему на водном пути;
неоказание медицинской помощи.

2. Преступления, опасные для жизни, здоровья и материальных ценностей:

нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта;
управление транспортными средствами в состоянии опьянения;
незаконное владение взрывчатыми веществами;
нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами;
нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях;
загрязнение водоемов.

§ 3. Конструкция составов

Особенность конструкции составов преступлений, опасных для жизни и здоровья, состоит в том, что жилищно-площадью большинства из них (по выражению А. Н. Трайнина) являются бланкетные диспозиции.²⁰

Количество бланкетных диспозиций в действующем уголовном кодексе значительно (в УК БССР их более 50), что уже должно привлечь внимание как с точки зрения правильного применения закона, так и *de lege ferenda*.

Свойственная бланкетным диспозициям отсылка к узаконениям непосредственно не уголовно-правового характера распространяется на признаки, характеризующие объективную сторону преступления и субъекта преступления, либо один из этих элементов состава преступления. Первые можно назвать полностью бланкетными, вторые — частично бланкетными диспозициями.

Из числа рассматриваемых полностью бланкетными являются диспозиции статей 137 (140), 126 (128) и 82 (85).

Ст. 137 предусматривает ответственность за «нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда...» Названные правила содержатся в законах, указах, постановлениях правительства СССР, постановлениях ВЦСПС, отдельных ведомств, совместных нормативных актов центральных комитетов, отдельных профсоюзов и заинтересованных министерств, приказах и инструкциях предприятий и т. д.²¹

Правила безопасности труда являются едиными, если они распространяются на все отрасли производства, либо являются межотраслевыми или отраслевыми, предназначенными для отдельных отраслей производства.

Они — «результат коллективного труда высококвалифицированных опытных специалистов... обобщение огромного производственного опыта, выводы передовой советской науки, подытоживающей практику хозяйственного строительства в нашей стране. Инструкции предусматривают типичные ситуации, которые могут возникнуть в ходе производственного процесса и содержат конкретные указания для их решения. Инструкции определяют круг действий, заключающих в себе возможность причинения вреда, и, запрещая их, обеспечивают предотвращение вредных последствий».²²

К этим же правилам следует обращаться и для уяснения объективной стороны состава нарушения производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах.

Хотя ст. 137 (140) в качестве субъекта преступления называет должностных лиц, но для определения того, какое именно должностное лицо несет ответственность по этой статье, необходимо также обращаться к правилам по технике безопасности, промышленной санитарии и иным правилам охраны труда.

Ст. 126 (128), определяя состав преступления как «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать такую помощь», отсылает к нормативным актам, указывающим, кто относится к лицам медицинского персонала и в каких случаях они обязаны оказывать помощь больному. К ним относятся: ст. ст. 16, 40—44, 46, 47 Закона Белорусской ССР о здравоохранении от 4 июня 1970 г., Положения о правах и обязанностях зубного врача, фельдшера, акушерки, принятые Министерством здравоохранения СССР 6 июня 1946 г.,²³ Положение о правах и обязанностях медицинской сестры, принятое там же 31 мая 1956 г.

Определяя ответственность за «нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта», ст. 82 (85) для уяснения сущности указанных в ней нарушений отсылает к нормативным актам отдельным для каждого вида транспорта.

В части железнодорожного транспорта основным из них являются Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР от 5 ноября 1970 г., устанавливающие «основные положения и порядок работы железных дорог и работников железнодорожного транспорта, основные размеры, нормы содержания важнейших сооружений, устройств и подвижного состава и требования, предъявляемые к ним, систему организации движения поездов и принципы сигнализации» (ст. 1 Введения).

Точное и неуклонное выполнение правил технической эксплуатации железных дорог «обеспечивает слаженность всех звеньев железнодорожного транспорта, четкую и бесперебойную работу железных дорог и безопасность движения» (ст. 2 Введения).

Основные положения Правил технической эксплуатации железных дорог конкретизированы в действующих на железнодорожном транспорте инструкциях: Инструкции по движению поездов и маневровой работе (принята

14 июня 1971 г.), Инструкции по сигнализации (принята 27 апреля 1971 г.), Инструкции по эксплуатации тормозов подвижного состава (принята 27 марта 1971 г.); Инструкции по устройству и обслуживанию поездов (принята 23 августа 1965 г.).

Статья 82 УК опирается также на Устав железных дорог СССР (принят 6 апреля 1964 г.), регламентирующий основные условия перевозок, основные положения по эксплуатации железнодорожных подъездных путей и другие вопросы, связанные с упоминаемой в ст. 82 (85) эксплуатацией транспорта, и Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР (принят 31 июля 1964 г.).²⁴

В части, относящейся к водному транспорту, ст. 82 (85) опирается на следующие нормативные акты: Правила плавания по внутренним водным путям РСФСР (введены в действие 11 февраля 1959 г., распространены на внутренние водные пути БССР приказом Главречфлота БССР № 476 от 2 декабря 1959 г.); Местные правила плавания по внутренним судоходным путям БССР (приняты 15 апреля 1966 г.); Правила технической эксплуатации речного транспорта СССР (утверждены 24 марта 1955 г.); Устав службы на судах Министерства речного флота РСФСР (принят 7 февраля 1959 г., действует в БССР на основании приказа Главречфлота БССР от 25 мая 1955 г.); Устав внутреннего водного транспорта СССР (утвержден 15 октября 1955 г.); Инструкцию о классификации, порядке расследования, рассмотрении и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях (принята 20 апреля 1971 г.); Правила технической эксплуатации гидротехнических сооружений (приняты 15 января 1958 г.); Устав о дисциплине работников речного транспорта СССР (утвержден 22 ноября 1966 г.).²⁵

Правила плавания распространяются на все суда, плавучие сооружения и плоты, плавающие по внутренним судоходным путям, а также на береговые и гидротехнические сооружения, бечевники, речные порты и пристани, расположенные на внутренних судоходных путях.

Правила плавания регламентируют обязанности судоводителей и плотоводителей, габариты путей, нормы грузо- и пассажироместности, указывают, в каких случаях запрещается выход в плавание, содержат основные пра-

вила эксплуатации мостов, канатных и паромных переправ, описание знаков судоходной обстановки и их назначение, знаков сигнализации, применяемых на судах и плотках, правила движения судов, плотов и снарядов, стоянки судов, ввода и расстановки их в затоны и на зимовку.

Правила технической эксплуатации устанавливают основные технические требования, предъявляемые к содержанию и эксплуатации флота, плавучих и береговых сооружений и устройству путевого хозяйства, гидротехнических сооружений, портов, пристаней, ремонтно-эксплуатационных баз, судоремонтно-строительных предприятий и средств связи, а также основные принципы организации работы флота и портов-пристаней.

Устав службы определяет организацию службы на судах и права и обязанности экипажа.

Устав внутреннего водного транспорта определяет основные условия использования внутренних водных путей для судоходства и сплава, права и обязанности пароходств, осуществляющих перевозки, и другие положения, обращение к которым необходимо для уяснения содержания ст. 82 (85 УК).

В части, относящейся к воздушному транспорту, ст. 82 УК опирается на Воздушный кодекс СССР (утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 декабря 1961 г.), Основные правила полетов на территории СССР (утверждены Главнокомандующим Военно-Воздушными Силами Вооруженных Сил СССР и начальником Главного управления Гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР 15—17 мая 1947 г.) и Наставление по производству полетов в Гражданской авиации (утверждено Главным управлением ГВФ СССР 5 апреля 1958 г.).²⁶

Воздушный кодекс определяет «порядок деятельности гражданской авиации и гражданского воздухоплавания в целях охраны интересов государства, обеспечения безопасности полетов воздушных судов и удовлетворения потребностей народного хозяйства СССР и граждан» (ст. 2). Основные правила полетов, как указывается в ст. 1, являются «организационной основой безопасности полетов на территории СССР. Они регламентируют производство полетов... всех видов авиации, независимо от их принадлежности; устанавливают единые сигналы и

определяют порядок взаимного использования средств обеспечения полетов (ЗОС,²⁷ радио, метеорологическая служба) различных ведомств». Соблюдение Основных правил полетов обязательно для всего летного и руководящего состава авиации, независимо от ее принадлежности.

Основные правила полетов развиты и конкретизированы в наставлениях по производству полетов, в частности в Наставлении по производству полетов в Гражданской авиации СССР.

Наконец, правила безопасности движения и эксплуатации транспорта содержатся в нормативных актах для данной станции, аэропорта, пароходства. Так, § 178 Правил технической эксплуатации железных дорог указывает, что «порядок использования технических средств станции устанавливается технико-распорядительным актом, которым регламентируется безопасный и беспрепятственный прием, отправление и проследование поездов по станции, а также безопасность внутростанционной маневровой работы. Порядок, установленный технико-распорядительным актом, является обязательным для работников всех служб». Оценивая имевшие место на железной дороге нарушения, необходимо обращаться к упомянутому акту. В частности, при решении вопроса о том, кто виновен в нарушениях, связанных с маневрами, обращаемся к § 190 Правил технической эксплуатации железных дорог, указывающих, что «маневры на станционных путях должны производиться по распоряжению только одного работника — дежурного по станции, маневрового диспетчера, дежурного по сортировочной горке или парку, а на участках, оборудованных диспетчерской централизацией, — дежурного поездного диспетчера. Распределение обязанностей между указанными работниками по распоряжению маневрами указывается в технико-распорядительном акте станции».

Для обеспечения максимальной безопасности полетов начальник каждого авиагородка (аэропорта) издает Инструкцию по производству полетов в районе аэродрома (аэропорта), уточняющую все вопросы полетов, вытекающие из специфических особенностей данного аэродрома или аэропорта (ст. 31 Основных правил полетов на территории СССР).

Применяя ст. 82 (85) в части, относящейся к водному

транспорту, необходимо знать, что § 72 Правил плавания по внутренним водным путям РСФСР указывает, что за последствия, происшедшие в результате непринятия мер, не предусмотренных этими правилами, виновные не освобождаются от ответственности, если они нарушили правила, «соблюдение которых диктуется практикой судовождения или особыми обстоятельствами».

Частично бланкетными (по объективной стороне состава преступления) являются диспозиции ст. ст. 217 (222), 219 (224), 114 (116), 212 (217).

Правила борьбы с эпидемиями, нарушение которых является преступлением в случаях, предусмотренных ст. 217 (222) УК, содержатся в Законе Белорусской ССР о здравоохранении от 4 июня 1960 г. (раздел III), Положении о государственном санитарном надзоре в СССР, утвержденном Постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. и многочисленных актах Министерства здравоохранения СССР.²⁸

Статья 219 УК предусматривает ответственность за нарушение правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки «сильнодействующих, ядовитых или наркотических средств».²⁹

Перечень таких средств и правила обращения с ними содержатся в Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., в многочисленных актах по аптечному делу, Государственной фармакопее, инструкциях по технике безопасности и правилах перевозок пассажиров, багажа и грузов.³⁰

Статья 114 (116) УК предусматривает ответственность за «незаконное производство аборта врачом». Случаи, когда аборт признается незаконным, перечислены в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещений абортов» и Инструкции Министерства здравоохранения СССР о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности.³¹

Многочисленны правила «хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ» (ст. 212 (217) УК). К их числу, например, относятся: единые правила безопасности при взрывных работах (утверждены 7 февраля 1957 г.), санитарные правила перевозки, хранения, учета и работы с радиоактивными веществами (утверждены 14 января 1957 г.),

правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР (введены в действие с 1 октября 1964 г.).³²

Частично бланкетными (по субъекту преступления) являются диспозиции статей 216 (221), 125, ч. 2 (127, ч. 2), 213, ч. 1 (218, ч. 1) УК.

Формулируя состав преступления «занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим медицинского образования», ст. 216 (221) не указывает, кого именно это касается. Круг лиц, имеющих право заниматься врачеванием, определен в ст. 13 Закона Белорусской ССР о здравоохранении и уже упоминавшихся Положениях Министерства здравоохранения СССР о правах и обязанностях зубного врача, фельдшера и т. д.³³

Часть 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) говорит об ответственности за неоказание помощи потерпевшему лицу, которое было обязано иметь о нем заботу. Такая обязанность предусмотрена многими нормативными актами: п. «в», «г» ст. 12 Правил дорожного движения 1972 г., ст. ст. 4, 44, 47 Боевого Устава пожарной охраны от 1953 г.³⁴ и т. д.

Наконец, ст. 213 (218) Уголовного кодекса предусматривает ответственность за ношение, хранение, изготовление или сбыт боевых припасов или взрывчатых веществ, если лицо не имеет «соответствующего разрешения». Изготовление указанных веществ частным лицом в СССР запрещается. Порядок же выдачи разрешений на ношение и хранение взрывчатых веществ и боеприпасов регламентируется специальной инструкцией, а боеприпасов к охотничьему оружию — постановлением Совета Министров БССР «Об упорядочении учета и торговли охотничьими ружьями».³⁵

Мы уделили внимание документированию бланкетных диспозиций, поскольку это необходимо для правильного применения закона.

Наличие таких диспозиций обязывает органы расследования и суд наполнять их конкретным содержанием путем указания в постановлении о предъявлении обвинения, обвинительном заключении и приговоре, какие именно нарушения инкриминируются виновному и какие правовые акты их запрещают.

Невозможно определить, в чем выразилось преступление, четко сформулировать обвинение и правильно ква-

лифицировать содеянное, не обращаясь к этим актам. Однако обращение к ним необходимо не только для определения криминальности содеянного. Ссылка в приговоре на конкретные правила, неисполненные виновным, важна и для пропаганды этих правил и воспитания граждан в духе их неуклонного соблюдения.

Изучение судебной практики показывает, что органы расследования и суд не всегда это делают. Особенно часто нарушение допускается при применении ст. 137 УК. Суды редко указывают, какие правила виновным нарушены и каким нормативным актом предписано их соблюдение. Применение ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) в большинстве случаев также не сопровождается указанием на правовые основания обязанности иметь заботу о потерпевшем.

Вследствие этого допускаются ошибки в квалификации деяний, опасных для жизни и здоровья.

Правила, на которые опираются бланкетные диспозиции, нередко подвергаются изменениям, что оказывает влияние на содержание соответствующего уголовного закона. Поэтому, обращаясь к нормативному акту, на который опирается данная диспозиция, следует проверить, действует ли он и не подвергался ли изменениям.

Бланкетные диспозиции, как отмечал П. И. Люблинский, «удобны в том отношении, что они делают уголовно-правовые нормы гибкими и устойчивыми», так как «норма, предусматривающая ответственность за неисполнение каких-либо правил, может остаться неизменной, независимо от изменения самих правил».³⁶

Однако наличие бланкетных диспозиций снижает предупредительно-воспитательное значение уголовного закона.

Последний, определяя преступное и наказуемое, предупреждает тем самым каждого гражданина о последствиях совершения им общественно опасного деяния. Такое предупреждение дает моральное право государству применять санкцию к виновному в нарушении уголовно-правового запрета.

Закон должен быть кратким, точным и ясным. Предупредительно-воспитательное воздействие закона немислимо, если он по крайней мере не удовлетворяет двум последним требованиям, поскольку ясность невозможна без точности. Обращение к каждому гражданину не на-

рушать законов дает ему в свою очередь право требовать, чтобы эти законы были сформулированы так, чтобы все было понятно.

Советский законодатель заинтересован в том, чтобы совершалось как можно меньше преступлений. Он поэтому стремится к точности и ясности формулировок составов преступлений.

Одним из препятствий на этом пути являются бланкетные диспозиции. Не случайно П. И. Люблинский, несмотря на отмеченные им удобства бланкетных диспозиций, допускал их применение в области легких проступков и считал нежелательными в области более серьезных преступлений.

И. И. Солодкин отмечает, что к бланкетным диспозициям прибегают в тех случаях, когда иное построение диспозиции сделало бы уголовный закон громоздким и неудобным для пользования.³⁷ Тем самым там, где бланкетная диспозиция может быть заменена описательной, это должно быть сделано. Так, например, поступил законодатель с диспозицией статьи о контрабанде. В Уголовном кодексе БССР 1928 г. ст. 87 содержала лишь два слова «квалифицированная контрабанда». В действующем кодексе эта диспозиция заменена описательной (ст. 75), хотя уже не столь краткой, но достаточно точной и значительно более понятной для каждого.

К бланкетным диспозициям следует прибегать не по соображениям удобства и краткости, а лишь в случаях крайней необходимости, когда состав преступления нельзя сформулировать иначе. Так, например, нарушение правил безопасности труда, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта как составы преступлений могут быть очерчены только в бланкетной диспозиции. Где есть возможность использовать описательную диспозицию, там это необходимо сделать. Это относится прежде всего к ст. 114 (116), предусматривающей ответственность за «незаконное производство аборта врачом». Такая формулировка одинаково приемлема при запрещенности абортот и их легализации. Принципиальные изменения позиции законодателя в отношении абортот не затрагивают такую формулировку, что уже свидетельствует не в ее пользу. Но главное возражение состоит в том, что наличие такой формулировки требует обраще-

ния к специальным нормативным актам, на которые она опирается. Уже упомянутый Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещений аборт» определил, что «производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в больницах и других лечебных учреждениях согласно инструкции Министерства здравоохранения» (ст. 2), и сохранил «уголовную ответственность как врачей, так и лиц, не имеющих специального медицинского образования, производящих аборт вне больниц или других лечебных учреждений» (ст. 3). Инструкция же указывает, что производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в стационарных лечебных учреждениях и при отсутствии противопоказаний. Инструкция содержит перечень противопоказаний, при наличии которых аборт не может быть произведен даже в этих учреждениях.

Таким образом, вместо «незаконное производство аборта врачом» состав может быть сформулирован как «производство аборта вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний врачом, имеющим соответствующее медицинское образование». ³⁸ При такой редакции к другим нормативным актам придется обращаться только для определения понятия противопоказаний к аборту.

Уголовный кодекс БССР 1960 г. урезал бланкетность состава не оказания помощи больному. Прежний Уголовный кодекс БССР в ст. 231 формулировал состав как «неоказание помощи больному... со стороны лица, обязанного ее оказывать в силу закона или специальных правил», вследствие чего необходимо было выяснить, идет ли речь лишь о медицинской помощи и кто является субъектом этого преступления. Статья 126 нового УК сформулировала состав как «неоказание помощи больному лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать такую помощь». Тем самым вопрос о субъекте преступления в основном получил разрешение в самой диспозиции. Следовало также указать, что речь идет о медицинской помощи и норма перестала бы быть бланкетной.

Ее можно было сформулировать как «неоказание без уважительных причин лицами медицинского персонала медицинской помощи». ³⁹

§ 4. О родовом составе поставления в опасность

При наличии родового состава оставления в опасности, предусмотренного ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), действующие кодексы советских республик не содержат родового состава поставления в опасность.

Конструкция составов поставления в опасность как видовых по способу создания опасности повлекла за собой их многочисленность. В УК БССР таких составов 15. Обращение к другим действующим уголовным кодексам выявляет наличие значительного количества видовых составов поставления в опасность.

Ими, например, являются следующие, неизвестные УК БССР: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автомобилем, транспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной, если это нарушение заведомо для виновного создавало серьезную опасность наступления несчастных случаев с людьми и если это совершено в течение года после применения за такие же действия мер административного взыскания (ч. 1 ст. 241 УК ГССР); нарушение установленных Воздушным кодексом Союза ССР и издаваемых Главным управлением Гражданского воздушного флота правил об охране порядка безопасности воздушных передвижений и об охране имущества Гражданского воздушного флота, если нарушение могло причинить тяжелые последствия (ст. 207 УК УзССР); нарушение правил безопасности горных работ, если оно заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия (ч. 1 ст. 218 УК УССР); нарушение при производстве строительных работ строительных, санитарных и противопожарных правил, а также правил эксплуатации строительных механизмов, если оно заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия (ч. 1 ст. 219 того же УК); нарушение руководящими и инженерно-техническими работниками, горными мастерами (десятниками) правил технической эксплуатации и правил безопасности в действующих и строящихся шахтах угольной, сланцевой или горной промышленности, если в результате такого нарушения могут наступить тяжкие последствия (ч. 1 ст. 207 УК КазССР); нарушение рабочими и служащими правил безопасности ведения работ

в действующих и строящихся шахтах угольной, сланцевой или иной горной промышленности, если в результате так го нарушения могли наступить тяжкие последствия (ч. 3 ст. 207 того же УК); незаконная пересылка по почте или багажом легковоспламеняющихся веществ либо предметов, а равно едких веществ (ч. 1 ст. 232 УК КиргССР); сбыт фальсифицированных предметов (ст. 162 УК ГССР); склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических средств (ст. 210 УК РСФСР); продажа для личного употребления спиртных напитков лицу, не достигшему 16-летнего возраста (ст. 193 УК Народной Республики Болгарии 1968 г.); недобросовестный осмотр ветфельдшером мяса, в результате чего в обращение выпущено мясо, вредное для здоровья людей (ст. 210 УК Социалистической Федеративной Республики Югославии 1951 г.); создание опасности занесения или распространения заразных болезней среди людей (§ 18 УК Чехословацкой Социалистической Республики 1961 г.); умышленное поставление в опасность жизни или здоровья другого лица участием в драке (§ 225 того же УК); опрометчивое или небрежное вождение судна, создающее опасность для человеческой жизни или возможность причинения телесного вреда или ущерба другому лицу (ст. 280 УК Индии 1860 г.); перевозка лица за плату на судне, находящемся в состоянии опасности или перегруженном, чем создается опасность для жизни перевозимого лица (ст. 232 того же УК); поставление в опасность жизни и здоровья лица, находящегося на лечении, воспитании, учении путем лишения его необходимого питания, заботы или путем перегрузки его непосильным трудом либо злоупотребления наказанием (ст. 136 УК 1940 г. Бразилии); поставление в опасность малолетнего, или лица женского пола, или слабого здоровьем, или слабоумного, или подчиненного путем его физического или духовного переутомления (ст. 135 того же УК); создание опасности от диких или опасных животных; создание опасности путем бросания камней; оставление незакрытыми колодца, погреба, ямы и т. д., в результате чего создается опасность для человека (соответственно ст. ст. 435, 437, 438 УК Греции 1950 г.); умышленная или неосторожная передача детям, не достигшим 15 лет, или душевнобольным или пьяным опасное оружие или взрывчатых веществ (ст. 254 УК Дании 1930 г.); отдача

ребенка, больного венерической болезнью, для ухода за ним с умалчиванием о болезни и опасности заражения (ст. 250 того же УК); поставление женщиной во время родов в опасность своего ребенка, если ребенку не был причинен вред (ст. 251 того же УК); выполнение обязанностей кормилицы женщиной, скрывающей, что она больна заразной болезнью (§ 379 УК Австрии 1945 г.).

Перечень известных действующим уголовным кодексам видовых составов поставления в опасность, хотя бы за счет не упомянутых кодексов, можно было бы продолжить.

Предусмотреть в отдельных нормах все частные случаи поставления в опасность — значит создать значительное количество новых составов, что вряд ли целесообразно. В результате такой кодификации одни лишь преступления, опасные для жизни и здоровья, составили бы значительную часть кодекса, что привело бы, по выражению Т. В. Церетели, к «гипертрофии уголовных кодексов».⁴⁰ Но дело не только и не столько в этой технико-юридической проблеме. Главное состоит в том, что чрезмерным дроблением составов еще не гарантируется охват всех могущих встретиться в жизни случаев. Для этого необходимо создать родовой состав поставления в опасность. Только введением в действующий кодекс такого состава можно охватить все случаи создания конкретной опасности для жизни и здоровья человека.

Практика испытывает в этом потребность. Несколько примеров. К. в зимнее время систематически выгоняла на улицу престарелую мать, полураздетую и босую. Б., страдающая открытым процессом туберкулеза, выбрасывала в колодец, водой которого пользовались односельчане, мокроту, содержащую палочки Коха. Г., страдая такой же болезнью и работая учителем в школе, чтобы не быть уволенным, представил подложную справку о своем выздоровлении и до разоблачения оставался на этой работе. Повар детского сада Х. приготовленный паштет хранила в течение 16 часов при комнатной температуре, после чего накормила им детей. Из 193 детей, употреблявших паштет, 52 получили отравление, но благодаря своевременному и квалифицированному медицинскому вмешательству, были спасены и здоровыми выписаны из больницы.

Во всех случаях имело место создание конкретной

опасности для жизни и здоровья других лиц. Между тем К. была осуждена за неоказание помощи, Б.— за хулиганство, Г.— лишь за использование поддельных документов, а в отношении Х. дело прекращено за отсутствием состава преступления.⁴¹ По этой же причине не возбуждалось уголовное дело и в следующем случае. Семилетний С. провалился в занесенный снегом канализационный колодец, крышка которого была кем-то отодвинута. Упав на глубину 4,5 м, С. находился там 5 дней и 4 ночи, пока в результате поисков не был обнаружен и доставлен в больницу, откуда через три дня выписан, так как принятыми мерами опасность для его жизни была ликвидирована.⁴²

Из-за отсутствия родового состава поставления в опасность остаются вне сферы уголовно-правового воздействия случаи неосторожного лишения жизни, когда на уровне современной науки невозможно установить, поведение кого из нескольких лиц, совершивших абсолютно одинаковые действия, было причиной смерти, если она вызвана действием одного из них.

К. около 9 часов утра пошел умываться к реке, протекающей на расстоянии 200 м от поселка, и на противоположном берегу реки увидел колебание кустов, черный силуэт, услышал треск веток.

Полагая, что в кустах медведь, К. побежал в дом поисковой партии и сообщил об этом Ш. Оба они взяли одноствольные ружья 16-го калибра, зарядили их одинаковыми патронами и вместе побежали к реке. На берегу реки Ш. с колена, а К. с положения «стоя» одновременно произвели выстрелы в кусты противоположного берега, где, по мнению К., находился медведь и где они оба видели колебания кустов и силуэт.

В кустах оказался техник-геофизик К-в, работавший начальником отряда, расположенного в 40 км от места происшествия.

К-ву одним выстрелом было причинено сквозное ранение брюшной и левой плевральной полости с разрушением печени, селезенки, левой почки, отчего при доставке его в больницу и наступила смерть.

Пуля от второго выстрела попала в нагрудный карман К-ва, в котором находились ракетные патроны, и, разбив один из них, не причинила К-ву каких-либо повреждений.

К. и Ш. выстрелы по цели произвели одновременно, почти с одинакового расстояния (21 м 60 см и 21 м 80 см), из одинаковых ружей, заряженных одинаковыми пулями. В процессе следствия и судебного разбирательства дела не установлено, кто из них — Ш. или К.— причинил смертельное ранение К-ву.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 1 июля 1966 г.⁴³ признал осуждение К. и Ш. за неосторожное убийство неправильным и направил дело на новое расследование для установления конкретного лица, виновного в совершении преступления.

Между тем установить, чей выстрел явился причиной смерти потерпевшего, невозможно. При таких обстоятельствах выполнение указаний Пленума Верховного Суда СССР невозможно, а названные лица подлежат освобождению от уголовной ответственности.

Вина же их одинакова в том, что своими действиями создали опасность для жизни человека и за это должны были отвечать, если бы закон считал такие действия преступными. А при наличии родового состава поставления в опасность действия упомянутых лиц охватывались бы им и не было бы надобности предписывать установление того, что установить невозможно.

Отсутствие родового состава поставления в опасность жизни и здоровья ограничивает область уголовно-правовой охраны личности и является пробелом в нашем законодательстве. Стремясь восполнить его, судебная практика необоснованно широко толкует понятия неоказания помощи и хулиганства. Но и при этом вне уголовно-правового воздействия остается создание конкретной опасности для жизни и здоровья людей в весьма многочисленных случаях, о которых можно судить хотя бы по вышеприведенным примерам из практики и законодательства.

В родовом составе поставления в опасность есть не меньшая необходимость, чем в родовом составе оставления в опасности.

Признаки предлагаемого состава поставления в опасность должны быть согласованы с элементами видовых составов поставления в опасность. В последних предусмотрена ответственность за создание опасности не только для жизни, но и здоровья. (Поэтому мы не можем согласиться с Т. В. Церетели в том, что такой состав тре-

буется для усиленной защиты только жизни.)⁴⁴ Для субъективной стороны преступления (отношение к деянию) необходимо наличие умысла или неосторожности.

Санкция должна быть такой, чтобы в полной мере можно было учесть, действовал ли виновный умышленно или неосторожно и создана ли опасность для жизни либо здоровья. Если за неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, предусмотрено в качестве максимального наказания лишение свободы сроком на 2 года, то и за поставление в опасность максимальное наказание не может быть меньшим.

Таким образом, родовой состав, который распространялся бы на случаи создания конкретной опасности, не предусмотренные видовыми составами, может быть сформулирован, как «поставление в опасность жизни, здоровья другого лица» с санкцией «лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до одного года».⁴⁵

ГЛАВА 3. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ (ПОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТЬ)

§ 1. Нарушение правил безопасности труда

Родовой состав нарушения правил безопасности труда в ст. 137 (140) сформулирован как «нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, если это нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия». Такую же формулировку содержат кодексы других союзных республик, за исключением отдельных, которые нарушение указанных правил признают преступлением, если оно «заведомо создавало опасность для жизни и здоровья людей».¹

Наряду с жизнью и здоровьем объектом рассматриваемого преступления называют трудоспособность человека.² Трудоспособность — одно из проявлений здоровья. Утрата трудоспособности профессиональной или общей, временная или постоянная, полная или частичная — результат нанесенного вреда здоровью. Поэтому вряд ли есть надобность упоминать ее в определении объекта нарушения правил безопасности труда.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и повышением роли судов в предупреждении этих правонарушений» разъясняет, что «попавшими в результате преступных нарушений правил охраны труда могут быть как работники предприятия (колхоза), так и иные лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством».³

Иными лицами, постоянная или временная деятельность которых связана с данным предприятием (колхозом), например, являются: проходящие производственную практику, помогающие колхозу (совхозу) в уборке

урожая или проведении других сельскохозяйственных работ; прикомандированные к данному предприятию для осуществления каких-либо функций (надзора, приема продукции, изучения опыта работы и т. д.).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом Постановлении № 4, «в тех случаях, когда на производстве в результате нарушения правил техники безопасности причинен вред здоровью иных граждан, виновные в зависимости от характера преступных деяний несут ответственность по статьям о должностных преступлениях или преступлениях против личности». В таких случаях действия должностных лиц квалифицируются по ст. 168 (172), а недолжностных — по ст. ст. 104 (106), 112 (114).

Дифференцированная ответственность за нарушение правил по технике безопасности в зависимости от того, кто является потерпевшим, вызывает сомнение, поскольку прежде всего не вытекает из текста закона.

Когда законодатель ограничивает круг потерпевших, он прямо на это указывает. В ст. 156 УК БССР 1922 г. (ст. 156 УК РСФСР 1922 г.) состав нарушения правил техники безопасности формулировался как «заведомое поставление работающего в такие условия работы, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить свою трудоспособность». УК БССР 1928 г. в п. «б» ст. 200 формулировал состав как «нарушения должностным лицом правил об охране труда, при которых работник утратил или мог утратить свою трудоспособность». Статья 133 (ч. 3) УК РСФСР 1926 г. определила это преступление как «поставление работника, с нарушением правил об охране труда, в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность». Действующий кодекс говорит не о работнике, а о людях, потерпевших от нарушений правил по технике безопасности. Представляется, что такое изменение не является случайностью, оно связано с технической революцией. Технические средства, которыми оснащено народное хозяйство сейчас, в значительной своей части таковы, что их неправильная эксплуатация создает угрозу не только для работника, их обслуживающего, но и для других лиц.

Но дело не только в формулировке ст. 137 (140). Предлагаемая Пленумом Верховного Суда СССР квалификация нарушений должностным лицом правил техники

безопасности, если потерпевшими оказались посторонние лица, влечет за собой значительное ограничение уголовно-правовой охраны жизни и здоровья этих лиц, поскольку поставление их в опасность перестает быть преступлением. Статья 168 (172) не может применяться, если не был причинен «существенный вред... охраняемым законом правам и интересам граждан». Поэтому преступление будет иметь место лишь в том случае, когда потерпевшему лицу в результате нарушений виновным должностным лицом правил безопасности причинены смерть или телесные повреждения (тяжкие либо менее тяжкие).

Как отмечается в литературе, «сущность самого нарушения правил безопасности труда не должна меняться в зависимости от того, кто в результате этого нарушения оказался потерпевшим», «социалистическое производство должно быть безопасным как для его работника, так и для всех других лиц».⁴

Рассматриваемое преступление с *объективной стороны* выражается в поставлении в опасность жизни и здоровья людей путем нарушения правил безопасности труда.

Последние слагаются из правил техники безопасности, промыленной санитарии и иных правил охраны труда.

Техника безопасности устанавливает методы и разрабатывает средства предотвращения несчастных случаев на основе исследования производственных процессов и трудовых приемов.⁵ Обязательное использование этих технических средств и приемов работы, утвержденных в установленном порядке (нормативными актами) составляет правила по технике безопасности.

Промышленной санитарией, как уже указывалось, называют комплекс мероприятий по правильному устройству, оборудованию и содержанию промышленных предприятий в целях охраны здоровья как занятых на них рабочих, так и окружающего населения. Будучи облеченными в форму нормативного акта, эти мероприятия становятся правилами промышленной санитарии.

Хотя в технической литературе промышленная санитария рассматривается как разновидность техники безопасности,⁶ эти понятия не тождественны. Разница между ними связана с нижеприводимым разграничением несчастного случая и профессионального заболевания.

К иным правилам охраны труда, о которых говорит

ст. 137 (140), относятся правила безопасности труда, непосредственно не охватываемые понятиями техники безопасности и промышленной санитарии. Такими, в частности, являются правила технической эксплуатации. Регулируя технологические процессы и обеспечивая безотказную работу производственного оборудования, правила технической эксплуатации в ряде случаев одновременно являются и нормами по технике безопасности.⁷ Так, например, действующие в БССР правила технической эксплуатации речного транспорта (§ 89) запрещают производство ремонта котлов, паропроводов и сосудов сжатого воздуха, находящихся под давлением. Это правило технической эксплуатации является также правилом техники безопасности, поскольку несоблюдение его создает угрозу для жизни и здоровья людей.

К иным правилам охраны труда, нарушение которых вызывает применение ст. 137 (140), относятся правила, регулирующие труд подростков, беременных женщин и т. д. Так, для обеспечения безопасности труда этих лиц действующие законы запрещают допуск их к тяжелым и вредным работам, устанавливая льготный режим рабочего времени, пониженные нормы выработки и т. д.⁸

Нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда выражается в несовершении определенных действий или совершении запрещенных указанными правилами действий.

Изучение судебной практики показывает, что более или менее распространенными нарушениями правил безопасности труда являются:

а) неисполнение обязанностей по инструктированию рабочих и обучению их безопасным методам работы. В условиях, когда современные предприятия оснащены новейшими достижениями техники, обучение рабочих безопасным методам работы — едва ли не главное средство предупреждения производственного травматизма. Не случайно наши законы об охране безопасности труда уделяют этому вопросу первостепенное значение. Они требуют: вывешивания на видном месте правил об охране труда, действующих на данном предприятии; допуска к работе только после усвоения работником правил безопасности исполняемой им работы; регулярного инструктирования рабочих по безопасным методам работы.

Между тем на ряде предприятий инструктаж произ-

водится неудовлетворительно. О том, как проходит на некоторых предприятиях инструктаж новичков, образно рассказывает З. Ельянов, проработавший 30 лет техническим инспектором. Новичка наставляют: «Пользуйтесь предохранительными очками. Женщинам обязательно носить косынки. Под грузом стоять воспрещается. Все понятно? Распишитесь, что инструктаж по технике безопасности прошли».⁹ Не исчезли такие инструктажи и в настоящее время;

б) неисполнение обязанностей по ограждению машин и опасных мест. В соответствии с правилами по технике безопасности все машины, станки, аппараты, приборы, люки, переходы и разного рода устройства и установки должны быть надлежащим образом ограждены в опасных частях и местах. Паровые трубы и приборы, работающие паром, горячими газами или огнем либо развивающие высокую температуру, должны быть снабжены изолирующими обкладками или заключены в кожухи. На фабричном дворе, в местах пересечения дорог для пешеходов рельсовыми путями, должны быть приняты меры к ограждению пешеходов от повреждений вагонами, грузами;

в) нарушение правил подъема и закрепления грузов, высоты их складывания, возведения строительных лесов, валки деревьев, разборки строений и производства земляных работ, вызвавшее падение грузов и обрушения;

г) необеспечение рабочих спецодеждой, предохранительными приспособлениями и профилактическими средствами. На всех особо вредных работах, связанных с пребыванием при ненормальной температуре, в сырости, а равно в случаях, связанных с соображениями общественной гигиены, рабочим выдаются спецодежда и предохранительные приспособления (очки, маски, респираторы и т. п.). Лица, производящие работы на высоте, обеспечиваются защитными поясами и крюками для ног, а обслуживающие электроустановки — диэлектрическими галошами и ковриками. Все работающие с радиоактивными изотопами должны быть обеспечены индивидуальными средствами защиты;

д) нарушение правил эксплуатации машин и других опасных агрегатов, эксплуатация неисправных агрегатов. Эти правила различны в зависимости от характера машины и агрегата. Так, например, грузоподъемные краны

должны каждые 12 месяцев подвергаться освидетельствованию. Машины, приводы и станки на время перерывов в работе должны быть остановлены, кроме случаев, когда остановка их невозможна по техническим условиям.

Среди других нарушений правил техники безопасности труда, ставших предметом судебного разбирательства, следует отметить: загромождение проездов; допуск к работе лиц, которые из-за возраста или состояния здоровья не могли выполнять порученную работу без ущерба для своей безопасности; допуск к работе лиц, находящихся в состоянии опьянения; неоправданные новшества.

В юридической литературе часто различают нарушения технических правил безопасности и нарушения организационных правил. К первым относят нарушения производственного процесса или ненадлежащее состояние механизмов, ко вторым — нарушения в организации производственного процесса или отдельных его звеньев (ненадлежащее инструктирование, невыдача спецодежды и т. п.).

Материалы судебной практики показывают, что ни одно так называемое техническое нарушение не обходится без организационных упущений. Ведь нарушения производственного процесса или ненадлежащее состояние механизмов являются следствием нераспорядительности, халатности, т. е. организационных причин. Правильнее поэтому говорить не о технических или организационных нарушениях, а о единых организационно-технических нарушениях.

Организационно-технические нарушения правил безопасности труда образуют состав преступления, если они создают конкретную опасность для жизни или здоровья. Нарушения, не создающие такой опасности, рассматриваются применительно к ст. 134 (138) УК.

Конкретная опасность имеет место, когда нарушение «могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия».

В последние годы в литературе появилось мнение о слишком широкой трактовке в законе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137. Один из авторов пишет, что «практически... основанием для возникновения уголовной ответственности по данной части является лишь один факт нарушения, независимо от его особенностей и ха-

рактера». И далее: «Подобная редакция уголовно-правовой нормы по существу почти не оставляет места для понятия нарушения указанных правил как дисциплинарного или административного проступка. Тем самым создана реальная предпосылка для чрезмерного расширения сферы применения уголовно-правовых норм к нарушителям таких правил».¹⁰

Слишком широкая трактовка состава преступления, предусмотренного упоминаемой частью ст. 137 (140) УК, дана автором цитируемого высказывания, а не законом. Последний весьма определенно говорит, что нарушение должностным лицом правил по технике безопасности является преступлением, если «это нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия». Поэтому одного факта нарушения правил техники безопасности для наличия состава преступления недостаточно. Если нарушение не могло повлечь указанных последствий, оно образует дисциплинарный либо административный проступок. Не будет состава преступления, в частности, при совершении нарушения, создавшего лишь угрозу причинения материального ущерба.

Что касается создания законом реальной предпосылки для чрезмерного расширения сферы применения уголовно-правовых норм к нарушителям правил техники безопасности, то достаточно обратиться к практике, чтобы убедиться в обратном: ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) почти не применяется, и повинен в этом не законодатель.

Как известно, единого понятия несчастного случая нет ни в законе, ни в теории права. Оно, если можно так сказать, децентрализовано согласно потребностям того или иного правового института либо специфике обязанностей, присущей определенной деятельности. Положение о расследовании и учете несчастных случаев на производстве (утверждено Постановлением Президиума ВЦСПС от 20 мая 1966 г.)¹¹ к несчастному случаю относит «утрату трудоспособности продолжительностью свыше трех рабочих дней (в том числе случаи со смертельным исходом)» (п. 30).

Отнесение к несчастному случаю (в его уголовно-правовом смысле); кроме смерти, еще и тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения не вызывает сомнений. Что касается легкого телесного повреждения, то по действующему Уголовному кодексу причинение его наказу-

емо лишь при умысле виновного — ст. 110 (112). Причинение легких телесных повреждений по неосторожности не образует состава преступления.¹² Субъективная же сторона нарушений правил безопасности труда по отношению к последствиям может выражаться только в неосторожности. Значит ли это, что несчастным случаем, о котором говорит ст. 137 (140), легкое телесное повреждение не является?

Часть 2 ст. 137 рассматривает причинение телесных повреждений (тяжких — одному лицу, менее тяжелых или легких) в качестве квалифицированного вида нарушений правил безопасности труда. От ч. 1 той же статьи она отличается лишь тем, что говорит о последствиях, которые не наступили. Если ч. 2 ст. 137 карает за причинение легких телесных повреждений, то ее ч. 1 может применяться, когда нарушением создана конкретная опасность причинения такого повреждения.

Кроме того, легким телесным повреждением считаются согласно Правилам судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений поврежденные, имевшие скоропроходящие последствия, длившиеся не более пяти дней, а согласно упомянутому Положению о расследовании и учете несчастных случаев к последним отнесены и повреждения, повлекшие утрату трудоспособности свыше трех рабочих дней. Так что легкое телесное повреждение, повлекшее такую утрату трудоспособности, является также несчастным случаем. Иные легкие телесные повреждения несчастным случаем не могут быть признаны.

В п. 5а упоминаемого Постановления Пленум Верховного Суда СССР к «иным тяжким последствиям» отнес «возможные случаи профессиональных и других заболеваний в результате допущенных нарушений правил охраны труда».

«Другими заболеваниями» являются простудные заболевания, опасность которых создается работой на сквозняке или при низких температурах. Профессиональные заболевания развиваются постепенно вследствие длительного влияния на организм работающего вредных условий производства. Если длительное время работа протекает в ненормальных условиях, то влияние их на организм обнаруживается не сразу. Последствия вредного воздействия среды сказываются через не-

сколько лет после начала работы в виде ухудшения состояния нервной системы, хронического ревматизма, болезни легких и т. д.

Опасность профессионального заболевания создается преимущественно нарушением правил промышленной санитарии (плохая вентиляция рабочих помещений, антисанитарные условия работы и т. п.).

Значительный разрыв во времени между наступившими последствиями и нарушениями правил промышленной санитарии объясняет трудности в обосновании ответственности за эти нарушения. В судебной практике мы не встретили дел о нарушениях правил промышленной санитарии. Однако если установлены нарушения этих правил, что создает опасность профессиональных заболеваний, то не следует дожидаться самих заболеваний.

Отдельные криминалисты к иным тяжким последствиям относят нарушение нормальной работы предприятия, имущественный ущерб (выход из строя машин, приостановление производства на значительный отрезок времени и т. д.).¹³

Согласиться с этим можно лишь в том случае, если при наступлении таких последствий одновременно была создана конкретная опасность для жизни или здоровья людей. Если такой опасности не было, то нарушение нормальной работы предприятия или имущественный ущерб никак не могут рассматриваться как преступление против трудовых прав граждан, каким законодатель считает нарушение правил безопасности труда. Критикуемое определение иных тяжких последствий также противоречит понятию объекта, охраняемого ст. 137 (140), а им является, как уже говорилось, жизнь и здоровье людей. Наконец, сопоставление формального и материального составов нарушения правил безопасности труда также говорит о том, что иными тяжкими последствиями не могут быть последствия, не связанные с возможностью причинения вреда жизни и здоровью.

Область применения ст. 137 (140) определяется характером ее диспозиции. Правила по технике безопасности, промышленной санитарии и иные правила безопасности труда распространяются на государственные предприятия, колхозы, учебные мастерские.¹⁴ Поэтому поставление в опасность жизни и здоровья людей нарушением правил безопасности труда на названных предпри-

тиях квалифицируется ст. 137 (140). При этом не имеет значения, выполняется ли работа в соответствии с договором трудового найма или на основании договора подряда, проходит ли лицо практику и т. д.

Объем применения ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) зависит также от того, как сформулированы в кодексе составы нарушения правил техники безопасности строительных и горных работ.

Состав поставления в опасность нарушением правил безопасности строительных работ известен лишь уголовным кодексам УССР (ст. 218), ЛитССР (ст. 229), МССР (ст. 233) и ЭССР (ст. 210). Состав поставления в опасность при производстве горных работ известен уголовным кодексам УССР (ст. 218), ЛитССР (ст. 229), МССР (ст. 233) и ЭССР (ст. 206). Уголовные кодексы остальных союзных республик, в том числе БССР и РСФСР, формулируют составы нарушения правил техники безопасности строительных и горных работ как материальные — ст. 209 (214), 210 (215).

Согласно такой конструкции составов преступлений — нарушений правил безопасности труда поставление в опасность жизни и здоровья при производстве строительных или горных работ квалифицируется по ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), если виновным является должностное лицо. Это положение получило отражение в упоминаемом Постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1967 г., указавшем, что «ст. 140 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик подлежат применению, когда за нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, которые не повлекли, но могли повлечь указанные в законе последствия, ответственность предусматривается этой, а не иными нормами УК союзных республик» (п. 5).

Поскольку правила безопасности труда не распространяются на личное потребительское хозяйство,¹⁵ наниматели — частные лица, не обеспечивающие безопасность труда нанятых ими работников, в результате чего причины смерти или тяжкие телесные повреждения, несут ответственность по соответствующим статьям Уголовного кодекса о преступлениях против личности. При отсутствии последствий или при причинении легких телесных повреждений состава преступления не будет.

Нарушения правил безопасности труда имеют место как со стороны должностных лиц, так и иных лиц, но субъектом рассматриваемого преступления может быть только должностное лицо.

В соответствии с примечанием к ст. 166 (170) должностными являются лица, «занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию».

Применительно к анализируемому составу это определение может быть конкретизировано путем обращения к правилам безопасности труда.

Последние в связи с рассматриваемым вопросом могут быть подразделены на три группы.

Первую из них образуют правила, указывающие на конкретных лиц, ответственных за обеспечение безопасности труда. Так, например, ст. 294 Общих правил техники безопасности и промышленной санитарии для предприятий машиностроения от 29 сентября 1958 г. в качестве лиц, ответственных за обеспечение безопасности труда, называет директора предприятия, главного инженера, начальников цехов и руководителей отдельных участков работ.

Конкретные указания о лицах, ответственных за безопасность труда, содержатся также в нормативных актах, непосредственно не содержащих правил по безопасности труда. Так, например, типовой Устав ремесленных и железнодорожных училищ системы Трудовых резервов указывает, что за безопасностью работ, производимых учащимися, и за состоянием предохранительных устройств на рабочих местах учащихся обязаны наблюдать мастера производственного обучения этих училищ. Постановление Совета Министров БССР от 3 августа 1960 г. «О состоянии и мерах по улучшению охраны труда учащихся общеобразовательных школ»¹⁶ ответственность за выполнение правил техники безопасности, производственной санитарии и за охрану жизни и здоровья учащихся во время работы в школьных учебных и учебно-производственных мастерских, на школьных учебно-опытных участках

возлагает на директоров общеобразовательных школ и учителей, которые руководят этой работой, а при прохождении производственного обучения и во время производительного труда на предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах, РТМС — на их руководителей.

Вторую группу образуют правила, возлагающие ответственность за обеспечение безопасности труда на администрацию в целом. При этом одни из них обязывают администрацию выделить специальных людей для наблюдения за безопасностью работ (так, например, на предприятиях, где имеются сосуды, работающие под давлением, администрацией должны быть назначены технически подготовленные люди, ответственные за безопасную эксплуатацию сосуда), другие — о такой обязанности умалчивают.

В том и другом случаях для определения субъекта преступления необходимо обратиться к приказам по данному предприятию и установить, кто назначен ответственным лицом. Если такое лицо администрацией не выделено, то за имеющее место нарушение правил безопасности труда должен нести ответственность представитель администрации.

В литературе высказано мнение, что руководящие лица администрации, допустившие обезличку в ответственности за обеспечение безопасности труда, должны отвечать за халатное отношение к своим служебным обязанностям, а не по статье о нарушении правил безопасности труда, ибо для применения последней требуется нарушение названных правил. Если же руководитель предприятия назначает ответственным за технику безопасности недолжностных лиц и со стороны последних имели место нарушения, создавшие конкретную опасность, то признается ответственность руководителя по статье о нарушении правил безопасности труда.¹⁷

Нераспорядительность, в результате которой не был назначен ответственный за безопасность труда, ничем не отличается от такой распорядительности, когда ответственным назначается ненадлежащее лицо. И здесь и там должностное лицо не выполняет предписаний по обеспечению безопасности труда и тем создает опасность для жизни и здоровья людей. Разница состоит разве в том, что в одном случае имеет место невыполнение, а в другом — ненадлежащее выполнение своих обязанностей.

Статья 168 (172) одинаково признает халатностью «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения». Нарушение правил безопасности труда является видом халатности. Статьи 168 (172) и 137 (140) соотносятся друг с другом как общее и частное, как составы родовой (ст. 168) и видовой (ст. 137). Если, следовательно, халатность выразилась в нарушении правил безопасности труда, что выделено в специальный состав, то в этом случае должен применяться последний.

Третью группу образуют правила безопасности труда, которые не содержат каких-либо указаний о должностных лицах, обязанных обеспечивать их соблюдение. В таких случаях на предприятии издаются специальные положения, в которых эти лица указываются. Так, например, «Положение об организации работ по технике безопасности, охране труда и промышленной санитарии на Минском автомобильном заводе» указывает, что общее руководство и ответственность за состояние техники безопасности, промсанитарии и охраны труда по предприятию возлагается на главного инженера предприятия, а по отдельным производственным звеньям — на их руководителей: начальников цехов, отделов, мастерских, отделений, мастеров и десятников.

Обращение к правилам безопасности труда дает возможность определить круг лиц, ответственных за обеспечение этой безопасности, но еще не предопределяет, кто из них должен быть привлечен к уголовной ответственности. Решая этот вопрос, необходимо различать общие обязанности по обеспечению безопасности труда на данном предприятии и обязанности по обеспечению этой безопасности в данном конкретном случае и на данном определенном участке работы.

В этой связи возникает вопрос об ответственности руководителей предприятий и лиц, занимающих специальные должности по технике безопасности. Они обязаны обеспечить безопасность труда на данном предприятии, но они не могут непосредственно присутствовать при производстве всех опасных работ. Если, например, конкретная опасность создана тем, что руководитель предприятия не обеспечил рабочих предохранительными приспособлениями, то он несет ответственность. Однако если

такими приспособлениями, имеющимися на предприятии, рабочего не обеспечил мастер, который должен был это сделать, то за создание опасной ситуации ответственным является этот мастер.

Характерным в этой связи является дело К. (определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 18 сентября 1954 г.).¹⁸ Во время ремонта мостового крана слесарь Ц. сорвался с тележки крана, находившейся на высоте 11 м и упал на цементный пол. Потерпевший не был проинструктирован и не был предупрежден о том, что работу должен выполнять в подвесной люльке или с предохранительным поясом. К ответственности был привлечен К., занимавший должность инженера по технике безопасности. Как видно из материалов дела, К. не был поставлен в известность о подготовке к ремонту крана и, хотя он проходил в это время через цех, выполняя другие задания администрации, не видел, что ремонт производится с нарушением правил безопасности, никто ему и не сказал об этом. Работа по ремонту крана производилась по распоряжению начальника монтажно-строительного цеха К-дзе, который не подготовил рабочего места, не проинструктировал Ц., хотя обязан был это сделать. Признав необоснованным осуждение К., Транспортная коллегия указывала, что ответственность должен нести К-дзе.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 137 (140) УК, не могут быть недолжностные лица, хотя бы нормативным актом на них возложена ответственность за выполнение правил безопасности труда.¹⁹

Так, например, при прохождении учащимися производственного обучения и во время их производственного труда на предприятиях, в колхозах и т. п. ответственность за выполнение правил техники безопасности возложена не только на руководителей предприятий, но и на лиц, под руководством которых осуществляется это обучение и производственный труд. Таковыми могут быть и недолжностные лица. Они не могут привлекаться к ответственности по ч. 1 ст. 137 УК, а за нарушения, повлекшие смерть или телесные повреждения, несут наказание как за преступления против личности.

Нарушение правил безопасности труда может быть *умышленным* или *неосторожным*. В таких же формах выражается и отношение виновного к возможным послед-

ствиям своих деяний. Следовательно, здесь возможны три сочетания форм вины: умышленное нарушение правил при неосторожности к ненаступившим последствиям; неосторожное нарушение при неосторожности к таким последствиям и умышленное нарушение правил безопасности труда при умысле к ненаступившим последствиям. Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), имеет место только при первых двух сочетаниях форм вины.

При последнем сочетании ответственность выходит за рамки ст. 137 УК и имеет место покушение на убийство или на причинение телесных повреждений, квалифицируемое в зависимости от мотивов, которыми руководствовался виновный, как особо опасное государственное преступление или преступление против личности. Такой вывод вытекает из особенностей постановления в опасность и, кроме того, из сравнения санкций ст. 137 (140) и статей об особо опасных государственных преступлениях и преступлениях против жизни и здоровья. Иное решение вопроса привело бы к тому, что покушение на жизнь или здоровье посредством нарушения правил безопасности труда оказывалось бы смягчающим обстоятельством, хотя такой способ действия не менее, а более опасен, чем иной способ посягательства на жизнь и здоровье человека, не связанный с использованием источника повышенной опасности.

В этой связи возникает вопрос о правовой оценке новаторского (производственного) риска, которым создается опасность для жизни и здоровья людей или хотя бы отдельного человека.

Советские юристы считают, что такой риск является неправомерным. Как пишет М. С. Гринберг, «объектом риска, как правило, должны являться материальные факторы, но не жизнь и здоровье человека. Во всех случаях, когда работника можно устранить из опасных производственных условий, он должен быть устранен. Риск жизнью и здоровьем становится в подобных случаях общественно опасным и уголовно наказуемым».²⁰ И если при таком риске создана конкретная опасность для человека и виновный сознательно допускает возможность смерти или телесных повреждений, то он должен отвечать за покушение на убийство или телесное повреждение. При наличии неосторожной вины к возможным по-

следствиям имеет место состав поставления в опасность нарушением правил безопасности труда.

Нельзя согласиться с мнением, что если новаторский риск создает опасность для жизни и здоровья неопределенного числа людей, то ясное позволение государственной власти исключает объективную противоправность действия.²¹ В советской литературе отмечается, что «никакими благими намерениями, никакой производственной необходимостью нельзя оправдать поставление в опасность жизни и здоровья человека».²²

Органы власти не могут давать разрешений на риск, создающий конкретную опасность для жизни и здоровья людей или хотя бы одного человека. Представители власти, давшие такое разрешение, должны привлекаться к уголовной ответственности за превышение своих служебных полномочий. Что касается лиц, осуществляющих новаторский риск на основании такого разрешения, то хотя их действия являются объективно неправомерными, они не привлекаются к уголовной ответственности, поскольку исполняли приказ и при этом не сознавали его противозаконности.

Другое дело, когда при осуществлении производственного риска работник не мог быть устранен из опасных производственных условий. При таких обстоятельствах риск является правомерным, если возможность вредного последствия для работника была лишь вероятной, риск соответствовал той цели, ради которой он предпринимался, и она не могла быть достигнута другими, нерискованными средствами.²³

Неисполнение должностным лицом правил безопасности труда вследствие их незнания не исключает его ответственности, поскольку в силу занимаемого положения оно должно было и могло знать эти правила. Так обычно суд и мотивирует несостоятельность ссылки обвиняемого на незнание им правил безопасности труда.

С., работавший директором бани, и Д. — инженер райкомхоза признаны виновными в том, что не проинструктировали рабочих и не обучали безопасным методам работы, не ограждали вращающиеся механизмы, вследствие чего чочегар У. попал в трансмиссию и погиб. Виновные в свое оправдание ссылались на то, что им не было известно, что нужно ограждать вращающиеся части машин и инструктировать рабочих. Суд указал в

приговоре, что «доводы подсудимых не могут быть приняты во внимание, так как в силу своего служебного положения они обязаны были знать правила техники безопасности».²⁴

Опасность несчастного случая — нередко следствие нарушения правил безопасности труда самим потерпевшим. На некоторых капиталистических предприятиях вывешены плакаты «Рабочий, будь осторожен! Помни, что бог, создавая человека, не создал к нему запасных частей». Как ни прискорбно это упущение всевышнего, но одной осторожности рабочего далеко не достаточно, чтобы не испытать последствий божественной халатности.

В советской литературе общепринято, что вина потерпевшего является обстоятельством, устраняющим ответственность должностного лица, если только со стороны последнего не было нарушений, содействовавших созданию опасности. Если же такие нарушения имели место, то, несмотря на вину потерпевшего, должностное лицо несет уголовную ответственность. «В этом проявляется особая забота о жизни и здоровье трудящихся. Уголовно-правовые нормы в этой области создаются с целью охраны жизни и здоровья людей не только от стихийных сил, но и от ошибочных поступков самих работающих, если нарушение условий труда создавало возможность возникновения вредных последствий».²⁵

Этим руководствуется и судебная практика. У., имея 9-летний стаж работы в дрожжеварном цеху и зная правила техники безопасности в обращении с механизмами, начала выбирать крышку чана, не отключив вал от трансмиссии, вследствие чего в вал были втянуты ее платок и волосы, а голова прижата к валу, что привело к тяжким последствиям. Хотя У. проявила грубую неосторожность, несчастный случай не имел бы места, если бы вал был огражден, как того требуют правила техники безопасности. Повинные в таком упущении механик Л. и техник К. привлечены к уголовной ответственности.²⁶

§ 2. Загрязнение воздуха

«Загрязнение воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства» — ч. 1 ст. 218

(ч. 1 ст. 223) — является, как уже отмечалось, разновидностью нарушения правил промышленной санитарии. Выделение специального состава загрязнения воздуха конкретизирует уголовно-правовой запрет и в ясной форме предупреждает руководителей предприятий о необходимости под страхом уголовной ответственности соблюдать требования об охране атмосферного воздуха.

Устройство приспособлений, устраняющих распространение вредных загрязнений воздуха на территории предприятия и вне ее, отнесено к обязательным мероприятиям по охране труда. Запрещено утверждение проектов строительства, реконструкции или восстановления промышленных предприятий, электростанций и ТЭЦ, при эксплуатации которых в атмосферный воздух выбрасывается зола, несгоревший уголь, копоть, пыль, если в проектах строительства не предусмотрены соответствующие золопылеулавливающие установки. Запрещено вводить в действие новые предприятия, отдельные цехи или агрегаты, выбрасывающие в атмосферный воздух вредности без обеспечения очистки промышленных выбросов.

Санитарные нормы проектирования промышленных предприятий предусматривают, что промышленные предприятия, выделяющие производственные вредности, должны располагаться по отношению к ближайшему жилому району с подветренной стороны для господствующих ветров и отделяться от грани жилых районов санитарно-защитной зоной.

Нарушение упомянутых правил ведет к загрязнению воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства.

Объектом преступления загрязнения воздуха является здоровье населения. Опасное для здоровья загрязнение воздуха в производственных помещениях должно квалифицироваться как нарушение правил безопасности труда по ст. 137 (140).

С объективной стороны преступление выражается в загрязнении воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства сверх допустимого количества. Не имеет значения, вследствие чего произошло такое загрязнение: не соблюдена ширина санитарно-защитной зоны, не установлены либо не эффективны приспособления для улавливания вредностей

и т. д. Однако эти причины должны быть установлены для предупреждения дальнейшего загрязнения воздуха и определения субъекта преступления.

Преступление считается оконченным с момента, когда вредные для здоровья людей отходы промышленного производства выпущены в атмосферу.

Для решения вопроса о вредности для здоровья выбрасываемых в воздух отходов промышленного производства требуется заключение органов Всесоюзной государственной санитарной инспекции.²⁷

Субъектом преступления может быть только должностное лицо, в обязанности которого входило проведение мероприятий по обезвреживанию выпускаемых в атмосферу вредностей.

Со стороны субъективной загрязнение воздуха может быть умышленным либо неосторожным. Умысел имеется в случае, когда должностное лицо знает, что отсутствуют приспособления, которые должны улавливать вредности, вследствие чего они выбрасываются в атмосферу в сверхдопустимом количестве, и что установка таких приспособлений является его обязанностью.

При неосторожной вине должностное лицо не знает об отсутствии упомянутых приспособлений, но должно было знать, либо, зная о наличии таких приспособлений, не знает, что они не работают или работают неэффективно.

По отношению к возможным последствиям вина может быть только неосторожной — виновный не знает, что может быть причинен вред здоровью людей или легкомысленно рассчитывает на то, что такой вред не будет причинен.

§ 3. Нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями

Состав сформулирован как формально-материальный: «нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил, установленных в целях предупреждения эпидемических и других заразных заболеваний и в целях борьбы с ними, если оно повлекло или могло повлечь распространение заболеваний» — ст. 217 (222).

Эпидемия — «непрерывный процесс следующих друг

за другом однородных инфекционных заболеваний, выходящих в значительном их распространении в каком-либо коллективе, населенном пункте, районе, стране». ²⁸ Эпидемические заболевания — заболевания, способные к быстрому и массовому распространению (оспа, холера, желтая лихорадка, сыпной и брюшной тиф, скарлатина и т. д.). Заразные заболевания — заболевания, также способные к распространению, но менее быстрому и менее массовому (туберкулез, малярия и т. д.). Статья 217 (222) предусматривает ответственность за нарушение правил предупреждения как эпидемических, так и других заразных заболеваний. Следует иметь в виду, что ст. 217 (222) не применяется, если имеет место нарушение правил предупреждения венерических болезней и борьбы с ними. В таком случае ответственность наступает по ст. 113 (115, 115¹).

В зависимости от количества случаев заболеваний различают следующие степени интенсивности эпидемического процесса: спорадическую заболеваемость (единичные инфекционные заболевания, возникающие в населенном пункте без видимой эпидемиологической связи между собой); эпидемическую вспышку (групповые заболевания на ограниченной территории, связанные с общим источником заражения); эпидемию (значительное превышение заболеваемости данной инфекционной болезнью в районе, области и т. п.); пандемию (сильную эпидемию, распространившуюся среди населения на большой территории). ²⁹ Для ответственности по ст. 217 (222) степень интенсивности эпидемического процесса не имеет значения. Однако нарушения правил предупреждения болезней на ранних стадиях эпидемического процесса следует считать более опасными, поскольку они препятствуют быстрой локализации процесса.

Разграничение в ст. 217 (222) санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил корректируется в целях предупреждения заболеваний и борьбы с ними. Санитарно-гигиенические правила направлены на предупреждение заразных болезней, санитарно-противоэпидемические правила — на ликвидацию эпидемии и на предупреждение заболеваний других лиц.

И те и другие правила предусмотрены уже упомянутыми (гл. 2, § 3) нормативными актами.

К правилам предупреждения и борьбы с эпидемиче-

скими и другими заразными заболеваниями, в частности, относятся: выявление бациллоносителей, истребление являющихся источником инфекции животных; дезинфекционная обработка очага заражения; наблюдение за ним; карантинизация и обсервация лиц, соприкасавшихся с больными; закрытие отдельных местностей для ввоза и вывоза грузов и багажа; изоляция больных; профилактические прививки и т. д.

Объективная сторона преступления выражается в невыполнении упомянутых и других санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемических правил либо в их ненадлежащем выполнении, если это могло повлечь распространение заразных заболеваний. Если нарушение не могло повлечь таких последствий, то наступает дисциплинарная или административная ответственность (например, лицо уклоняется от профилактической прививки).

Распространение заразных заболеваний есть увеличение числа больных. Преступление считается оконченным, если имело место поставление в опасность заражения хотя бы одного человека.

Нарушение правил, указанных в ст. 217 (222), может быть умышленным или неосторожным. Отношение к наступившим (а равно наступившим) последствиям — только неосторожным.

Умысел на распространение эпидемии выходит за рамки данного состава преступления. Распространение эпидемий с целью ослабления Советской власти образует состав диверсии, предусмотренной ст. 65 (68). При отсутствии такой цели имеется преступление против личности либо покушение на совершение такого преступления.

Субъектом преступления являются работники медицинских учреждений, должностные лица медицинских или других учреждений, частные лица.

Ответственность по ст. 217 (222) предполагает нарушение определенным лицом конкретных правил, указанных в этой статье. Согласно этому для определения субъекта преступления необходимо выяснить, лежала ли на нем обязанность исполнить правило, нарушение которого ему инкриминируется. Правила предупреждения заразных заболеваний и борьбы с ними в основном обращены к медицинским работникам. Однако указания и требова-

ния органов государственного санитарного надзора обязательны для должностных лиц и граждан. Решая вопрос об ответственности таких лиц, следует выяснить законность адресованных им указаний и требований и реальную возможность их исполнения.

Вопрос об ответственности должностных лиц за нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, является в литературе в определенной части спорным. Одни авторы предлагают привлекать их к ответственности за должностное преступление,³⁰ другие — по правилам о совокупности преступлений,³¹ третьи — только по ст. 217 (222).³²

Квалификация нарушений должностным лицом правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, как должностного преступления (халатности) ограничит их ответственность случаями, когда нарушение повлекло распространение заразных заболеваний. Поставление в опасность жизни и здоровья людей нарушением указанных правил окажется за рамками преступного, поскольку ст. 168 (170) необходимым признаком должностной халатности признает «существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». Тем самым поставление в опасность жизни и здоровья указанных в ст. 217 (222) путем может квалифицироваться только по этой статье.

Нарушение указанных в этой статье правил, повлекшее распространение заразных заболеваний, не может квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений ввиду отсутствия такой совокупности. Если инкриминируемое виновному лицу деяние охватывается одной нормой и после этого не остается деяний, подпадающих еще под одну норму, то, очевидно, и нет совокупности преступлений.

Нарушение должностным лицом правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, если это повлекло распространение заразных заболеваний, фактически является должностным преступлением, но юридически оно квалифицируется по специальной норме, каковой и является ст. 217 (222). Не будь такого специального состава преступления, оно квалифицировалось бы как должностное преступление.

В итоге представляется обоснованной квалификация

нарушений должностным лицом правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, только по ст. 217 (222). По такому пути идет и судебная практика. С., работавший капитаном теплохода «Турист», осужден по ст. 222 УК РСФСР. Во время экскурсии группы рабочих в Астраханский заповедник 4 сентября 1971 г. тяжело заболела пассажирка Т. Опасаясь возникновения заразного заболевания, С. пришвартовал судно на значительном расстоянии от пристани. Была вызвана машина скорой помощи. Прибывшая по вызову фельдшер К. распорядилась о госпитализации больной Т. и предупредила лиц, переносивших Т. на носилках, в числе которых был и С., чтобы судно не уходило от причала. После госпитализации Т. капитан С. связался с директором туристской станции и доложил ему о случившемся. С. получил указание выполнять распоряжение врачей. Несмотря на это, С. снял со стоянки судно и в течение 4 и 5 сентября возил экскурсантов по заповеднику.

§ 4. Нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ

Статья 219 УК формулирует преступление как «изготовление, сбыт, а равно хранение с целью сбыта сильнодействующих, ядовитых или наркотических веществ без специального на то разрешения, а также нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки сильнодействующих, ядовитых или наркотических средств».

В этой формулировке содержится описание признаков двух составов преступлений: незаконного изготовления, сбыта, хранения или приобретения с целью сбыта перечисленных веществ и нарушения правил их производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки.

В первом составе конкретно опасным действием является незаконный сбыт названных веществ, во втором — нарушение правил хранения, отпуска, перевозки, пересылки этих веществ.

В обоих составах речь идет об одних и тех же веществах и отсутствуют указания на возможные последствия. В остальных составах не совпадают.

Наркотическими являются вещества, употребление которых вызывает состояние опьянения (эйфории) с последующим упадком сил. Наркотические вещества могут быть естественными или синтетическими. К ним, в частности, относятся: кокаин и его соли, гашиш, опиум, морфий, героин, дионин и его соли.

В литературе высказано мнение, что в определении круга наркотических веществ, упомянутых в ст. 219 (224), нет ясности, поскольку медицинская классификация этих веществ включает в себя, кроме общеизвестных наркотиков, еще и синтетические препараты морфиноподобного действия, выпускаемые фармацевтической промышленностью под разными названиями, различные лекарственные вещества — стимуляторы нервной системы и успокаивающие. В этой связи предлагается Министерству здравоохранения СССР совместно с юридическими учреждениями разработать единый список наркотических веществ, незаконное изготовление и сбыт которых должны влечь уголовную ответственность, и договориться о порядке возможного изменения такого списка в будущем, чтобы судебно-следственные органы могли пользоваться им на практике.³³

Между тем единый список наркотических веществ имеется. В 1961 г. принята Единая конвенция о наркотических средствах. Конвенция содержит перечень наркотических средств, данный в списке № 1 и списке № 2. Первый из них содержит 78 наименований, второй — 7.

В конвенции сказано: «С соблюдением своих конституционных ограничений каждая Сторона принимает такие меры, которые обеспечат, что культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановлений настоящей Конвенции и всякое другое действие, которое, по мнению Сторон, может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, будут признаваться наказуемыми деяниями в тех случаях, когда они совершены умышленно, а также что серьезные преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремным заключением или иным способом лишения свободы» (ст. 36).

Этой норме конвенции в основном соответствует ст. 219 (224). Во всяком случае в конвенции и в Уголовном кодексе речь одинаково идет о наркотических веществах. И поскольку в конвенции дан их исчерпывающий перечень, а СССР и БССР являются в числе других стран участниками этой конвенции, то нет надобности в создании какого-либо другого перечня наркотических веществ. При применении ст. 219 (224) следует руководствоваться списками № 1 и № 2, являющимися составной частью Единой конвенции о наркотических средствах.

Сильнодействующие вещества — вещества, употребление которых в больших дозах или при наличии противопоказаний причиняет вред здоровью. К ним, в частности, относятся: ацетилхолин хлористый, концентрированная уксусная кислота, азотная кислота, серная кислота, акрихин, этиловый эфир, анальгин, кодеин, новокаин, никотиновая кислота и т. д.

Ядовитыми называются вещества, употребление которых даже в малых дозах способно вызвать смерть. К ним, в частности, относятся: сулема, мышьяковый ангидрид, мышьяковистый ангидрид, фосфор желтый, хлор, сернистый газ, сероводород, сероуглерод, синильная кислота, хлорпикрин, гранозан, бруцин, стрихнин, цианистый калий, метиловый спирт и т. д.

Единого списка сильнодействующих и ядовитых веществ нет. Более того, названия групп веществ в уголовном законе и в медицине и промышленности не совпадают.

Медицинская классификация лекарственных средств содержит список «А» и список «Б». В первый из них включены лекарственные средства, назначение, применение, дозирование и хранение которых в связи с высокой токсичностью должны производиться с особой осторожностью. Согласно Государственной фармакопее в списке «А» содержится 116 названий ядовитых и наркотических веществ. Еще большее их число отнесено к списку «Б», куда включены лекарственные средства, назначение, применение, дозирование и хранение которых должно производиться с предосторожностью в связи с возможными осложнениями при их применении без медицинского контроля. В список «Б» включены сильнодействующие и отдельные наркотические вещества.

В промышленности имеется группа веществ СДЯВ (сильнодействующие ядовитые). В санитарных правилах проектирования, оборудования и содержания складов для хранения сильнодействующих ядовитых веществ они разделены на 5 групп и перечислены их типичные представители (40 наименований).

Наличие единого списка сильнодействующих и ядовитых веществ было бы весьма полезным для следственно-судебных органов. В настоящее время следует обращаться в отношении ядовитых и сильнодействующих средств к ведомственным актам, в том числе соответственно к медицинским спискам «А» и «Б».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 25 февраля 1966 г. «О судебной практике по делам о незаконном изготовлении и распространении наркотических и иных сильнодействующих и ядовитых веществ»³⁴ указал следующее: «Учитывая, что установление вида веществ (наркотические или иные сильнодействующие или ядовитые), а также их названий и свойств имеет важное значение для правильного разрешения дел, суды должны в силу ст. 78 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик (ст. 72 УПК БССР.— И. Г.) располагать соответствующим заключением эксперта» (п. 3).

Преступления, предусмотренные ст. 219 (224), считаются оконченными при совершении виновным одного из действий, перечисленных в этой статье. При этом не требуется установления того, какие последствия могли наступить. Деянием, указанным в этой статье, в части, относящейся к поставлению в опасность, объективно свойственно создание опасности для здоровья людей или отдельного человека. Если, однако, вред здоровью или смерть причинены, то квалификация содеянного зависит от тяжести последствий, характера нарушений и их количества. Дифференцированная квалификация содеянного вытекает из содержания санкции ст. 219.

Причинение легких телесных повреждений, поскольку при неосторожности оно самостоятельного состава преступления не образует, квалифицируется по ст. 219. По этой же статье квалифицируется и причинение менее тяжкого телесного повреждения, поскольку санкция за неосторожное причинение такого повреждения (ч. 2 ст. 112) более мягкая, чем санкция, предусмотренная ч. 1

ст. 219. Из сравнения санкций вытекает, что нарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 219, повлекшие смерть или тяжкие телесные повреждения, должны квалифицироваться соответственно по ст. 104 или ч. 1 ст. 112 УК.

Нарушение правил обращения с веществами, указанными в ст. 219 (224), может выступать в качестве разновидности нарушения правил техники безопасности, предусмотренного ст. 137 (140). Сравнение санкций ч. 2 и 3 ст. 137 и ч. 1 ст. 219 УК показывает, что нарушение правил техники безопасности — более тяжкое преступление. Поэтому указанные в ч. 1 ст. 219 нарушения, повлекшие причинение телесных повреждений (в том числе и легких) или смерти, если они являются также нарушениями правил техники безопасности, должны квалифицироваться по ч. 2 или ч. 3 ст. 137 УК. Однако такая квалификация будет иметь место, если только виновным является должностное лицо и вред причинен работнику предприятия или иному лицу, постоянная или временная деятельность которого связана с данным производством. Так, например, преступление квалифицируется по ч. 2 ст. 137, а не по ч. 1 ст. 219, если работник, имевший дело с серной кислотой, получил ожоги, поскольку не проинструктирован о безопасных методах работы либо не снабжен специальной одеждой.

Если телесные повреждения либо смерть наступили в результате нарушений, совершаемых систематически, то преступление квалифицируется по ч. 2 ст. 219 УК.

*
* *

Сбыт сильнодействующих, ядовитых или наркотических веществ есть незаконная передача их другим лицам в форме продажи, обмена на другие товары, дарения.

Некоторые авторы обязательным признаком сбыта считают «реализацию, как правило, за деньги».³⁵ Другие указывают, что «сбыт всегда преследует материальные выгоды для сбывающего».³⁶ Однако такие утверждения не основаны на законе и исключают состав преступления, если имело место дарение наркотических, сильнодействующих или ядовитых веществ. Ответственность за незаконный сбыт этих веществ установлена

потому, что он создает опасность для здоровья, а иногда и для жизни человека. Такая опасность создается, независимо от того, извлекает ли субъект преступления из такой сделки какую-либо материальную выгоду.

Сбыт упомянутых веществ может совершаться только с прямым умыслом: лицо сознает, что передает другому наркотические, сильнодействующие или ядовитые вещества и что эта передача является незаконной.

Сбыт другому лицу таких веществ при сознании того, что они будут использованы для совершения преступления, должен квалифицироваться как соучастие в этом преступлении и, кроме того, по ст. 219 (224), поскольку сбыт сам по себе образует состав преступления.

Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом Постановлении № 1 от 25 февраля 1966 г. разъяснил, что скупка и перепродажа наркотических, сильнодействующих или ядовитых веществ с целью наживы должна рассматриваться как совокупность преступлений и квалифицироваться по ст. ст. 151 (154) и 219 (224). В этом Постановлении Пленум также разъяснил, что сбыт наркотических веществ несовершеннолетним, а равно склонение их как этим, так и иным способом к потреблению наркотиков, надлежит квалифицировать по ст. 210 УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик, если законом этих республик предусмотрена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в потребление наркотических веществ, и, кроме того, по ст. 219 (224).

К Белорусской ССР это разъяснение прямого отношения не имеет, так как УК БССР не предусматривает ответственности за вовлечение несовершеннолетних в потребление наркотических веществ. Лишь в том случае, когда сбыт несовершеннолетнему наркотиков (а равно сильнодействующих или ядовитых веществ) повлек за собой причинение вреда его здоровью, ответственность должна наступать, кроме ст. 219 УК, еще и за преступление против личности.

Субъектом преступления — сбыта (а равно изготовления, хранения или приобретения с целью сбыта) наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ может быть любое лицо. Совершение таких действий должностным лицом с использованием служебного положения должно квалифицироваться, как указал Пле-

нум Верховного Суда СССР в упоминаемом Постановлении № 1 от 25 февраля 1966 г., по совокупности: за должностное преступление и за преступление, предусмотренное ст. 219 УК.

*
* *

Объективная сторона второго состава преступления в части, образующей поставление в опасность, выражается в нарушении правил хранения, отпуска, перевозки, пересылки наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Указанные правила не являются едиными. Они различны для каждого учреждения и вида или группы веществ. Так, например, имеются правила хранения и отпуска ядовитых и сильнодействующих веществ в аптеках, правила хранения и отпуска таких веществ на аптечных складах и на фармацевтических производственных предприятиях, правила хранения и отпуска их в научно-исследовательских институтах.

Правила хранения упоминаемых веществ имеют целью предупредить утечку этих веществ и обеспечить их правильное использование, с тем чтобы была принесена польза и не было вреда здоровью людей. Так, например, установлено, что ядовитые лекарственные вещества должны храниться в аптеках в специальных шкафах, под замком и с надписью «А». На внутренней стороне дверок «А» должен быть список хранящихся здесь веществ с указанием высших разовых и суточных доз.

Указанную выше цель преследуют и правила отпуска наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ. Так, например, установлено, что при приеме рецепта на лекарство, в состав которого входят ядовитые вещества, рецептер-контролер должен проверить правильность дозировки, совместимость прописанных ингредиентов (составных частей) в лекарственной форме и подчеркнуть красным карандашом наименование ядовитого вещества.

Пересылка по почте наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ запрещена, и сам факт такой пересылки образует состав преступления.

Ядовитые вещества запрещается перевозить в пассажирских вагонах. Подробно регламентированы грузоперевозки ядовитых веществ.³⁷

Со стороны субъективной для второго состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК, требуется умысел либо неосторожность.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 1 от 25 февраля 1966 г. разъяснил, что за нарушение правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ несут уголовную ответственность как должностные лица, так и «иные лица, которые в силу порученной им работы обязаны соблюдать установленные правила при производстве, хранении, отпуске, учете, перевозке указанных веществ» (п. 9, абз. 1).

В этом же Постановлении Пленум разъяснил, что «при наличии в действиях должностного лица, допустившего нарушение указанных правил, признаков состава должностного преступления (злоупотребление, халатность, взяточничество и др.) его деяния подлежат квалификации по соответствующим статьям УК союзных республик, предусматривающих ответственность за должностные преступления» (п. 9, абз. 2).

Цитируемое положение сформулировано недостаточно ясно и способно вызвать впечатление об ответственности должностного лица в указанных случаях только за должностное преступление. Между тем речь идет о реальной совокупности преступлений. Должностное лицо, допустившее нарушение правил хранения, отпуска и т. д. сильнодействующих, ядовитых и наркотических веществ, несет ответственность по ст. 219 УК. Если он в этой связи еще совершил должностное преступление, например, за взятку незаконно выдал наркотическое вещество, то ответственность наступает и по ст. 169 (173).

В упоминаемом Постановлении Пленума Верховного Суда СССР не рассматривается вопрос о соотношении состава преступления, предусмотренного ст. 219 (224), и должностного при отсутствии реальной совокупности.

Вопрос возникает в связи с тем, что нарушение должностным лицом указанных в ст. 219 (224) правил совершается с использованием служебного положения и потому образует и должностное преступление при условии причинения существенного вреда государственным

или общественным интересам либо правам и интересам граждан.

Квалификация содеянного должна определяться в зависимости от того, какое преступление окажется более тяжким, что выясняется путем сравнения санкций обеих частей ст. 219 и ст. ст. 166 (170), 168 (172).

Преступления, предусмотренные ст. ст. 166, 168, являются более тяжкими, чем предусмотренные ч. 1 ст. 219. Поэтому, если преступные деяния, указанные в ч. 1 ст. 219, совершены должностным лицом с использованием служебного положения и повлекли последствия, названные в ст. ст. 166, 168 УК, то они должны квалифицироваться как должностное преступление. Деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 219 УК, если они совершены должностным лицом, должны квалифицироваться как должностное преступление только в том случае, когда повлекли тяжкие последствия, указанные в ч. 2 ст. 166 УК.

Квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного ст. 219 УК, является систематичность в нарушении правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ (ч. 2 ст. 219). Систематичность имеет место при совершении нарушений более трех раз (см. § 6 этой гл.).

§ 5. Содержание притонов для потребления наркотиков

Содержание притонов для потребления наркотиков — качественная разновидность сбыта наркотических веществ. Может быть, поэтому отдельные уголовные кодексы (УССР, ЛатвССР, ТаджССР и ЭССР) не выделяют содержание таких притонов в отдельное преступление. Однако степень социальной опасности сбыта наркотических веществ без содержания для этой цели притона и с содержанием далеко не одинакова. Притон предполагает специальное и обычно постоянное место, в котором собираются для потребления наркотиков в располагающей обстановке. Само наличие такого места способно привлечь внимание неустойчивых лиц и содействовать их приобщению к наркотикам. Поэтому выделение такого состава преступления с повышенной санкцией оправдано.

В законе преступление включено в состав, сформулированный как «содержание притонов разврата, сводни-

чество с корыстной целью, а равно содержание притонов для потребления наркотиков» (ст. 221). В УК РСФСР аналогичная формулировка продолжена дополнением «либо содержание игорных домов».

Притон — специальное, обычно тайное место, в котором собираются для преступных или иных аморальных действий. Таким местом чаще является помещение, но притон может содержаться и вне помещения: в закрытом дворе, пещере, участке сада, другом укромном месте. Содержание притона предполагает не только предоставление помещения либо другого места для потребления наркотиков, но и то или иное обслуживание посетителей, а также более или менее длительное существование. Эпизодические случаи предоставления места для потребления наркотиков не являются содержанием притона.

Вызывает сомнение утверждение, что «нельзя квалифицировать как содержание притона систематическое употребление наркотиков самим лицом и «угощение» наркотиками своих друзей»³⁸. Поведение держателя притона, разумеется, не имеет значения. Но в равной мере нельзя придавать решающего значения контингенту посетителей. Ими могут быть постоянные или разные лица, независимо от степени их близости к держателю места. Признать или отрицать состав содержания притонов для потребления наркотиков по одному тому, являются ли посетители друзьями владельца помещения, значит создать весьма зыбкую почву для решения важных вопросов.

Повышенная опасность содержания притона для потребления наркотиков в том, что создается угроза для здоровья многих людей, а в таком случае не может иметь решающего значения степень их близости к виновному. В противном случае потребуются юридическое определение дружбы, что вряд ли возможно и вряд ли необходимо.

Не имеет также значения способ потребления наркотиков в данном притоне (курение, инъекция).

Вина в содержании притонов для потребления наркотиков может выражаться только в прямом умысле. Утверждение отдельных авторов о необходимости для данного состава преступления корыстной цели³⁹ представляется ошибочным. То, что в действительности едва

ли встречаются случаи содержания таких притонов без цели извлечения материальной выгоды, не дает оснований считать, что такое условие ответственности требуется по закону.

В последнем корыстная цель привязана только к сводничеству. Там, где законодатель решил ограничить уголовную ответственность случаями наличия такой цели, он оговорил это. Тем самым, в остальных случаях, предусмотренных ст. 221 (226), в том числе и при содержании притонов для потребления наркотиков, корыстная цель не является элементом состава преступления. Это объясняется тем, что конкретная опасность для здоровья людей создается при содержании притонов для потребления наркотиков, независимо от того, преследовал ли виновный корыстные цели.

*
* * *

В Постановлении № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1966 г. отмечается, что общественно опасные деяния, связанные с наркотиками, «несмотря на их сравнительно небольшую распространенность, причиняют или могут причинить значительный вред здоровью граждан» (п. 1). В Белорусской ССР такие преступления встречаются лишь в отдельные годы и в единичных случаях.

Между тем в международном плане борьба с потреблением наркотиков является серьезной проблемой. Начиная с 1912 г., принято десять международных конвенций и соглашений о борьбе с распространением наркотиков.⁴⁰ Мы не отделены от капиталистического мира непроницаемой стеной, и поэтому даже единичные преступления, связанные с наркотиками, должны вызывать пристальное внимание и решительное осуждение.

§ 6. Спаивание несовершеннолетних

Формулировка ст. 205 (210) «вовлечение несовершеннолетних в пьянство»,⁴¹ достаточно краткая, но достаточно точная, не способствовала практическому применению закона, ибо прежде всего не было ясным,

каким должен быть количественный признак вовлечения в пьянство. Лица, призванные применять закон, не имели более или менее определенного мерила того, что есть вовлечение в пьянство. Это приводило к тому, что в спорных случаях (а их было большинство) либо не возбуждали уголовного преследования, либо принимали (уже при судебном рассмотрении дела) неодинаковые оценки. Частично положение было исправлено постановлением № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность». В части, касающейся спаивания несовершеннолетних, Пленум разъяснил, что «уголовно наказуемым вовлечением несовершеннолетнего в пьянство признаются умышленные действия, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в систематическое или неумеренное употребление спиртных напитков» (п. 4, абз. 1). Что касается единичных случаев распития взрослым с несовершеннолетним спиртных напитков, то вопрос о квалификации содеянного предлагалось решать, «исходя из конкретных обстоятельств, цели, мотивов и повода распития спиртных напитков, их количества, возраста участников выпивки и иных данных» (п. 4, абз. 2).⁴²

Количественный признак был определен как систематичность. Расшифровка его предоставлялась судебной практике. В критериях оценки единичного случая, как видно из приведенной цитаты, не было четкости, а введенный признак неумеренности вовсе не имел объективного мерила.

Поэтому Указом Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»⁴³ было определено, что вовлечение несовершеннолетних в пьянство является преступлением, если оно совершается систематически. Тем самым дано аутентичное толкование состава преступления вовлечения несовершеннолетних в пьянство.

Уголовный кодекс формулирует два состава спаивания несовершеннолетних: доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний, и вовлечение несовершеннолетнего в пьянство, совершаемое систематически.

Спаивание несовершеннолетних опасно тем, что угрожает нормальному физическому и нравственному развитию подрастающего поколения. Злоупотребление алкоголем вредно для здоровья любого человека, тем более для физически еще не окрепшего организма подростка. Поэтому для здоровья подростка вредны и единичные случаи опьянения. Будучи опасным для здоровья несовершеннолетнего, потребление алкоголя угрожает и его нравственному формированию, способно стать «школой» правонарушений. Целью закона об уголовной ответственности за спаивание несовершеннолетних и является ограждение физического и нравственного их развития от вредного влияния.

Связь пьянства и преступности общеизвестна. Несовершеннолетние вовлекаются в преступную деятельность зачастую путем предварительного спаивания их для этой цели. Если спаивание несовершеннолетнего само по себе образует состав преступления, то при вовлечении его таким путем в преступную деятельность содеянное должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений.

*
* *

В обоих составах спаивания несовершеннолетних *потерпевшим* является лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Если виновный знает об этом обстоятельстве, то имеется прямой умысел. Если он не осведомлен о возрасте вовлекаемого в пьянство, но допускает, что он не достиг совершеннолетия, то по отношению к этому обстоятельству имеет место косвенный умысел.

Не исключены случаи, когда вовлекающий несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков не сознает, что потерпевший не достиг совершеннолетия. Правовая оценка подобной ситуации зависит от содержания уголовного закона. Если последний говорил бы о доведении до состояния опьянения или вовлечении в пьянство «заведомо несовершеннолетнего», состав преступления отсутствовал бы. Действующий закон такого ограничения не содержит и тем самым признает наличие состава преступления, если вовлекающий не знал, но должен был

и мог знать о несовершеннолетии потерпевшего. В таком случае имеется вина в форме преступной небрежности.⁴⁴

С оценкой подобной ситуации судебная практика уже имела дело. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», толкуя понятие «изнасилование несовершеннолетней», предусмотренное ч. 3 ст. 115 (ч. 3 ст. 117), разъяснил следующее: «Применяя этот закон, суды должны учитывать, что в силу ст. 3 Основ Уголовного законодательства... уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершается насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть. При этом суды должны учитывать не только показания самого обвиняемого, но и тщательно проверить их соответствие всем конкретным обстоятельствам дела, не допуская необоснованного освобождения виновных от ответственности за изнасилование несовершеннолетней. В то же время суды должны иметь в виду, что при наличии доказательств, подтверждающих, что виновный добросовестно заблуждался относительно фактического возраста потерпевшей, несовершеннолетие потерпевшей не может служить основанием для квалификации его действий по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик» (п. 9).⁴⁵

Это разъяснение можно и нужно распространить и на правовую оценку доведения до состояния опьянения либо вовлечения в пьянство несовершеннолетнего, если субъект не сознавал, что потерпевший не достиг совершеннолетия.

Возраст потерпевшего определяет и возраст субъекта преступления. Если первый является несовершеннолетним, то вовлекающим может быть только совершеннолетний. Таков логический вывод, сделанный судебной практикой, ибо если вовлекающий не достиг 18-летнего возраста, то он сам оказывается потерпевшим.

В этой связи М. И. Блум пишет: «Мы не возражаем против возрастного признака субъекта преступления, установленного судебной практикой. Мы только принципиально высказываемся против установления этого признака путем толкования закона, полагая, что его следует четко указать в законе».⁴⁶

Представляется, что в таком дополнении закона нет необходимости. От излишнего многословия закон не выиграет. Краткость не в ущерб ясности — особенность правовой нормы, и с этим следует считаться.

*
* *

Первый состав преступления с объективной стороны выражается в **доведении несовершеннолетнего до состояния опьянения — ст. 205¹ (210¹) УК.**

Понятие «состояние опьянения» употребляется действующим уголовным законом, кроме данного, еще в трех случаях: ст.ст. 12 (12), 38, п. 12 (39, п. 10) и 206¹ (211¹). В статье 12 УК сформулировано общее положение о том, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности, а в ст. 38, что это состояние есть отягчающее вину обстоятельство. В этих случаях в точном определении понятия «состояние опьянения» нет принципиальной необходимости, поскольку степень опьянения и самый факт опьянения не выступают в качестве условия уголовной ответственности.

Другое дело, когда «состояние опьянения» является условием уголовной ответственности. В таком качестве оно выступает в ст. 206¹ (211¹), согласно которой преступлением признается управление автотранспортными средствами в состоянии опьянения повторно. В таком качестве это состояние выступает и в рассматриваемом составе преступления с той разницей, что оно должно быть на стороне не субъекта преступления, а потерпевшего в результате действий виновного.

Придание такому состоянию значения элемента состава преступления и тем самым условия уголовной ответственности требует его уточнения. От того, как это будет сделано, зависят пределы уголовно наказуемого доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения.

Между тем состояние опьянения — понятие в медицине и в быту весьма широкое — от легкого общего возбуждения до полного бессмятства. Что же следует понимать под состоянием опьянения в уголовно-правовом смысле и, в частности, в смысле признака состава анализируемого преступления?

Применительно к составу управления транспортным средством в состоянии опьянения вопрос решается сравнительно просто: водитель транспортного средства считается находившимся в состоянии опьянения, если оно зафиксировано врачебным заключением и в исключительных случаях иным документальным путем. Здесь понятие состояния опьянения включает любую его степень. Столь широкое определение состояния опьянения в такой ситуации, когда лицо управляет транспортным средством, вполне оправдано: сознание лица, управляющего источником повышенной опасности, должно быть предельно ясным. Кроме того, способ определения состояния опьянения исключает субъективность.

Последнее способно соблазнить на аналогичное толкование «состояния опьянения» и в рамках анализируемого состава преступления. В самом деле, чтобы исключить споры о состоянии несовершеннолетнего, употреблявшего спиртные напитки, направим его на экспертизу и будем руководствоваться ее заключением. Легко и просто, но ошибочно.

Признание «состоянием опьянения» любой его стадии прежде всего будет противоречить закону.

Понятие «состояние опьянения» следует рассматривать в неразрывной связи с понятием «доведение». Ведь закон говорит об уголовной ответственности не за распитие спиртных напитков с несовершеннолетним, не за угощение его ими, а за «доведение... до состояния опьянения».

Довести кого-либо до определенного состояния значит вызвать у него новое качественное состояние (в сравнении с предшествующим).

Термин «доведение» применяется в действующем Уголовном кодексе лишь в двух случаях. В ст. 105 (107) говорится о доведении до самоубийства или покушения на него, и этим новое качественное состояние конкретизируется в самом законе. В рассматриваемом случае конкретизация возлагается на судящего субъекта.

Доведение до состояния опьянения имеется при новом качестве поведения несовершеннолетнего либо в его физическом состоянии. Поведение может выражаться в агрессивности, приставании к другим лицам, цинизме, дерзости и т. п. Новое качественное физическое состояние может выражаться в рвоте, потере ориентации, бес-

помощности, при которой, как говорят англичане, «те самые ноги, которые привели его в дом, не могли увести его оттуда»,⁴⁷ потере сознания и т. д.

Новое качественное состояние, в чем бы оно ни выражалось, должно быть очевидным, т. е. не вызывающим сомнений и фиксируемым третьими лицами.

Представляется, что предлагаемое толкование доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения соответствует правосознанию и цели закона. Уголовная ответственность за единичный случай распития незначительной дозы спиртного напитка с несовершеннолетним, не повлекший нового качественного состояния в поведении и физическом состоянии подростка, не будет понята, может представиться ханжеством. Что касается цели закона, то, как уже отмечалось, уголовная ответственность за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения направлена на то, чтобы оградить от вредных влияний его физическое и нравственное развитие. Если в данном конкретном случае опасность для развития не создана, то и нет уголовной ответственности. Именно такие случаи имеет в виду закон, когда указывает, что «доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения... если эти действия не наказываются в уголовном порядке, влечет административную ответственность...» (ч. II, п. 5 упомянутого Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г.).

Для состава рассматриваемого преступления достаточно единичного случая доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения. При систематичности преступления квалифицируется как вовлечение в пьянство.

Не имеет значения, какие спиртные напитки употреблял несовершеннолетний (водку, коньяк, ликер, шампанское, десертное вино, сухое вино, спиртные напитки домашней выработки, пиво). Субъектом преступления является лицо, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний.

Общая оценка зависимости положения потерпевшего дана в п. 5 ст. 38 (п. 5 ст. 39), признающем, что совершение преступления «в отношении лица, находящегося в материальной или другой зависимости от виновного» является отягчающим вину обстоятельством. Конкретизируя это положение, уголовный закон в двух случаях признает зависимое положение потерпевшего квалифици-

рующим обстоятельством: согласно ч. 2 ст. 105 УК установлена повышенная ответственность за доведение до самоубийства «лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного», а согласно ч. 2 ст. 119 (ч. 2 ст. 121) — за мужеложство «с использованием зависимого положения потерпевшего». В двух случаях зависимость потерпевшего является условием уголовной ответственности: ст. 116 (118) карает за понуждение женщины к вступлению в половую связь «лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой», а анализируемая норма — за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения «лицом, в служебной зависимости от которого он находился».

Как видно, из всех приведенных положений уголовного закона наиболее узко очерчена зависимость потерпевшего (только служебная зависимость) в последнем случае. И это не случайно: материальная зависимость подростка — обычное явление, служебная — сравнительное исключение. Служебная зависимость, если ею злоупотребляют, ранит подростка более тяжело, чем уже сформировавшуюся личность. Общественные связи подростка только начинают складываться, и в лице старших, которым он должен в той или иной мере повиноваться, он ожидает увидеть образец высокой нравственности, справедливости, пример для подражания во всех сферах жизни.

Подражание старшему обратно пропорционально возрасту подростка: чем он моложе, тем больше он будет в своем поведении следовать примеру старших. Очевидно, поэтому законодатель признал преступлением даже единичный случай доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого он находился.

Круг лиц, могущих быть субъектами этого преступления, определяется в зависимости от общественных связей несовершеннолетнего.

Как известно, его трудовые связи обычно могут начинаться с 16-летнего возраста и в виде исключения с 15-летнего (ст. 173 КЗОТ БССР). Служебная зависимость по этой линии в более раннем возрасте невозможна. Лицами, в служебной зависимости от которых несовершеннолетний находится в связи с его трудовой дея-

тельностью, могут быть не только должностные лица данного предприятия (учреждения, организации), имеющие определенные права и обязанности по отношению к подростку (начальник цеха, прораб и др.), но и недолжностные лица, указания которых для него обязательны. Такими, в частности, лицами будут рабочий, к которому подросток прикреплен для обучения, и старший рабочий, в группу которого он включен хотя бы на некоторое время. Субъектами данного преступления могут быть и лица, выполняющие на данном предприятии общественные функции (председатель месткома, профорг, комсорг и др.), поскольку подросток находится от них в зависимости (например, в связи с графиком отпусков, организацией отдыха).

Другая линия общественных контактов подростка связана с его учебой, независимо от ее формы (общеобразовательная школа, музыкальная школа, спортивная школа и т. д.). Зависимость подростка от учителя, тренера, старшего пионервожатого очевидна. И такие лица должны быть признаны субъектами рассматриваемого преступления. Нельзя абстрагироваться от того, что эти лица не только и не столько имеют по отношению к учащемуся определенные права и обязанности, но, и это может быть главнее, они являются воспитателями, и их слово, предложение, оценка поведения, просьба действуют на подростка весьма influentially. Злоупотребление таким влиянием и есть использование служебной зависимости.

Наконец, у несовершеннолетнего возможны общественные связи эпизодического характера, которые могут возникнуть при обращении в государственные или общественные организации или при выполнении им своего пионерского, комсомольского долга. Поэтому субъектом рассматриваемого преступления могут быть должностные лица, к которым он обращался для решения тех или иных вопросов, и должностные лица, которые к нему обращались, призывая в качестве свидетеля, потерпевшего и т. п., поскольку в этих случаях складываются отношения служебной зависимости.

Инкриминируя кому-либо доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, следует указать, чем определяется служебная зависимость потерпевшего от данного лица. Такое требование содействует тщательно-

му выяснению общественных связей виновного с подростком и конкретизирует обвинение.

При определении субъективной стороны преступления выясняется вина к распитию спиртных напитков (1), состоянию опьянения, в котором оказался потерпевший (2) и его возрасту (3). За исключением последнего обстоятельства, о котором уже говорилось, вина к первому может быть только умышленной: субъект сознает, что потерпевший употребляет спиртные напитки. Вина к состоянию опьянения, в котором оказался несовершеннолетний, может быть умышленной либо неосторожной. В первом случае субъект преступления преследовал цель спить несовершеннолетнего либо создал такую возможность и относился к этому безразлично. Во втором случае он рассчитывал на то, что подросток не опьянеет, либо не предвидел, но должен был и мог предвидеть возможность опьянения подростка. Форма вины к тому, что потерпевший оказался в состоянии опьянения, не влияет на квалификацию содеянного, но должна учитываться при назначении наказания. Не влияет на квалификацию и то, употреблял ли спиртные напитки сам виновный.

Однако имеет значение, кто являлся инициатором выпивки и ее организатором. Если в таких ролях выступал только сам несовершеннолетний, пригласивший лицо, от которого он находился в служебной зависимости, и роль последнего была исключительно пассивной, то состава преступления в его действиях не будет. То, что он согласился на участие в таком аморальном акте, не пререк его, используя свое служебное положение или положение воспитателя, заслуживает принятия мер общественного воздействия. Такое решение основывается на том, что в действиях взрослого нет доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения, поскольку доведение предполагает активную деятельность — вовлечение в пьянство.

Если же приглашенный, не будучи ни инициатором, ни организатором пьянки, в процессе ее поощрял несовершеннолетнего, подбадривал его или иным путем проявлял активность, то он становится вовлекающим, и имеются основания считать наличие доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения и принять ст. 205¹ (210¹) УК.

*
* * *

Второй состав преступления с объективной стороны выражается в **вовлечении несовершеннолетнего в пьянство, совершаемое систематически** — ст. 205 (210) УК.

Вовлечение в пьянство есть подстрекательство к выпивке либо пособничество ей, если выпивка состоялась.

Подстрекательство выражается в предложении несовершеннолетнему угостить его (подстрекателя) либо угостить другое лицо и вместе выпить или сложиться для совместного приобретения спиртных напитков и их распития. При подстрекательстве инициатором распития спиртных напитков выступает виновный.

Пособничество в распитии спиртных напитков выражается в содействии организации выпивки приобретением, доставлением напитков, закуски, подысканием места, либо подзадориванием несовершеннолетнего. При пособничестве инициатором распития спиртных напитков является подстрекатель либо сам потерпевший.

Вовлечение в пьянство отличается от доведения до состояния опьянения тем, что для его наличия достаточно самого факта подстрекательства несовершеннолетнего к выпивке или пособничества в этом, если выпивка состоялась, и не требуется, чтобы несовершеннолетний оказался в состоянии опьянения. Поэтому объективным условием уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство является систематичность.

Понятие систематичности, не получившее определения в законе, было и остается спорным. Количественный критерий его переплетается с понятием неоднократности (являющейся, в частности, элементом видового состава незаконного производства аборта), что вызывает необходимость одновременного рассмотрения этих понятий.

Термин «неоднократность» известен ряду статей Уголовного кодекса.⁴⁸ В то же время в других нормах того же кодекса говорится о повторности преступления,⁴⁹ что вызывает необходимость в выяснении соотношения между этими понятиями и систематичностью.

«Основные начала» 1924 г. указывали, что повторным является преступление, совершенное до истечения сроков давности по предыдущему преступлению или до погаше-

ния судимости (п. «г» ст. 31), Основы уголовного законодательства 1958 г. не содержат определения повторно-го преступления. Однако, как это вытекает из ст. ст. 41 и 47 Основ, понятие повторного преступления осталось таким же. Если после истечения давностных сроков лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности (ст. 41) или оно считается не имеющим судимости (ст. 47), то естественно, что новое преступление, совершенное этим же лицом, юридически не является повторным. Следовательно, и сейчас повторным является преступление, совершенное лицом, имеющим судимость, или когда не истекли сроки давности по ранее совершенному им преступлению.

Если повторным является второе преступление, то естественно, что неоднократным будет преступление, совершенное в третий раз.

Иное решение вопроса представляется ошибочным. Если неоднократность и повторность означали бы одно и то же, то не было бы надобности прибегать к различным терминам. Нет оснований считать, что здесь имеет место лишь разницей в терминологии как следствие несовершенства законодательной техники. В этом можно убедиться хотя бы на примере ст. 170 (174), которая говорит о даче взятки «неоднократно или лицом, ранее судившимся за взяточничество». Если бы термин «неоднократность» означал в этой статье «второй раз» (т. е. повторность), то не было бы надобности здесь же рядом с ним специально говорить о даче взятки лицом «ранее судившимся за взяточничество», ибо дача взятки таким субъектом означает, что он второй раз совершает это преступление.⁵⁰ Значит, для наличия ч. 2 ст. 170 достаточно, что взятку дало лицо, ранее судимое за взяточничество. Если же взятку второй раз дало лицо, не судившееся за взяточничество, то для применения ч. 2 ст. 170 (ч. 2 ст. 174) УК этого недостаточно. Это и понятно, ибо лицо, отбывшее наказание и снова совершившее такое же преступление, является более опасным, чем лицо, которое совершило два преступления, но карательное воздействие по отношению к которому еще не применялось.

Если в рассмотренном случае неоднократность означает третий раз, то нельзя себе представить, чтобы в другой статье того же кодекса этот термин уже имел иное значение.

Неоднократным, следовательно, является преступление, совершенное лицом, имеющим две судимости или ранее совершившим два преступления, ни одно из которых не погашено давностью.

Вопреки этому многие авторы не видят разницы между терминами «повторность» и «неоднократность». отождествление этих терминов распространено и в судебной практике. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 9 от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» также указывает, что «неоднократное получение взятки, дача взятки или посредничество во взяточничестве предполагает совершение одного из этих преступлений не менее двух раз, если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности уголовного преследования».⁵¹

Отождествление понятий обычно мотивируют грамматическим значением слова «неоднократность», означаемым «не один раз» — значит «не менее двух раз». В обычном значении слова это действительно так. Однако известно, что грамматическое значение и правовое значение одного и того же слова могут не совпадать, что и имеет место в рассматриваемом случае.

Если имеется стремление и в правовом смысле отождествить «повторность» и «неоднократность» и законодатель с этим согласится, то следует либо дать соответствующее разъяснение в порядке п. «б» ст. 31 Конституции БССР (п. «б» ст. 33 Конституции РСФСР), либо заменить в Уголовном кодексе термин «неоднократность» «повторностью». Об этом же пишет и В. П. Малков, исследовавший проблему повторности преступлений: «В самом деле, коль скоро в судебной практике и теории уголовного права нередко неоднократность отождествляется с повторностью, то не следует ли вообще отказаться от употребляемого в законе термина «неоднократность», заменив его словом «повторность»?».⁵²

Пока, однако, этого не произошло, для отождествления повторности и неоднократности нет оснований, оно не вытекает из действующего закона, а, напротив, противоречит ему.

Если неоднократность означает «не менее трех раз», то систематичность будет означать «более трех раз».

Характеристика неоднократности и систематичности не исчерпывается количественным признаком. Необходи-

димо, чтобы каждый разовый случай имел правовое значение, т. е. не был погашен сроками давности либо судимости. Эти сроки в свою очередь зависят от того, обрисуется ли разовый случай состав преступления (при наличии и других его элементов) либо выступает лишь в качестве административного, дисциплинарного или только морального проступка. Согласно этому в ч. 2 ст. 219 УК систематичность будет, если ни один из четырех случаев не погашен сроком давности или судимости. Руководствоваться при этом следует ст. ст. 46(48), 54 (57).

В составе вовлечения несовершеннолетних в пьянство разовый случай (а равно второй и третий случай) является лишь проступком, сохраняющим правовое значение в течение года после его учинения или после наложения административного взыскания или применения товарищеским судом меры общественного воздействия, если в том или другом случае срок не был прерван новым фактом вовлечения несовершеннолетнего в пьянство. В числе разовых случаев может быть и доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, от которого он находился в служебной зависимости, если это лицо было осуждено и еще считается имеющим судимость.

Нельзя согласиться с тем, что систематичность предполагает совершение одного и того же преступления, как правило, до осуждения. Ссылка на то, что это «сам законодатель имеет в виду»,⁵³ не убеждает хотя бы потому, что о желаниях законодателя мы судим по их словесному выражению, а не по тому, что он думал, но о чем не сказал. Систематичность признается условием уголовной ответственности либо квалифицирующим обстоятельством потому, что свидетельствует об определенной линии упорного поведения. Поэтому ничего не меняется от того, проводилась ли виновным эта линия до осуждения или продолжалась после отбытия наказания. Представляется, что в последнем случае субъект более опасен, так как даже судимость не изменила его поведения.

Для наличия систематичности необходимо, далее, чтобы имело место определенное количество случаев вовлечения в пьянство одного и того же несовершеннолетнего. Одновременное вовлечение в пьянство нескольких лиц остается в рамках разового случая.

В итоге вовлечение несовершеннолетнего в пьянство

является систематическим, если имело место вовлечение одного и того же потерпевшего более трех раз и каждый случай не погашен давностью.

Субъектом преступления вовлечения несовершеннолетнего в пьянство являются «родители или иные лица». Такая формулировка означает, что субъектом этого преступления может быть любое лицо, в том числе и лицо, в служебной зависимости от которого потерпевший находился, и в последнем случае имело место вовлечение в пьянство, а не доведение до состояния опьянения.

При определении субъективной стороны преступления выясняется вина к распитию спиртных напитков (1), к тому что это делается систематически (2) и к возрасту вовлекаемого (3). За исключением последнего обстоятельства, о котором уже говорилось, вина к первому может быть только умышленной: субъект сознает, что потерпевший употребляет спиртные напитки, во что он его вовлек. Вина ко второму обстоятельству может быть также только умышленной: субъект сознает, что уже четвертый раз вовлекает в пьянство одно и то же лицо.

*
* *

Составы спаивания несовершеннолетнего являются усеченными. Возможными последствиями спаивания могут быть: повреждение здоровья (в том числе уличная либо производственная травма), смерть, совершение преступления.

Влияние последствий на квалификацию содеянного зависит от характера вины, структуры состава, вида и размера санкций и тяжести последствий.

Спаивание несовершеннолетнего с целью его вовлечения в преступную деятельность образует совокупность преступлений, если само спаивание удовлетворяет признакам состава преступления. При отсутствии такой цели совершение опьяневшим подростком преступления не влияет на квалификацию и является лишь отягчающим вину обстоятельством.

Если можно представить себе спаивание несовершеннолетнего с целью нанесения вреда его здоровью или лишения жизни, то будет иметь место ответственность за совокупность преступлений.

При систематическом вовлечении несовершеннолетнего в пьянство неосторожная вина к причинению вреда здоровью либо наступившей смерти не образует нового состава преступления, поскольку тяжесть первого, караемого лишением свободы на срок до пяти лет, превышает тяжесть второго и поглощает его.

При наличии неосторожной вины к таким последствиям в случае доведения до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого несовершеннолетний находился, ответственность должна наступать по правилам о совокупности преступлений, так как санкция (лишение свободы на срок до одного года) не учитывает таких последствий, как смерть, тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.

§ 7. Постановление в опасность заражения венерической болезнью

Состав сформулирован как «заездомое постановление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью» — ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115¹).

Статья 4 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении указывает, что «граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью и здоровью других членов общества». Аналогичное положение сформулировано в законах союзных республик о здравоохранении и, в частности, в ст. 3 Закона Белорусской ССР о здравоохранении.

Это обращение конкретизировано в ст. 51 Закона Белорусской ССР о здравоохранении, указывающей, что «больные венерическими болезнями подлежат обязательному лечению в соответствующих лечебно-профилактических учреждениях, а также диспансерному наблюдению до их излечения. Больные венерическими болезнями в заразном периоде, уклоняющиеся от лечения, подлежат принудительной госпитализации и лечению...»

Уголовная ответственность за уклонение от лечения венерической болезни установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г. «Об усилении ответственности за распространение венерических заболеваний». ⁵⁴ Нормы Указа дословно включены в уго-

ловные кодексы союзных республик, в Белорусской ССР — в ст. 113.

Последняя формулирует ответственность за «уклонение от лечения венерической болезни, продолжаемое после предупреждения, сделанного органами здравоохранения» (ч. 1), за поставление в опасность заражения (ч. 2) и за заражение венерической болезнью (ч. 3 и 4).

Для правильного понимания и применения ст. 113 (115, 115¹) УК необходимо знание минимальных сведений о венерических заболеваниях. ⁵⁵

Венерические болезни — инфекционные половые заболевания, к которым относятся: сифилис (люэс), гонорея (триппер, перелой), мягкий шанкр (венерическая язва), паховый лимфогранулематоз (четвертая венерическая болезнь).

Заражение сифилисом возможно двумя путями: прямой передачей и посредством предмета. Прямая передача происходит либо при половых сношениях (большинство случаев) либо прямым контактом: при поцелуях, при кормлении здоровой женщиной грудью больного сифилисом чужого ребенка, при контактах медицинского персонала (гинеколога, акушерки, хирурга) с больным и т. д. Опосредованное заражение возможно через любой предмет, испачканный свежими невысохшими выделениями больного (слюны, слезы, отделяемого сифилитической язвы и т. д.): общие ложки, кружки, зубные щетки, папиросы, трубки, бритвы, гребешки, губную помаду, детские соски, чужое нестиранное белье, стульчики, общие ванны и т. д. Сифилис может быть врожденным (при передаче инфекции плоду от больной сифилисом матери). Сифилисом могут болеть люди любого возраста.

Этой болезни свойствен длительный инкубационный период 3—4 недели, в течение которого болезнь при современных методах диагностики еще не может быть распознана.

Неизлеченный сифилис может осложняться тяжелыми поражениями внутренних органов и нервной системы, вызывает прогрессивный паралич, сухотку спинного мозга и другие болезни. Сифилис отражается губительно на здоровье и жизнеспособности потомства, вызывая врожденное уродство, слепоту, глухоту и т. д.

Гонорея передается от больного к здоровому при половых сношениях (наиболее часто) и внеполовым путем (через загрязненные гонорейными выделениями руки и недостаточно обеззараженные предметы домашнего обихода больных). Внеполовое заражение часто наблюдается у маленьких девочек, заражающихся от больных матерей в общей постели.

Гонорейными осложнениями могут быть: воспаление суставов с их последующей неподвижностью, бесплодие, поражение органов, куда потоком крови попали гонококки — возбудители этой болезни, общее заражение организма и даже смерть. При заболевании гонореей иммунитет не вырабатывается и возможно поэтому повторное заболевание.

Мягкий шанкр передается преимущественно половым путем. Может дать осложнения в виде воспаления лимфатических сосудов и

узлов, парафимоза, фимоза. Мягкий шанкр — местное заболевание, не влияющее на весь организм. Иммуитета не вырабатывает.

Паховый лимфогранулематоз передается половым и внеполовым путем и поражает лимфатические узлы. Возможными осложнениями могут быть нарастающая кишечная непроходимость, рак половых органов и др.

Следует иметь в виду, что современные средства и методы позволяют полностью излечивать венерические болезни при условии своевременного обращения за медицинской помощью и аккуратности лечения. Поэтому очень важно своевременное выявление больных.

Мягкий шанкр в 1951 г., а паховый лимфогранулематоз — в 30-х годах были ликвидированы в СССР.⁵⁶ Однако не исключена возможность занесения таких болезней из-за рубежа. Лечение больных венерическими болезнями обязательно и при отказе больного производится принудительно. Больные сифилисом после их выявления подлежат госпитализации в течение 24 часов. После окончания лечения они остаются на учете в соответствующих медицинских учреждениях в течение пяти лет. Наблюдение за излечившимися от гонорей продолжается в течение 1—3 месяцев.

Признаки состава постановления в опасность заражения венерической болезнью не могут быть в достаточной мере выяснены без определения сущности предшествующих деяний виновного, выражающихся в его уклонении от лечения. Связь между этими преступлениями настолько тесная, что дала повод утверждать, что «опасность заражения венерической болезнью включает, в частности, и злостное уклонение от лечения такой болезни».⁵⁷ Утверждение имело место в связи с анализом состава постановления в опасность заражения венерической болезнью, известного ч. 2 ст. 112 УК Латвийской ССР еще до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г., и поскольку в этом УК не было состава уклонения от лечения венерической болезни. Очевидно, что в настоящее время, когда уголовные кодексы предусматривают самостоятельные составы уклонения от лечения венерической болезни и постановления в опасность заражения такой болезнью, упомянутое мнение особенно неприемлемо, и задача состоит в том, чтобы определить, где заканчивается первое преступление и начинается второе.

Больной венерической болезнью, независимо от того, обратился ли он в лечебное учреждение по своей инициативе либо доставлен туда принудительно, в письменной форме предупреждается об обязанности лечиться и последствиях уклонения от этого. Министерством здравоохранения СССР утверждена специальная форма под названием «Предупреждение лицу, заболевшему венерической болезнью». В ней после записи фамилии, имени, отчества больного, его домашнего адреса и года рождения указывается следующее: «Подтверждаю письменно, что сега числа мне разъяснены

— положения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г. «Об усилении ответственности за распространение венерических заболеваний»;

— порядок и срок моего лечения от венерических заболеваний;

— правила моего поведения в половой жизни, в семье, в быту, на работе и в стенах лечебного учреждения;

— ответственность за уклонение от лечения после настоящего предупреждения.

Все предписания лечащего врача обязуюсь строго выполнять.

О перемене своего места жительства обязуюсь сообщать лечащему врачу». Далее следуют подписи больного, лечащего врача, дата и название населенного пункта.

Неявка на очередной сеанс лечения после такого предупреждения сама по себе еще не образует состава преступления, поскольку уголовная ответственность предусмотрена за уклонение от лечения. Уклонение же предполагает нежелание лечиться. Поэтому неявка на лечение, вызванная уважительными причинами, не является уклонением от лечения.

Если больной не явился на очередной сеанс лечения, его вызывают через патронажную сестру либо через органы милиции. При установлении того, что неявка имела место без уважительной причины, лицо привлекается к ответственности по ч. 1 ст. 113 (ч. 1 ст. 115¹).

Поставление в опасность заражения венерической болезнью может совершаться как в процессе уклонения от лечения, так и в процессе лечения. Уклонение имеет место, если больной только не является на лечение с целью уклонения от него, но не совершает каких-либо

действий, которые создали бы опасность заражения другого лица, т. е. не вступает с ним в такие контакты, которые способны передать ему венерическое заболевание.

Уклонение от лечения и заражение венерической болезнью — составы преступлений, которые фиксируются сравнительно легко. Фиксация же поставления в опасность заражения венерической болезнью сложнее.

Объективная сторона этого преступления формулируется в законе как «поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью».

Поставление в опасность заражения имеет место, если совершены деяния, которые создали конкретную возможность передачи болезни другому лицу, но этого не произошло вследствие случайности либо мер, принятых потерпевшим.

Способами поставления в опасность заражения венерической болезнью являются, в частности, следующие: половое сношение с не больным венерической болезнью или больным иной венерической болезнью; нарушение правил личной гигиены, о соблюдении которых больной давал обязательство; выполнение больной женщиной обязанностей кормилицы чужого ребенка.

Если поставление в опасность заражения венерической болезнью имело место в процессе уклонения от лечения, то возникает вопрос о квалификации содеянного, поскольку каждое из деяний образует отдельный состав преступления. Вопрос о квалификации возникает и при заражении венерической болезнью лицом, уклоняющимся от лечения. Мнение о применении в таких случаях правил о совокупности преступлений⁵⁸ представляется спорным. Уклонение от лечения, поставление в опасность заражения и заражение венерической болезнью выступают как отрезки единой преступной деятельности, развивающейся от менее опасной к более опасной. Здесь каждое последующее действие поглощает предшествующее и поэтому вряд ли каждое из них подлежит самостоятельной правовой оценке. Законодатель установил ответственность за поставление в опасность заражения венерической болезнью на тот случай, когда заражение не последовало по причинам, не зависящим от виновного. За уклонение от лечения установлена уголовная от-

ветственность, с тем чтобы предупредить самые контакты больного с другими лицами с целью предупреждения заражения. Поэтому при развитии преступной деятельности от менее к более опасной она должна оцениваться по тому, что было конечным. При ином взгляде каждый случай поставления в опасность заражения венерической болезнью лицом, которое уклонялось от лечения, пришлось бы всегда квалифицировать как два преступления, а если последовало и заражение, то было бы три преступления. Такое нагромождение квалификации представляется необоснованным. Правила о совокупности преступлений следует применять лишь в тех случаях, когда потерпевшими выступают разные лица, по отношению к одному из которых имело место поставление в опасность заражения, а к другому — заражение его венерической болезнью.

Для уяснения объективной стороны рассматриваемого состава преступления представляют интерес мотивы принятия первого закона об ответственности за поставление в опасность заражения венерической болезнью — ст. 155-а УК РСФСР 1922 г. Об этом И. Я. Бычков и Н. С. Исаев писали следующее: «...как доказать, что потерпевший заразился именно от обвиняемого? В практике органов дознания попадались случаи задержки проституток, больных венерической болезнью в заразной форме, о которых имелись несомненно данные, что они сеют кругом себя заразу. Но из-за отсутствия реальных потерпевших в отношении этих проституток не могла применяться ст. 155 УК (эта статья УК 1922 г. предусматривала ответственность за заражение венерической болезнью. — И. Г.), несмотря на то, что они представляют повышенную социальную опасность. В интересах возможности действовать путем уголовной репрессии на лиц, в отношении которых имеются определенные данные, что, будучи больны венерической болезнью, они ведут беспорядочную половую жизнь и ставят в опасность заражения своих партнеров, по инициативе Наркомздрава РСФСР Уголовный кодекс дополнен постановлением ВЦИК от 9 августа 1926 г. статьей 155-а, гласившей: «Заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными способами в опасность заражения венерической болезнью влечет за собой лишение свободы или принудительные работы до шести месяцев».⁵⁹

Таким образом, если нельзя установить, заразился ли потерпевший от обвиняемого или другого лица, то обвиняемый должен привлекаться к ответственности за поставление в опасность заражения венерической болезнью, поскольку он вступал с потерпевшим в недозволенные в связи со своим заболеванием контакты.

Анализируя состав заражения венерической болезнью, М. Д. Шаргородский ограничивает его по *субъективной* стороне косвенным умыслом и неосторожностью в форме самонадеянности. При наличии прямого умысла на заражение другого лица венерической болезнью М. Д. Шаргородский предлагает квалифицировать преступление как умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.⁶⁰ Это мнение получило в литературе широкое распространение. Оно имеет прямое отношение и к характеристике субъективной стороны поставления в опасность заражения венерической болезнью. Следуя ему, пришлось бы поставление в опасность заражения, совершаемое с прямым умыслом, квалифицировать как покушение на причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

Между тем в перечне повреждений, признаваемых тяжкими и менее тяжкими, содержащемся в ст. ст. 106 (108) и 107 (109), и в правилах судебно-медицинского определения тяжести телесных повреждений, венерические заболевания не называются. Очевидно, это вызвано тем, что причинение вреда здоровью потерпевшего заражением его венерической болезнью выделено в специальный состав преступления ввиду его особенностей.

Ни М. Д. Шаргородский, ни другие авторы не аргументируют свои позиции. Можно полагать, что заражение венерической болезнью они квалифицируют как тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение по признаку степени утраты трудоспособности: заражение будет тяжким телесным повреждением при утрате трудоспособности не менее чем на одну треть и менее тяжким телесным повреждением при утрате ее от 15 до 35%. Однако венерическое заболевание может и не повлечь утраты трудоспособности, да в большинстве случаев и не влечет за собой таких ближайших последствий.

Правильно критикуя рассматриваемую точку зрения, Н. И. Загородников допускает однако квалификацию заражения венерической болезнью, совершаемого с пря-

мым умыслом, по ст. 106 (108) или 107 (109), если последствия, указанные в этих статьях, наступили.⁶¹

При уклонении от лечения либо ненадлежащем лечении венерического заболевания, как уже отмечалось, может повлечь за собой самые тяжкие последствия. Однако это ничего не меняет по двум причинам. Прежде всего такие последствия могут наступить лишь в сравнительно отдаленном после заболевания будущем и не ждать же, когда это произойдет, чтобы после этого и решить вопрос о квалификации. Во-вторых, при прямоммысле виновного на заражение другого венерической болезнью обычно отсутствует умысел к последствиям, которые могут наступить, если зараженный не будет лечиться.

Поэтому представляется, что заражение венерической болезнью со стороны субъективной имеется при любой форме умысла и при преступной самонадеянности.

Для наличия субъективной стороны рассматриваемого состава преступления требуется, чтобы поставление другого лица в опасность заражения было заведомым.

«Заведомость» является также признаком других составов преступлений, опасных для жизни и здоровья: ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) формулирует ответственность за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта, если они не повлекли, «но заведомо создавали угрозу» наступления тяжких последствий; ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) указывает на «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии...»; ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128) — о неоказании медицинской помощи, если оно «заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия».

В русском языке «заведомо» значит «сознательно, безусловно, несомненно, как известно (самому действующему лицу)». ⁶² Тем самым словом «заведомость» характеризуется определенное психическое отношение деятеля к совершаемым им деяниям и их последствиям. Такое значение имеет «заведомость» и в законодательстве. В этой связи представляется ошибочным рассматривать заведомость как объективную возможность: наступившие последствия признаются заведомыми, если они объективно могли вызвать указанный в законе наступив-

щий или возможный результат, независимо от психического отношения к нему деятеля. Такой взгляд, в частности, содержится в комментариях к Уголовному кодексу РСФСР, подготовленных кафедрой уголовного права Свердловского юридического института (т. 2, 1962, стр. 69). Кроме того, при таком взгляде слово «заведомость» оказывается в законе лишним и применительно к анализируемому составу преступления можно было сказать, что нет разницы в формулировках «заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью» и «поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью». Очевидно, при наличии в законе последней формулировки для ответственности достаточно было бы того, что больной вступал в определенные контакты с потерпевшим и этим мог его заразить венерической болезнью, т. е. к ненаступившим последствиям могла быть вина и в форме небрежности. Однако указанием на заведомость законодатель ограничил рамки данного состава преступления.

В перечисленных случаях заведомость привязана либо к действию, либо к возможным или наступившим последствиям. В любом случае действие при такой характеристике может быть только умышленным: виновный сознает, что совершает общественно опасное действие и желает этого. Где имеется неосторожность, там не может быть заведомости. Поэтому в рассматриваемом составе преступления отношение виновного к своим действиям характеризуется тем, что он сознает, что вступает с другим лицом в запрещенные контакты и, несмотря на это, в такие контакты вступает.

Заведомость по отношению к действиям определяет и отношение к возможным (или наступившим) последствиям. Если виновный понимает, что вступает в запрещенные контакты с другим лицом, то он одновременно понимает, что это может привести к заражению этого лица.

Однако указание закона на заведомость последствий не исключает применения норм об ответственности за покушение. Не будь ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115¹), покушение на заражение венерической болезнью другого лица рассматривалось бы как покушение на преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 113 (ч. 1 ст. 115). Выделение состава поставления в опасность является средством

расширения области уголовно-правового вмешательства и усиления борьбы с распространением венерических заболеваний. Поэтому, несмотря на наличие такого состава, покушение на заражение венерической болезнью должно рассматриваться по ст. ст. 15 и 113, ч. 3 (15 и 115), а не как поставление в опасность по ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115¹). Иное решение вопроса о квалификации содеянного противоречило бы целевому назначению состава поставления в опасность.

Тем самым в смысле ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115¹) заведомость охватывает собой умышленные действия, соединенные с косвенным умыслом либо преступной самонадеянностью к ненаступившим последствиям, а при признании возможности покушения с косвенным умыслом — лишь с преступной самонадеянностью к ненаступившим последствиям.

Представим себе случай, когда потерпевшая сторона, зная о болезни компаньона, вступает с ним добровольно в интимную связь и заражается венерической болезнью либо могла заразиться, заранее зная об этом. По мнению авторов, анализирующих подобную ситуацию, состав преступления в действиях больного венерической болезнью отсутствует, поскольку имеется согласие потерпевшего на причинение ему вреда.⁶³

В настоящее время такое решение представляется противоречащим требованию законов о здравоохранении, рассматривающих здоровье граждан в качестве социальной ценности. Вступая в отношения, запрещенные в связи с болезнью, субъект сознает социальную опасность своих действий и их противоправность, что уже удовлетворяет требуемым основаниям уголовной ответственности. При таком положении согласие потерпевшего не должно устранять ответственности больного, предупрежденного о правилах поведения в интимной жизни и ответственности за их нарушение. Согласие потерпевшего может быть лишь смягчающим вину обстоятельством.

Субъектом преступления является лицо, страдающее венерической болезнью и достигшее 16-летнего возраста.

Но может ли быть субъектом этого преступления лицо, не страдающее такой болезнью? Н. И. Загородников рассказывает о случае, когда гражданка К., зная, что ее сосед по квартире страдает венерической бо-

лезню, из чувства мести систематически подставляла его посуду соседке и ее детям с намерением таким путем заразить их. Автор считает, что подобное поведение не может квалифицироваться по статье о заражении венерической болезнью и «может образовать состав тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в зависимости от характера ущерба, причиненного здоровью потерпевшего». ⁶⁴

Поставление в опасность, предполагающее со стороны субъективной вину в форме преступной самонадеянности или (при отрицании конструкции покушения с косвенным умыслом) косвенного умысла, в подобных случаях исключается, поскольку виновный действует с прямым умыслом на заражение другого лица. Оценка таких случаев, повлекших или не повлекших заражения другого лица, применительно к составам тяжкого или менее тяжкого телесного может фактически повлечь за собой (по ранее изложенным основаниям) исключение уголовной ответственности. Между тем опасность лица, не страдающего венерической болезнью, но стремящегося наделить ею другое лицо, используя для этого болезнь соседа, знакомого или сослуживца, не меньшая, чем опасность самого больного, преследующего такие же цели. Посредственное причинение, имеющее место в таком случае, не меняет положения и должно квалифицироваться как заражение другого лица венерической болезнью по ч. 3 ст. 113 (ст. 115), а если заражения не последовало, то как покушение на совершение этого преступления. Представляется, что такое распространительное толкование не противоречит закону и соответствует целям борьбы с распространением венерических заболеваний.

§ 8. Незаконное врачевание

Незаконным врачеванием ст. 216 (221) называют «зачинание врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования».

Врачевать — значит лечить, заниматься лечением. ⁶⁵ Это понятие включает постановку диагноза, определение средств и методов воздействия на организм и их применение. Врачевание имеет место как при совокупности перечисленных действий, так и при наличии хотя бы

одного из них. Врачеванием не является медицинская пропаганда — деятельность, не персонифицированная по объекту воздействия. Врачевание же всегда адресовано определенному лицу.

Оно разрешено определенным лицам, указанным в ст. 12 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении (ст. 13 Закона Белорусской ССР о здравоохранении и соответствующих статьях аналогичных законов других союзных республик).

Согласно этой статье «к медицинской и фармацевтической деятельности допускаются лица, получившие специальную подготовку и звания в соответствующих высших и средних специальных заведениях ССРСР. Иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие постоянное местожительство в СССР, получившие специальную подготовку и звания в соответствующих высших и средних специальных учебных заведениях ССРСР, могут заниматься медицинской и фармацевтической деятельностью на территории СССР в соответствии с полученной специальностью и званием. Лица, получившие медицинскую и фармацевтическую подготовку и звания в соответствующих учебных заведениях иностранных государств, допускаются в СССР к медицинской и фармацевтической деятельности в порядке, установленном законодательством Союза ССР».

Эта норма конкретизируется в Положениях о правах и обязанностях различных категорий медицинских работников, согласно которым правом врачевания в соответствующих пределах пользуются: врач, фельдшер, акушерка, медицинская сестра. Другие медицинские работники правом врачевания не пользуются. ⁶⁶

Поэтому утверждение, что правом врачевания пользуются только врачи, имеющие высшее медицинское образование, и не обладают лица со средним медицинским образованием, ⁶⁷ следует признать ошибочным. Фельдшер, например, занимающийся частной практикой, но врачующий в пределах, допустимых для фельдшера, не может быть привлечен к уголовной ответственности за незаконное врачевание. Нет незаконного врачевания в смысле ст. 216 (221) и в действиях медицинской сестры, которая в домашних условиях делает за плату инъекции, прописанные больному врачом. Такое врачевание не является опасным для здоровья людей, что уже по

одному этому не может быть преступлением, и упречность его только в том, что отсутствует разрешение заниматься им частным образом.

Статья 216 (221) в части, относящейся к субъекту преступления, является бланкетной, и согласно упомянутым нормативным актам ответственность по этой статье несут: лица, не имеющие никакого медицинского образования; лица, имеющие медицинское образование, не дающее, однако, права на какое-либо врачевание; лица, имеющие медицинское образование, но занимающиеся такими видами врачевания, на которые они не имеют права. Субъектом преступления являются также лица, имеющие соответствующее медицинское образование, но лишённые права заниматься врачеванием по приговору суда.

С объективной стороны преступление состоит в занятии незаконным врачеванием как профессией.

Врачевание, кроме ранее сказанного, включает в себя оказание лечебной помощи методами и средствами, известными современной медицине. Ст. 34 Основ законодательства о здравоохранении (ст. 46 Закона о здравоохранении Белорусской ССР) указывает, что «в медицинской практике врачи применяют методы диагностики, профилактики и лечения, лекарственные средства, разрешённые Министерством здравоохранения СССР. В интересах излечения больного и с его согласия, а в отношении больных, не достигших шестнадцатилетнего возраста, и психически больных — с согласия их родителей, опекунов или попечителей врач может применять новые, научно обоснованные, но еще не допущенные к всеобщему применению методы диагностики, профилактики, лечения и лекарственные средства».

Незаконным является врачевание методами и средствами, не дозволенными медициной, а равно и дозволенными, если лицо не имеет права на врачевание вообще или на применение данного метода или данных средств врачевания. Как раз в последней части для определения законности врачевания необходимо обращаться к соответствующим положениям о правах и обязанностях медицинских работников. Так, например, врач, который занимается лечением гипнозом, не имея на то специального письменного разрешения органов здравоохранения, виновен в незаконном врачевании, поскольку для приме-

нения этого метода лечения требуется специальное разрешение.

Врачеванием не является фармацевтическая деятельность. Незаконное занятие такой деятельностью может образовать состав преступления, предусмотренный ст. 219 (224) УК: Изготовление и сбыт лекарств, не относящихся к наркотическим, сильнодействующим или ядовитым, состава преступления не образует. Однако, если такие действия связаны с врачеванием (например, лицо, не имея на то права, лечит больных им изготовленными лекарствами), то в его действиях имеется состав преступления, предусмотренный ст. 216 (221) УК. Скупка и перепродажа лекарственных средств с целью наживы образует состав спекуляции.

Судебная практика свидетельствует, что в настоящее время незаконное врачевание преимущественно выражается в использовании религиозных предрассудков. Так, например, в приговоре по делу Д. говорится, что «метод лечения подсудимого заключается в том, что, спросив у больного имя, год рождения, место жительства, вид заболевания, он брал воду из колодца и каждому больному наливал две бутылки, предлагая из одной пить по чайной ложке три раза в день, а из другой — натирать больное место».⁶⁸

Как видно из материалов судебной практики, незаконное врачевание выражается также в зубопротезировании лицами, не имеющими соответствующего образования, и лечении травмами. Незаконное врачевание лицами, имеющими медицинское звание, но занимающимися лечением не в соответствии с их квалификацией, почти не встречается.

Незаконное врачевание создает конкретную опасность для здоровья, а иногда и для жизни человека. Эта опасность создается как в случае, когда виновный предлагает больному такие средства или применяет такие методы, которые способны ухудшить его здоровье, так и тогда, когда применяются безобидные средства («святая» вода, нашептывание), поскольку больной упускает драгоценное время для действительного лечения. Если к тому же болезнь является заразной, то создается конкретная опасность и для окружающих больного людей.

Уголовно наказуемым является «занятие врачеванием как профессией», т. е. более или менее длительное вре-

мя. Отдельные случаи незаконного врачевания, не повлекшие причинения вреда здоровью, не вызывают уголовной ответственности.

Для состава незаконного врачевания не требуется наступления последствий — смерти или вреда здоровью. Лишь в отдельных уголовных кодексах (УССР — ст. 226, ЛатвССР — ст. 223, ЛитССР — ст. 237) состав незаконного врачевания сформулирован как материальный. Верховный суд РСФСР признал неправильным прекращение производством дела Е., привлеченного к ответственности за то, что, не имея медицинского образования, занимался зубопротезированием. Суд первой инстанции мотивировал прекращение дела тем, что действия Е. не повлекли тяжелых последствий для обратившихся к нему лиц. Верховный суд указал: «Специального медицинского образования у Е. не было, а следовательно, он не имел права заниматься зубопротезированием. Кроме того, из заключения судебно-медицинских экспертов видно, что преступные действия Е., выразившиеся в надевании металлических коронок, изготовленных им кустарным способом и не из надлежащего металла, могли вызвать у обратившихся к нему лиц тяжелые заболевания».⁶⁹

Единичные случаи незаконного врачевания повлекшего смерть или телесные повреждения, рассматриваются как соответствующее преступление против личности. Правовая оценка таких последствий, наступивших в результате занятия незаконным врачеванием как профессией, зависит от юридической конструкции этого состава. Уголовные кодексы ряда союзных республик выделяют квалифицированный вид незаконного врачевания (АрмССР — ст. 241, КиргССР — ст. 233, МССР — ст. 228, УзССР — ст. 223, ГССР — ст. 250, АзССР — ст. 223, ТССР — ст. 253). Применительно к этим кодексам состав незаконного врачевания охватывает собой и те последствия, о которых в них говорится.

В соответствии с уголовными кодексами, где состав незаконного врачевания сформулирован как формальный, причинение таким врачеванием смерти или телесных повреждений должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений: в БССР — по ст. 216 и в зависимости от тяжести последствий по ст. 104 или 112.

Виновный в незаконном врачевании сознает, что занимается врачеванием, не имея на то права, или применяет неразрешенные методы и средства лечения. Его отношение к ненаступившим последствиям выражается в неосторожной вине. Указание отдельными авторами, что для данного состава преступления необходимо, чтобы лицо «извлекало из этого занятия постоянный доход — основной или хотя бы дополнительный»,⁷⁰ безусловно ошибочно. По данным судебной практики, действительно незаконное врачевание совершается, как правило, с корыстной целью. Однако в характеристику этого состава преступления законодатель такую цель не вводит, вследствие чего состав данного преступления будет иметь место, независимо от того, «лечил» ли виновный за вознаграждение или без.

В незаконном врачевании в форме знахарства материальная выгода извлекается обманным путем. «Современный знахарь в подавляющем большинстве случаев является мошенником, эксплуатирующим беспомощное состояние своих жертв в целях извлечения личной, обычно материальной выгоды».⁷¹ В этой связи возникает вопрос о квалификации незаконного врачевания, соединенного с обманом пациента в корыстных целях.

Одни авторы считают, что в таких случаях виновный одновременно должен привлекаться к ответственности и за мошенничество.⁷² Другие признают возможным применять правила о совокупности преступлений лишь в том случае, если незаконное врачевание совершается лицом, ложно выдающим себя из корыстных побуждений за врача.⁷³ По мнению третьих, если виновный знает, что применяемые им средства не принесут пользы больному и получает за это материальную выгоду, то имеется лишь состав мошенничества.⁷⁴ Так, в частности, были квалифицированы действия Н., признанной виновной в том, что всем обратившимся к ней больным она давала бутылку с водой, над которой предварительно нашептывала, после чего рекомендовала пить, за что граждане платили ей деньгами, продуктами и носильными вещами.⁷⁵

Ответ на вопрос о квалификации незаконного врачевания, соединенного с обманом граждан и извлечением материальной выгоды, следует искать в различии объектов незаконного врачевания и мошенничества.

Как уже известно, объектом незаконного врачевания являются здоровье и жизнь пациента. Признание же виновного ответственным лишь за мошенничество, объектом которого является чужая собственность, не учитывает специфики незаконного врачевания. Преступление против личности, каким оно фактически является, оканчивается при оспариваемой квалификации лишь имущественным преступлением. Потому представляется ошибочным мнение о квалификации незаконного врачевания, соединенного с обманом в корыстных целях, как мошенничества. Разница между незаконным врачеванием и мошенничеством, совершаемым под видом врачевания, состоит в способе перехода имущества от больного (или его представителей) к виновному. При незаконном врачевании деньги, вещи, продукты передаются виновному в качестве платы за врачевание. Мошенничество имеет место, когда виновный присваивает вещи, другие ценности, переданные ему во временное владение для ритуальных действий, связанных с «врачеванием».

При незаконном врачевании виновный действует открыто, имеет известное место, где принимает больных, и если скрывает свой промысел, то лишь от органов власти. Материальная выгода выступает здесь в качестве следствия врачевания.

Другое дело, если, как это имеет место при мошенничестве, умысел виновного непосредственно направлен на завладение чужим имуществом и «лечение» является лишь поводом для сближения с потерпевшим для этого. Виновный в большинстве случаев сам разыскивает больного, «лечит» его на дому, а получив имущество во временное владение, присваивает его и скрывается. Так, например, К., узнав, что у Надежды А. больна дочь, явилась к ней, чтобы вылечить девочку. К. попросила для изготовления лекарства килограмм сливочного масла и два килограмма вареной колбасы. Через день К. явилась с пузырьком лекарства, предложив смазывать им больную перед сном. Затем, чтобы «заговорить» больную, К. попросила у матери больной девочки дорогую вещь. Ей передали золотое кольцо, получив которое, она скрылась.⁷⁶

При оценке второго мнения возникает вопрос о том, почему его сторонники так ограничивают понятие обмана, соединенного с незаконным врачеванием. В совет-

ском уголовном праве общепринято считать обманом в качестве способа мошенничества не только сообщение заведомо ложных фактов, но и сокрытие сведений, сообщение о которых было обязательным. Поэтому авторы критикуемого мнения должны были признать совокупность незаконного врачевания и мошенничества и в тех случаях, когда пациенты считают виновного врачом, а он, зная об их заблуждении, воспользовался этим. Возникает и другой вопрос, почему не является обманом приписывание, например, пациенту несуществующей болезни, от которой виновный его «излечивает». Очевидно, если применять правила о совокупности преступлений при незаконном врачевании, соединенном с обманом и корыстной целью, то нет оснований из разнообразных видов обмана пациентов выбирать лишь отдельные. Более последовательным было бы признание совокупности преступлений незаконного врачевания и мошенничества во всех случаях обмана больного с целью извлечения материальной выгоды. По существу своему незаконное врачевание — это мошенничество, опасное для здоровья и жизни людей, выделенное поэтому в отдельный состав преступления. Если обман является составной частью незаконного врачевания, то тем самым исключается возможность применения к виновному еще и статьи о мошенничестве.

Третье мнение решает вопрос о квалификации в зависимости от того, знает ли виновный о том, что он не принесет пользы больному. Однако закон не различает незаконное врачевание с пользой для больного и без такой пользы, одинаково считая преступлением занятие врачеванием в виде профессии лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования. Полезность, если она имела место, может быть лишь смягчающим вину обстоятельством.

Незаконное врачевание может сопровождаться спекуляцией лечебными средствами. Вопрос о квалификации таких действий возник и получил разрешение в связи с нашумевшим в свое время делом Лещук.⁷⁷ Ее метод лечения состоял в том, что она, смешивая сккупленные в аптеке травы, расфасовывала их по пакетам и каждому больному, который к ней обращался, передавала такой пакет за 25 руб. Ее дневной заработок достигал 5 тыс. руб. (в старых деньгах). Ленинградский городской суд

квалифицировал преступление как незаконное врачевание и спекуляцию. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в своем определении от 18 октября 1960 г. оставила в силе приговор Ленинградского городского суда, указав, что «скупка лекарственных трав и перепродажа их по завышенным ценам с целью извлечения нетрудового дохода должна расцениваться как спекуляция». ⁷⁸

Спекуляцией является «скупка и перепродажа товаров и иных предметов с целью наживы» — ст. 151 (154). Для состава этого преступления не имеет значения, какие предметы скуплены и перепроданы с целью наживы. Исключение составляют лишь валютные ценности, спекуляция которыми образует государственное преступление. Предметом спекуляции, предусмотренной ст. 151, могут быть и лекарственные вещества, в том числе травы. Специфика спекуляции последними состоит только в том, что она совершается под видом лечения и сопровождается поэтому поставлением в опасность здоровья и жизни людей, что уже образует новое преступление. Если скупка и перепродажа лекарственных трав с целью наживы является спекуляцией, то состав последней не исключается из-за того, что такая торговля совершалась в связи с незаконным врачеванием.

На практике возник вопрос о квалификации незаконного врачевания со стороны *должностного лица органов здравоохранения*.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по делу М., работавшего заведующим районным отделом здравоохранения и занимавшегося частной практикой, не имея законченного высшего образования, признала, что он должен отвечать по статье о злоупотреблении служебным положением. ⁷⁹

М. лечил больных венерическими болезнями, покупая на рынке за их деньги сульфидин и стрептоцид. М. не выписывал лекарств из аптек, не посылал за ними на рынок своих подчиненных. Больных он принимал не в своем рабочем кабинете и в не подведомственных ему лечебных учреждениях.

В чем же выразилось злоупотребление М. своим служебным положением? Коллегия обосновала свое мнение тем, что М. «сам совершил такие действия, которые он в силу своего служебного положения должен был пре-

следовать, если бы их совершил медработник в подведомственном ему учреждении». В тезисе к определению коллегия указывает, что «должностное лицо, совершающее действия, которым оно обязано противодействовать в силу своего служебного положения, отвечает за эти действия как за злоупотребление служебным положением».

Следуя такому разъяснению, пришлось бы квалифицировать как злоупотребление служебным положением нарушение правил безопасности движения автотранспорта работником ГАИ или развратные действия, совершенные прокурором района на территории данного района, поскольку виновные совершили такие действия, с которыми они должны бороться в силу своего служебного положения.

Однако такое толкование злоупотребления служебным положением никак не соответствует закону. Статья 166 (170) определяет это преступление как «умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы». Если должностное лицо сознательно не исполняет свои служебные обязанности, то состав данного преступления будет при наличии всех признаков, указанных в ст. 166 (170). Работник ГАИ, сознательно не препятствующий нарушениям правил безопасности движения, или прокурор, отказавший в возбуждении уголовного дела против заведомо виновного в развращении малолетних, несут ответственность за должностное злоупотребление, поскольку они умышленно использовали свое служебное положение вопреки интересам службы. Однако злоупотребление состоит здесь не в том, что совершены нарушения правил движения или развратные действия, а в том, что в связи с этим не приняты предусмотренные законом меры. Следовательно, нет должностного злоупотребления в том, что прокурор совершил развратные действия, а работник ГАИ — нарушение правил безопасности движения, поскольку при этом они не использовали своего служебного положения.

Совершение лицом таких действий, с которыми он сам должен бороться в силу своего служебного положения, является основанием для морального упрека и может и должно быть учтено при назначении наказания за незаконное врачевание. Правовая же оценка деяний не

изменяется от того, совершены ли они частным лицом или должностным, но не в связи со служебным положением и не с использованием его.

Таким образом, и незаконное врачевание, которым занимается должностное лицо органов здравоохранения, не является должностным преступлением, если для этого занятия виновный не использовал своего служебного положения.

То обстоятельство, что виновный должен был преследовать незаконное врачевание, которым сам занимался, само по себе не является основанием для признания такого врачевания должностным преступлением.

Лишь в том случае, когда для занятия незаконным врачеванием должностное лицо использует свое служебное положение (например, для приобретения дефицитных лекарств), имеет место наряду с незаконным врачеванием еще и должностное преступление, если при этом наступили последствия, указанные в ст. 166 (170), — существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан.

§ 9. Незаконное производство аборта

Состав преступления сформулирован в ст. 114 (116) как «незаконное производство аборта». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. определил, что производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в больницах и других лечебных учреждениях и сохранил уголовную ответственность как врачей, так и лиц, не имеющих специального медицинского образования, производящих аборт вне указанных лечебных учреждений.

Развивая эти положения, Инструкция Министерства здравоохранения СССР о порядке проведения искусственного прерывания беременности указывает, что «производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в стационарных лечебных учреждениях» (ст. 3) и при отсутствии противопоказаний (ст. 2). Инструкция содержит перечень противопоказаний, при наличии хотя бы одного из которых аборт не может быть произведен даже в этих учреждениях.

Согласно этому незаконным производством аборта

является искусственное прерывание беременности, совершенное при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: а) вне стационарного лечебного учреждения; б) лицом, не имеющим высшего медицинского образования; в) при наличии противопоказаний.

В медицине аборт признается прекращение беременности и (одновременно с этим или позже) изгнание всего плодного яйца или его части в первые 7 акушерских месяцев (28 недель). При этом различают аборт ранний — прерывание беременности в первые 16 недель и аборт поздний — прерывание беременности после 16 недель. Медицинское понятие аборта не связано с тем, является ли он самопроизвольным или вызван искусственным путем. Преждевременное окончание беременности после 28 недель, когда плод уже способен к внеутробной жизни, называется в медицине преждевременными родами.

Понятие незаконного аборта в одном отношении уже медицинского: оно не охватывает собой самопроизвольное прерывание беременности. В целом же понятие незаконного аборта значительно шире медицинского и распространяется и на преждевременные роды. Иначе говоря, незаконный аборт это не только искусственное прерывание беременности в течение первых 28 недель, но и после этого срока, когда плод уже способен к внеутробной жизни.

В случаях преждевременных родов, вызванных искусственно, возникает вопрос о разграничении криминального аборта и умышленного убийства.

Решение поставленного вопроса связано с проблемой определения момента начала жизни человека. Ф. Энгельс писал: «В обыденной жизни, например, мы знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли то или иное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложное дело, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы найти рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством».⁸⁰

Юристы Англии началом жизни считают момент полного отделения ребенка от утробы матери. Кенни пишет: «Если хотя бы одна нога рождающегося еще остается в утробе матери, то не может быть убийства. Ре-

бенок считается начавшим жизнь, когда все его тело отделилось от матери, но не обязательно, чтобы пуповина была перерезана». ⁸¹ Соответственно этому лишение жизни ребенка до его полного отделения от утробы матери рассматривается как умерщвление плода, а не убийство. ⁸² Такая граница, весьма суживающая область уголовно-правовой охраны жизни, одно время проводилась и в советской литературе. Так, например, М. М. Гродзинский видел начало жизни в моменте, когда ребенок «отделился от утробы матери». ⁸³ А. А. Пионтковский писал, что «момент отделения плода от утробы матери... является как бы «диалектическим скачком» в развитии плода, его качественным изменением, превращением его в человека». ⁸⁴

Другие криминалисты усматривают момент превращения эмбриона в человека в начале самостоятельного дыхания, даже если ребенок еще полностью не отделился от утробы матери. Так, Ф. Лист считал, что «самостоятельное существование начинается с прекращением плацентарного дыхания и с наступлением возможности дыхания через легкие». ⁸⁵

Однако и такой взгляд, несколько расширяющий по сравнению с предыдущим область уголовно-правовой охраны жизни, не обеспечивает надлежащей охраны жизни рождающегося человека. Следуя ему, необходимо было бы признать аборт, а не убийством нанесение удара по голове рождающемуся ребенку до того, как он сделал свой первый вдох. Поэтому, отказавшись от своего прежнего взгляда, А. А. Пионтковский позже писал, что «следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок не начал еще самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начал дышать)». ⁸⁶

Однако приведенная цитата, повторяющаяся и в других изданиях, ⁸⁷ не совсем точна. Слова «во время родов, когда рождающийся не начал еще самостоятельной внеутробной жизни» не оставляют сомнений в том, что начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с началом родовых схваток, хотя бы ни одна часть тела рождающегося еще не находилась вне утробы матери.

Приведенный же пример (нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку) дает основание считать, что момент начала жизни наступает не ранее момента, когда часть тела ребенка оказалась уже вне утробы матери, хотя самостоятельного дыхания еще не было.

Гранью между абортom и убийством является начало родовых схваток, и умерщвление ребенка в этот момент уже должно считаться убийством. Такой взгляд, соответствующий цели всемерной охраны жизни человека, сейчас разделяется почти всеми советскими криминалистами. Н. И. Загородников пишет: «...условным началом жизни человека следует признать начало физиологических родов. Этот момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и свидетельствуют объективные данные (начало родов). Хотя в такой момент ребенок может быть еще и невидим, однако состояние матери, выделение околоплодных веществ и другие признаки с несомненностью говорят о том, что человек уже начинает свою самостоятельную жизнь». ⁸⁸

Так решают вопрос и криминалисты стран народной демократии. У. Дресслер и М. Наундорф (ГДР) указывают, что «началом рождения является начало родовых схваток. Это значит, что перед началом этих схваток плод — еще зародыш и подлежит охране уголовным законом против абортов, а после начала родовых схваток или во время всего процесса родов вновь рождающийся уже человек и находится под защитой уголовных законов об убийстве». И. Ненов (Народная Республика Болгария) признает началом жизни «момент начала рождения, начала родовых схваток, хотя ребенок не начал еще самостоятельной внеутробной жизни». То же говорят криминалисты Чехословацкой Социалистической Республики. Умерщвление в момент, когда роды уже начались, они признают убийством, независимо от того, был ли ребенок жизнеспособен. ⁸⁹

При искусственных родах, вызываемых для того, чтобы не иметь ребенка, об убийстве можно говорить при наличии соответствующих объективных и субъективных обстоятельств.

Здесь возможны следующие варианты: плод умерщвляется в утробе матери до того, как началось рождение; ребенок умерщвляется в процессе родов; ребенок, родив-

шийся живым, погибает по причинам, не связанным с поведением лица, совершившего незаконный аборт.

В первом случае речь может идти только о незаконном аборте, хотя бы плод был жизнеспособным.

Умерщвление ребенка в процессе родов является убийством. Ряд уголовных кодексов выделяет такое убийство в самостоятельный состав преступления, говоря об умышленном убийстве матерью своего ребенка «во время или непосредственно после родов». ⁹⁰

Является спорным вопрос о квалификации такого убийства, совершенного после аборта. Одни считают, что здесь имеет место лишь состав умышленного убийства, ⁹¹ другие — совокупность умышленного убийства и криминального аборта. ⁹² Последняя точка зрения представляется более правильной. Незаконный аборт, с какой бы целью он ни совершался, остается преступлением, опасным для жизни и здоровья женщины. Квалифицировать такой аборт, соединенный с последующим убийством рождающегося или уже родившегося живым ребенка, лишь как убийство, значит не считать преступлением сам аборт, опасный для беременной.

Не говоря о случаях, когда мать путем активных действий сама умерщвляет рождающегося или уже родившегося ребенка, она несет ответственность за соучастие в умышленном убийстве, когда соглашается на умерщвление ребенка лицом, производящим аборт. Так, например, Я., будучи на последнем месяце беременности и не желая иметь ребенка, обратилась к акушерке Ф., которая у себя на дому вызвала искусственные преждевременные роды у Я. Когда родился живой ребенок, Ф. с согласия Я. утопила его в заранее приготовленном ведре с водой. Я. осуждена за соучастие в умышленном убийстве, Ф. — за криминальный аборт и умышленное убийство. ⁹³

*
* * *

Аборт даже при самых благоприятных объективных показателях опасен для здоровья женщины. Аборту часто сопутствуют осложнения, увеличивающие его опасность для женщин. Если аборт протекал без осложнений,

то в дальнейшем весьма вероятно: нарушение менструального цикла; понижение способности к зачатию вплоть до стойкого вторичного бесплодия; понижение способности к вынашиванию беременности, выражающейся в привычных выкидышах; раннее угасание функций яичников. ⁹⁴

Если аборт, совершенный надлежащим лицом и при надлежащих условиях, опасен для здоровья, то незаконный аборт опасен и для жизни.

Проф. М. Г. Сердюков указывал, что вредное влияние незаконного аборта на организм чрезвычайно велико главным образом из-за частых тяжелых осложнений, которые проявляются не всегда сразу. Самым тяжелым последствием преступного аборта является заражение крови — сепсис. Часто от незаконного аборта наступает внезапная смерть как следствие воздушной эмболии, шока или острых изменений крови. Смерть вскоре после аборта может наступить вследствие внесения особо агрессивной инфекции (гемолитический стрептококк, столбняк, бактерии газовой гангрены). В некоторых случаях сепсис протекает длительно и смерть наступает в результате поражения сердца, почек, брюшины. Смерть быстро наступает в случаях воспаления брюшины — перитонита и в результате сильного кровотечения. ⁹⁵

Судебная практика убедительно подтверждает опасность незаконного аборта для жизни женщины. Несколько примеров. К., применив спринцовку с мыльным раствором, произвела аборт У. Через 5 дней ввиду тяжелого болезненного состояния У. была доставлена в больницу, где умерла от общего заражения организма с полипно-язвенным поражением клапанов сердца и гнойными очагами в легких, явившимися следствием произведенного ей незаконного аборта. К. совершила аборт П. Во время производства аборта вместе с мыльным раствором в полость попали пузырьки воздуха, которые через кровеносные сосуды в момент отслоения плодного места от стенок матки засосались в сосуды сердца, в результате чего от воздушной эмболии мгновенно наступила смерть. ⁹⁶

У нас нет сомнений в том, что объектом криминального аборта является не только здоровье женщины, как считают отдельные авторы, ⁹⁷ но и ее жизнь.

Из того, что по своей объективной направленности

преступный аборт посягает на здоровье и жизнь беременной женщины, вовсе не следует, что ущерб здоровью должен быть всегда видимым. «Если даже в данном конкретном случае изгнание плода не принесло видимого ущерба здоровью женщины, это ни в какой степени не изменяет того, что ее здоровье и даже жизнь были поставлены в опасность».⁹⁸

Разрешая аборт, наш законодатель в то же время всемерно охраняет право женщины на материнство. Поэтому при совершении плодизгнания без согласия беременной женщины (случаи, не встретившиеся в известной автору судебной практике) объектом преступления, наряду с ее жизнью и здоровьем, является также жизнь эмбриона.

Плод признают объектом преступления в тех странах, где аборт запрещен. При этом характерно, что криминалисты тех зарубежных социалистических стран, где аборт не легализован, главным в уголовно-правовой борьбе с абортами считают охрану жизни и здоровья женщины,⁹⁹ криминалисты же буржуазных стран не считают эти блага достойными уголовно-правовой охраны. Так, например, Р. Маурах (ФРГ), указывая, что объектом аборта является человеческий плод «с момента зачатия до начала отделения его от тела матери», говорит, что признание объектом аборта здоровья женщины... не находит оснований в законе.¹⁰⁰

М. Д. Шаргородский, признавая объектом незаконного аборта здоровье и жизнь беременной женщины, в то же время считает, что им является также «здоровье настоящего и будущего поколения».¹⁰¹ Оставляя след в здоровье женщины, аборт может сказаться на здоровье ее потомства. Однако о такой опасности можно говорить лишь в тех случаях, когда после данного аборта новая беременность не будет нежелательной. Столь широкое определение объекта незаконного аборта устраняет основное наказание противоправного плодизгнания, совершенного женщине, которая более не намерена рожать. Наконец, на здоровье настоящего и будущего поколения может сказаться и причинение вреда здоровью любого человека — отца или матери, настоящим или будущим. Однако в силу этого телесные повреждения не признаются преступлениями, опасными для здоровья будущего поколения.

* * *

С объективной стороны незаконный аборт выражается в поставлении в опасность здоровья и жизни женщины посредством незаконного прерывания беременности.

Среди современных законов лишь некоторые указывают на средства (способы) прерывания беременности. К их числу относится Французский уголовный кодекс, который в ст. 317 говорит об аборте «посредством пищи, напитков, лекарств, манипуляций, насильственных действий или с помощью любого иного средства». Такое перечисление не имеет никакого смысла, так как под него подойдет любое средство. Дать же исчерпывающий перечень трудно и во всяком случае неудобно с технической точки зрения: правовая норма превратится в учебное пособие и утратит свою специфику. С другой стороны, исчерпывающий перечень средств совершения аборта затруднит борьбу с абортами, учиненными новыми средствами, которые в свое время законодатель не смог предусмотреть. Главное, однако, состоит в том, что незаконным прерыванием беременности создается конкретная опасность для жизни и здоровья женщины, а не в том, каким образом эта беременность прервана.

Это не значит, что способ совершения незаконного аборта не имеет никакого значения. Признавая излишним перечисление способов плодизгнания в законе, их следует выяснить на практике, ибо это имеет медицинское, процессуально-криминалистическое и уголовно-правовое значение.

Медицинское значение выяснения способа совершения аборта состоит в том, что он указывает, какие меры помощи необходимы для спасения жизни или предотвращения серьезного вреда здоровью потерпевшей.

Без выяснения способа совершения аборта не может быть речи о полноте расследования. По способу плодизгнания можно судить о виновном, если он еще не известен, что даст направление следствию. Наконец, способ совершения незаконного аборта характеризует степень опасности этого аборта для здоровья и жизни женщины, а следовательно, и степень опасности виновного лица и тем самым служит мерилем при определении конкретной меры наказания. В этом состоит уголовно-правовое зна-

чение установления способа совершения преступного аборта.

Современная медицина допускает один способ плодизгнания: удаление плодного яйца хирургическим путем с последующей чисткой тем же путем околоплодного места. Для совершения такой операции необходимы два условия: знания (умение) и соответствующие приспособления. Ни тем, ни другим, как правило, не обладают лица, производящие незаконные аборт, за исключением тех случаев, когда такие операции производятся врачами в больницах, но при наличии противопоказаний.

Судебная практика свидетельствует, что незаконные аборт, как правило, совершаются посредством введения в полость матки различных растворов или предметов с целью прервать беременность. Г., например, осуждена за то, что произвела аборт Д. путем введения в полость матки жидкой смеси иода и фикусного сока. После произведенного аборта у потерпевшей развилось тяжелое болезненное состояние, и через 8 дней она умерла от сепсиса. А. совершила аборт Е. путем введения в полость матки раствора золы, мыла и иода. Будучи доставленной в больницу, потерпевшая умерла от сепсиса. Ш. произвела аборт Ф. введением раствора иода, марганцовокислого калия и соды. Когда на следующие сутки потерпевшая почувствовала себя плохо, Ш. порекомендовала ей принимать пенициллин и по 100 г самогона. Это «лечение» не помогло, и больная была доставлена в больницу.¹⁰² Г. производила аборт при помощи изготовленной из кости палочки длиной в 9 см. М. совершала их при помощи деревянного веретена, а Т.— путем вставления в шейку матки стебля листа фикуса.¹⁰³ Выбор указанных средств объясняется их доступностью и, конечно, невежеством виновных.

Средством изгнания плода может быть и причинение ударов, побоев или телесных повреждений, совершаемых с целью вызвать у беременной выкидыш.

Во всех случаях имеет место активное вмешательство виновных в течение беременности с целью ее прерывания. Достиг ли виновный этой цели для признания аборта оконченным, значения не имеет. Аборт признается оконченным преступлением, объектом которого является здоровье и жизнь женщины, когда совершены действия, причинившие вред здоровью беременной или создавшие

опасность для ее жизни и здоровья. Так решает вопрос и судебная практика. В. в антисанитарных условиях с целью прерывания беременности Ш. и Х. ввела им раствор марганцовокислого калия. В тяжелом состоянии потерпевшие были доставлены в больницу. Своевременная и квалифицированная медицинская помощь предотвратила тяжелые последствия, и, кроме того, была сохранена беременность. Хотя В. не достигла цели и изгнания плода не последовало, она была осуждена за оконченное преступление — производство аборта.¹⁰⁴

Незаконный аборт имеет место, независимо от того, на каком месяце беременности были совершены действия, направленные на изгнание плода. Однако в зависимости от этого находится степень опасности аборта для жизни и здоровья женщины: чем позднее прервана беременность, тем большая опасность создавалась для потерпевшей.

Совершение в большинстве случаев незаконных аборт при беременности свыше 3 месяцев объясняется тем, что при беременности меньшего срока аборт чаще заканчиваются без тяжелых последствий, потерпевшие не попадают в больницу и органам следствия о таких преступлениях не известно. Запоздалые же аборт почти всегда вызывают необходимость квалифицированного медицинского вмешательства и потому оказываются зарегистрированными. Кроме того, беременность свыше 3 месяцев является противопоказанием к ее прерыванию в условиях больницы, и женщины, решившиеся во что бы то ни стало избавиться от беременности, обращаются к услугам подпольных абортисток, что также увеличивает количество ставших известными поздних незаконных аборт.

Незаконным является аборт, произведенный вне стационарных лечебных учреждений. Почти во всех случаях местом совершения этого преступления является квартира виновной, редко — квартира потерпевшей, постороннего лица, служебный кабинет медпункта.

Незаконным является также аборт, совершенный в стационарном лечебном учреждении, но при наличии противопоказаний. Инструкция Министерства здравоохранения СССР называет следующие противопоказания: острая и подострая гонорея; острые и подострые воспалительные процессы половых органов; наличие гнойных

очагов, независимо от места их локализации; срок менее 6 месяцев после предыдущей операции аборта; наличие острых инфекционных заболеваний; наличие срока беременности свыше 12 недель. В последнем случае прерывание беременности допускается, если продолжение ее и роды могут угрожать здоровью женщины.

Аборт, совершаемый в стационарном лечебном учреждении, но при наличии названных противопоказаний, предлагают квалифицировать как должностное преступление — злоупотребление служебным положением.¹⁰⁵

Такое мнение основано на представлении, что все врачи являются должностными лицами, но это не соответствует действительности (см. гл. 4, § 3). Но дело не только в этом. Оспариваемая квалификация неверна, если даже допустить, что все врачи — должностные лица. Закон об уголовной ответственности за производство аборта распространяется на все незаконные аборты. Поскольку аборт, совершенный хотя и в стационарном лечебном учреждении, но при наличии противопоказаний, является незаконным, постольку и он подпадает под действие этого закона. Статья 114 (116) говорит об ответственности за «незаконное производство аборта». Аборт, совершенный при наличии противопоказаний, когда плодизгнание законом запрещено, также является незаконным и поэтому охватывается указанной статьей.¹⁰⁶

Следует различать нежелание женщины прервать свою беременность и ее несогласие на аборт. Если женщина понуждается к аборту (например, со стороны мужа), но дает согласие на операцию, то в действиях лица, производящего аборт, если он совершается надлежащим лицом, в надлежащем месте и при отсутствии противопоказаний, нет состава преступления. С мнением, что и в таком случае имеется состав незаконного аборта,¹⁰⁷ согласиться нельзя. В условиях легализации абортов, если женщина обратилась в надлежащее лечебное учреждение для прерывания беременности, ей в этом не может быть отказано, хотя и известно, что к аборту ее понуждают. Здесь можно говорить об обязанностях врача содействовать устранению конфликтной ситуации, но если он, располагая согласием женщины, прервал ее беременность, его нельзя привлечь к уголовной ответственности.

Прерывание беременности без согласия потерпевшей образует преступление, предусмотренное ст. 106 (108)

или 112 (114), т. е. умышленное либо неосторожное тяжкое телесное повреждение. Если же телесные повреждения нанесены женщине с ее согласия и для того, чтобы вызвать выкидыш, то имеется состав незаконного производства аборта.

Субъективная сторона незаконного аборта характеризуется прямым умыслом на прерывание беременности и неосторожностью к ненаступившим (или наступившим) последствиям — смерти или телесным повреждениям.

Аборт относится к числу тех немногих преступлений против личности, которые могут быть совершены только с прямым умыслом (по отношению к прерыванию беременности).

В литературе рассматривается вопрос о неосторожном прерывании беременности неправильными действиями врача во время оказания помощи потерпевшей и высказано мнение о возможности уголовной ответственности лишь «при условии, если исполнение своих обязанностей врачом — должностным лицом будет подпадать под признаки халатности».¹⁰⁸

Поскольку при исполнении своих профессиональных обязанностей врач не является должностным лицом (см. гл. 4, § 3), постольку в рассматриваемом случае не будет состава преступления, с чем согласиться нельзя. В действиях врача, допустившего неосторожное прерывание беременности, имеется состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 112 (ч. 1 ст. 114).

*
* * *

Уголовный кодекс различает простой аборт, т. е. незаконное производство аборта врачом, и аборт при отягчающих (квалифицирующих) обстоятельствах. К последним отнесены: производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования; незаконный аборт, повлекший смерть потерпевшей; незаконный аборт, повлекший иные тяжкие последствия; незаконный аборт, совершенный неоднократно.

Первые три квалифицирующих обстоятельства известны всем уголовным кодексам союзных республик. При этом: а) уголовные кодексы АзССР (ст. 115),

УССР (ст. 109), КазССР (ст. 108), КиргССР (ст. 118) и УзССР (ст. 102) говорят о лицах, не имеющих «специального медицинского образования»; б) уголовные кодексы УССР, МССР (ст. 108), ЛитССР (ст. 124) и АзССР говорят не об «иных тяжких последствиях», а о «длительном расстройстве здоровья», а УК УзССР — о тяжких телесных повреждениях. Как будет показано ниже, эти различия в большинстве своем не выходят за рамки редакционных.

Понятие неоднократного аборта не известно уголовным кодексам УССР и КазССР. Другие уголовные кодексы выделяют сходные понятия: совершение аборта повторно (уголовные кодексы ТаджССР — ст. 119, УзССР, ЛатвССР — ст. 113, ЛитССР, ЭССР — ст. 120) или в виде промысла (УК ГССР — ст. 123).

Незаконный аборт, совершенный врачом — ч. 1 ст. 114 (ч. 1 ст. 116) УК. Уголовные кодексы, различающие производство аборта врачом и производство аборта лицом, не имеющим специального медицинского образования, не оставляют сомнений в том, что врачом считается лицо, имеющее специальное высшее медицинское образование. По кодексам этой группы простым является аборт, совершенный врачом, не имеющим специальной подготовки, вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний. Другая группа уголовных кодексов, в том числе УК БССР и УК РСФСР, различающая «незаконное производство аборта врачом» и «производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования», дает повод считать в смысле ст. 114 (116) врачом любое лицо, имеющее высшее медицинское образование. Однако такое толкование было бы ошибочным. Как уже отмечалось, указание на «незаконное производство аборта...» отсылает нас к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещений аборта», в соответствии с которым допускается производство аборта лишь в стационарных лечебных учреждениях лицом, имеющим специальное медицинское образование. Следовательно, «незаконное производство аборта врачом» (простой состав) есть производство аборта лицом, имеющим специальное высшее медицинское образование, но вне стационарных лечебных учреждений или в этих учреждениях, но при наличии противопоказаний.

Как видно, различия в формулировках простого состава незаконного аборта являются редакционными и можно говорить лишь о более удачном определении этого состава в уголовных кодексах первой группы.

Аборт, совершенный лицом, не имеющим высшего медицинского образования — ч. 2 ст. 114 (ч. 2 ст. 116) УК. Если врачом в смысле ч. 1 ст. 114 является лицо, имеющее специальное высшее медицинское образование, то «лицом, не имеющим высшего медицинского образования», является любое лицо, в том числе врач, не имеющий специального высшего медицинского образования.

Специальным медицинским образованием судебная практика признает «такое образование, которое дает право его обладателю на производство соответствующих оперативных вмешательств, связанных с абортom».¹⁰⁹ Лицами, имеющими право в соответствии с наличием у них такого образования, производить аборты, являются врачи-акушеры, гинекологи и хирурги (последние в случае, если обладают специальными познаниями в области оперативного акушерства). Другие врачи, хотя и имеющие высшее медицинское образование, а равно медицинские работники, имеющие среднее образование в области акушерства и гинекологии (фельдшер-акушер, акушерка), права на производство аборта не имеют и применительно к анализируемому составу считаются лицами, не имеющими специального медицинского образования.

Выделение такого квалифицирующего обстоятельства вызвано тем, что хирургические операции, связанные с плодизгнанием, опасные сами по себе, становятся еще более опасными, если совершаются лицом, не имеющим специальных познаний.

Врач-специалист, понимающий опасность искусственного прерывания беременности, редко идет на совершение этой операции при наличии противопоказаний или ненадлежащей обстановки. Если же он вопреки своему профессиональному долгу становится на преступный путь, то все же принимает все меры предосторожности для благоприятного исхода операции. Лица же, не имеющие специального медицинского образования, не понимают опасности антисанитарных условий или противопоказаний к плодизгнанию, легкомысленно относятся к этой операции. Этим определяется их повышенная

общественная опасность, усиливающаяся тем, что аборт они производят в то время, когда эта операция может быть совершена с соблюдением соответствующих правил в условиях стационарного лечебного учреждения.

Аборт, повлекший смерть потерпевшей или иные тяжкие последствия — ч. 3 ст. 114 (ч. 3 ст. 116) УК. Что можно отнести к иным тяжким последствиям, кроме тяжких телесных повреждений? Разве только бесплодие? Но оно также является тяжким телесным повреждением — утратой органом его функций. К тому же, причинен ли абортom такой вред, можно узнать лишь спустя значительное время и при определенных обстоятельствах.

Причинение незаконным абортom менее тяжких телесных повреждений вряд ли можно отнести к «иным тяжким последствиям». ¹¹⁰ Менее тяжкими телесными повреждениями являются повреждения, не опасные для жизни, но вызвавшие длительное расстройство здоровья, т. е. нарушение функций какого-либо органа длительною свыше четырех недель. ¹¹¹ Такое расстройство здоровья обычно сопутствует незаконному абортu. Если такой аборт опасен не только для здоровья, но и для жизни, то естественно, что он включает в себя, по крайней мере, не опасные для жизни повреждения.

Термин «иные тяжкие последствия» дает повод и для толкования более широкого. Хотя, по нашему мнению, оно будет ошибочным, у законодателя не было оснований прибегать к столь неопределенному термину в то время, когда можно было использовать понятную терминологию статей об ответственности за телесные повреждения.

Смерть или тяжкие телесные повреждения должны быть результатом незаконного аборта. Поскольку ст. 114 (116) говорит о незаконном производстве аборта, повлекшем названные последствия, эта статья не может применяться, когда аборт произведен в стационарном лечебном учреждении при отсутствии противопоказаний и надлежащим лицом, хотя при этом и наступили смерть или тяжкие телесные повреждения.

При незаконном абортe, повлекшем смерть или тяжкие телесные повреждения, отношение виновного к этим последствиям может быть только неосторожным.

Производство аборта при наличии умысла на причинение смерти или тяжких телесных повреждений пере-

растает в более тяжкое преступление и должно рассматриваться как умышленное убийство или умышленное тяжкое телесное повреждение.

Неоднократным (см. § 6 гл. 3) является аборт, произведенный лицом, ранее совершившим два таких же преступления, не погашенных давностью, или имеющим две судимости за такие же преступления. Аборт не будет неоднократным, если одному лицу одну и ту же беременность виновный пытался прервать тремя попытками. Так, например, нет неоднократного аборта в действиях А., признанной виновной в том, что она в течение четырех дней вводила потерпевшей растворы мыла с марганцовокислым калием с целью прервать беременность. ¹¹² Аборт будет неоднократным, если виновное лицо трижды прерывало три беременности одной и той же женщине.

*

* *

Наказуемость соучастия в незаконном абортe не вызывает сомнений: кто содействует лицу, совершающему незаконный аборт, или склоняет его к совершению этого преступления, тот несет ответственность как соучастник. Когда аборты легализованы, не вызывает затруднений и оценка содействия беременной женщине в совершении ею самоаборта или подстрекательство ее к абортu: если последний не образует состава преступления, то нет и уголовного наказуемого соучастия в самоаборте.

Другое дело — понуждение к абортu или самоаборту, являющееся во всех случаях посягательством на право женщины на материнство, независимо от того, запрещены или легализованы аборты.

Обосновывая необходимость установления уголовной ответственности за понуждение к абортu, П. И. Люблинский в начале 1936 г. писал: «Уголовный закон должен стать на сторону интересов матери и ее будущего ребенка... тогда, когда сама мать желает благополучно завершить свою беременность и сам отец ребенка становится на путь применения таких средств, которые должны принудить ее к абортu: путь оставления женщины в тяжелом материальном положении без оказания ей не-

обходимой поддержки, путь угроз, издевательств, доведения ее до беспомощного состояния и крайней нужды».¹¹³

Законом 27 июня 1936 г. за понуждение женщин к производству аборта было предусмотрено тюремное заключение на срок до двух лет. Соответствующий состав преступления внесен был в Уголовный кодекс БССР 1928 г. (ст. 217¹).¹¹⁴

Действующие уголовные кодексы по-разному оценили понуждение женщины к производству аборта. Уголовные кодексы УССР (ст. 110), ЛатвССР (ст. 114), АзССР (ст. 116), АрмССР (ст. 121), КазССР (ст. 109), КиргССР (ст. 119) и ТаджССР (ст. 120) понуждение к аборту признают преступлением, если аборт был совершен. Уголовный кодекс МССР предусматривает ответственность за «понуждение женщины к совершению аборта, если это повлекло тяжкие последствия» (ст. 109). По Уголовному кодексу ГССР понуждение к аборту рассматривается по ст. 135, определяющей ответственность за «принуждение другого лица посредством насилия или наказуемой угрозы к совершению или несвершению каких-либо действий». По уголовным кодексам других союзных республик, в том числе УК БССР и УК РСФСР, понуждение к аборту не образует состава преступления.

Позиция последних кодексов вызывает возражения. Она не согласована с общесоюзным законодательством. Отменяя уголовную ответственность беременных женщин за производство аборта, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г.¹¹⁵ сохранил уголовную ответственность «лиц, понуждающих женщин к производству аборт», а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт» отменил лишь статью 1 Закона от 27 июня 1936 г., запрещавшую производство аборт, но не отменял статью 3, которая предусматривает ответственность за понуждение к аборту. И это не случайно. Указ 23 ноября 1955 г. отменил запрещение аборт «в целях предоставления женщине возможности самой решать вопрос о материнстве, а также предупреждения вреда, наносимого здоровью женщин внебольничными абортами». Понуждение к аборту лишает женщину возможности самой решать вопрос о материнстве, хотя бы аборт был произведен в больничных условиях. Уголовные кодексы,

не включившие состава понуждения к аборту, отступили от общесоюзного закона.

Аргументы проф. П. И. Люблинского остаются в силе. Понуждение к аборту достаточно общественно опасно, чтобы бороться с ним мерами уголовно-правового характера.

В настоящее время в республиках, уголовные кодексы которых не предусматривают понуждения к аборту, оно является антиобщественным поступком и подлежит рассмотрению в товарищеском суде. В БССР такие действия следует рассматривать по п. 9 ст. 5 Положения о товарищеских судах Белорусской ССР от 10 октября 1961 г.

Наконец, возникает вопрос о правовой оценке опосредованного соучастия, т. е. содействия беременной женщине, соединенного с содействием лицу, совершающему незаконный аборт.

Если при этом имеет место непосредственная помощь, оказанная лицу, совершающему аборт, то наличие соучастия не может вызывать сомнений. Так, Г. осуждена за производство аборта Б. По этому же делу осуждена В., которая, будучи знакома с Б., по просьбе последней указала, что аборт может совершить Г., познакомилась с ней и помогла Г. при производстве операции.¹¹⁶

При соучастии в аборте квалификация действий исполнителя и соучастника может не совпадать. Т., например, уговаривает врача С. прервать беременность Р.— жены Т. Во время операции Р. умирает. Последствия аборта не могут вменяться в вину Т. Он знал, что имел дело с врачом и подложит ответственности по ст. 17 и ч. 1 ст. 114 (ст. 17 и ч. 1 ст. 116), а С.— по ч. 3 этой статьи.¹¹⁷ Иная квалификация действий Т. была бы объективным вменением. Другое дело, если на стороне исполнителя имеются квалифицирующие обстоятельства (отсутствие высшего медицинского образования либо неоднократность), которые известны соучастнику. В таком случае его действия, кроме ст. 17 (17), квалифицируются по той же части ст. 114 (116), что и действия исполнителя.

Сложными являются случаи, когда посредственное соучастие не соединено с оказанием непосредственной помощи абортисту: совет, кто может произвести аборт, дача адреса этого лица, предоставление помещения для

совершения операции и т. п. Во всех случаях такое содействие беременной женщине в производстве ей незаконного аборта становится содействием лицу, производящему аборт. Здесь и возникает вопрос о разграничении деятельности преступной и не преступной.

Некоторые криминалисты такое разграничение не проводят, считая, что лицо, содействующее беременной женщине, всегда желает оказать содействие абортисту, ибо иначе оно не может оказать помощь беременной женщине в прерывании беременности.¹¹⁸ Нельзя не согласиться с тем, что с объективной стороны такое содействие тождественно действиям пособника. Подруга, которая привела беременную женщину к абортисту, делает то же самое, что и лицо, завербовавшее «клиентку» по поручению абортиста. В обоих случаях эти криминалисты усматривают и субъективную сторону соучастия, с чем уже согласиться нельзя.

Их аргументация сводится к следующему. Субъективная сторона соучастия выражается в умысле, содержанием которого являются знание соучастником, в частности пособником, преступления, совершаемого исполнителем, понимание, что оказывается содействие преступлению, и желание оказать содействие. Все это имеет место в деятельности лица, способствовавшего производству незаконного аборта беременной женщине и стремившегося при этом помочь самой женщине, а не абортисту.

Автор этой точки зрения ограничивает понятие умысла. Для наличия последнего необходимо понимание лицом общественно опасного характера своих действий. Соответственно этому, чтобы признать лицо виновным в пособничестве, недостаточно установить знание им преступления, совершаемого исполнителем, и понимание общественно опасного характера его действий. Необходимо установить, что пособник сознавал общественно опасный характер своих действий. Такое понимание обычно отсутствует у лица, действующего исключительно в интересах беременной женщины. Оно сознает, что помогает беременной женщине, которая, избавляясь от бремени, не совершает преступления, и поэтому не сознает, что оказывает содействие преступлению.

Другое дело, если лицо состоит в преступной связи с абортистом, вербуя для него пациенток. В таком слу-

чае имеются необходимые объективные и субъективные признаки соучастия. Поэтому при оценке содействия беременной женщине в производстве ей незаконного аборта необходимо выяснить, в интересах кого лицо действует и, следовательно, имеется ли субъективная сторона соучастия.

Глава 4. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ (ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ)

§ 1. Неоказание помощи погибающему посторонним лицом

Состав преступления сформулирован в ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) как «неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи, если она заведомо могла быть оказана виновным без серьезной опасности для себя или других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи».

Объектом этого преступления является жизнь человека. Помощь не оказывается лицу, находящемуся «в опасном для жизни состоянии» вследствие своей беспомощности.

Наиболее распространенными являются физиологические причины беспомощности: малолетство, дряхлость, болезнь. Однако в некоторых случаях в посторонней помощи нуждается и здоровый человек. Например, лицо не может само выбраться из горящего здания. Беспомощным является также и тот, кто находится в таком состоянии, что не чувствует надвигающейся на него опасности: спящий или глухонемой, находящийся на рельсах, по которым движется поезд; пьяный на сильном морозе и т. п.

Беспомощным является также лицо, подвергшееся общественно опасному нападению, которому не может противостоять. УКК Верховного суда РСФСР нашла состав оставления в опасности в поведении Ш. и других, видевших, как Л. гнался за К., ударил его два раза по голове, отчего К. умер, и не воспрепятствовавших совершению этого преступления.¹ Хотя в жизни подобные случаи встречаются нередко, привлечение таких лиц к уголовной ответственности почти не встречается. Между

тем такое равнодушие, когда можно было без серьезной опасности для себя или других лиц пресечь нарушение и спасти жизнь человеку, образует состав рассматриваемого преступления.

Для состава неоказания помощи важна не причина беспомощности, а то, что лицо, жизни которого угрожает опасность, не может принять меры к самосохранению.

Неоказание помощи выражается в неоказании лицу, жизни которого угрожает опасность, помощи физической путем предоставления транспорта, вызова врача и т. д. В отдельных случаях преступление может выражаться в неоказании материальной помощи. Так, например, 21 сентября 1953 г. в 150 км от поселка партия изыскателей, пробиваясь сквозь тайгу, неожиданно подошла к широкой и бурной реке Верхний Турухан. Двое изыскателей, Максимов и Круглов, удачно перешли реку, а у третьего — Поликарпова — бурное течение выбило из рук одежду и унесло. Максимов и Круглов, не поделившись с пострадавшим товарищем одеждой, хотя могли это сделать без какой-либо опасности для себя, оставили его без одежды и пищи в покрытой снегом тайге.²

Часть 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) к неоказанию помощи приравнивает несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи. Это объясняется тем, что законодатель предъявляет к посторонним людям меньшие требования, чем к лицам, специально обязанным заботиться о погибающем.

Однако само по себе сообщение об опасности, угрожающей другому лицу, не является равнозначным оказанию помощи. Если оставленный нуждается в немедленной помощи, неоказание которой может привести к его гибели, то одно лишь сообщение надлежащим лицам о его состоянии не исключает ответственности. Такое лицо не привлекается к ответственности лишь в случае, если оно настолько своевременно смогло предупредить других лиц, что последние оказали или имели возможность оказать погибающему необходимую помощь.

Сообщение, о котором говорится в ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), должно быть сделано учреждениям или лицам, специально обязанным заботиться об оставленном. Кто именно должен быть поставлен в таких случаях в извест-

ность, зависит от того, в каком состоянии находится погибающий и, следовательно, в какой помощи он нуждается. В одном случае необходимо вызвать врача, в другом — пожарную команду, в третьем — родителей и т. д. Из формулировки ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) следует, что сам факт своевременного сообщения упомянутым лицам об опасности свидетельствует об исполнении правовой обязанности таким лицом.

Неоказания помощи не будет, если кто-либо для спасения другого человека не пожелал дать, хотя бы и без ущерба для своего здоровья, кровь для переливания или кожу для пересадки.

Человек в физиологическом смысле — это его живое тело, и, пока оно живое, никто не может оторвать от него какие бы то ни было части: ни ткани (в том числе жидкую ткань — кровь), ни органы. В этом состоит элементарная гарантия обществом человеку его сущности — телесной целостности. Стоит от нее отказаться — и прочные нити, объединяющие людей в общество, будут разорваны и общежитие станет едва ли возможным. Насильственное отторжение от человека его телесной части — крайнее выражение бесчеловечности, независимо от того, почему и кто это делает. Поэтому дача крови, ткани хотя бы и без ущерба для себя не может быть вынуждаема, но должна быть поощряема. В условиях советской действительности, когда для спасения жизни человека нужна кровь или кожа, стоит об этом только объявить — и появляется масса добровольцев.

Ответственность за неоказание помощи наступает при наличии у обвиняемого возможности оказания помощи. Такая возможность имеется всегда, когда отсутствуют непреодолимые силы, препятствующие действиям, или когда субъект не находился в состоянии крайней необходимости.

Разрешая вопрос о возможности оказания помощи, необходимо установить, что обвиняемый, не оказавший помощи, мог бы сделать, чтобы оказать ее. Матросы Х. и Л., на глазах которых случайно оказавшийся на грузотеплоходе человек упал за борт, не приняли мер к его спасению. Они подлежат ответственности, ибо хорошо плавали и могли оказать помощь.³ В той же обстановке лица, не умеющие плавать, могли бы бросить спасательный круг, веревку. Если какое-то лицо лишено возмож-

ности лично оказать помощь, оно обязано призвать к этому других лиц.

Отсутствие у определенного лица возможности оказать помощь или призвать к этому других лиц является такой причиной бездействия, которая исключает ответственность. Однако это не означает, что один факт наличия возможности действовать делает неоказание помощи уголовно наказуемым деянием. Если для спасения погибающего субъект должен был пожертвовать собой, но он не сделал этого, он за свое бездействие не может быть привлечен к уголовной ответственности. Законодатель не обязывает под угрозой наказания к самопожертвованию.

От самопожертвования отличается риск. Возникает вопрос, можно ли признать во всех случаях уважительной причиной бездействия нежелание рисковать в какой-либо мере своими интересами. Буржуазная уголовно-правовая доктрина отвечает на этот вопрос положительно. Н. С. Таганцев отмечал, что для ответственности за неоказание помощи погибающему необходимо, чтобы помощь могла быть оказана без всякой опасности для себя, «...причем, разумеется, вопрос об опасности может быть обсуждаем с точки зрения обвиняемого лица».⁴ И. Я. Фойницкий писал: «Нельзя требовать от человека обязательной помощи ближнему, если от того грозит какая-либо опасность его собственным благам».⁵

Подобные взгляды, выражающие буржуазный индивидуализм и эгоизм, чужды коммунистической морали. В советской литературе общепринято, и об этом указано во всех учебниках уголовного права, что известный риск и опасность, связанные с оказанием помощи, не исключают обязанности ее оказывать.

Вопрос о том, в какой мере лицо должно рисковать своими интересами для спасения погибающего, зависит как от характера лежащей на нем обязанности действовать, так и от его причастности к создавшейся опасности. Наибольшие требования могут предъявляться к лицам, которые в силу своей профессии должны спасти человеческие жизни, а равно к лицам, которые создали опасную для другого человека обстановку (ч. 2 ст. 125 УК).

Последствия неоказания помощи выходят за рамки рассматриваемого состава. Ответственность наступает уже за сам факт неисполнения обязанности по оказанию

помощи, независимо от дальнейших последствий.⁶ Также не имеет значения, могла ли помощь, если она была бы оказана, предотвратить последствия.

То положение, что последствия рассматриваемого состава выходят за его рамки, вовсе не означает, что факт их наступления или ненаступления не имеет никакого значения. При назначении наказания нельзя не учитывать, остался ли жив потерпевший.

Неоказание помощи образует состав преступления, если имело место заведомое оставление без помощи. Указание на заведомое оставление без помощи означает сознание обвиняемым того, что оставленный находится в опасности, непосредственно угрожающей его жизни. Отсутствие такого сознания исключает ответственность.

Х., затопив соломой русскую печь, ушла за водой. Во время ее отсутствия произошел пожар, в результате чего погибли двое детей Х., оставленные в помещении. Верховный Суд СССР признал неправильным осуждение Х. за оставление детей в опасности. «В тот момент, — говорилось в определении коллегии, — когда Х. уходила из своего дома, никакого состояния, опасного для жизни ее детей, не было, так как пожар возник после ее ухода. Поэтому не могло быть и заведомого оставления ею без помощи своих детей в таком состоянии».⁷

«Заведомость» является необходимым признаком рассматриваемого состава и в тех кодексах, где непосредственное указание на «заведомость» отсутствует.⁸ Это вытекает из того, что для ответственности за неоказание помощи необходимо, чтобы оставшийся без помощи имел возможность оказать ее. Чтобы иметь такую возможность, нужно, по крайней мере, знать, что потерпевший нуждается в помощи, то есть сознавать, в каком состоянии он находится. Игнорирование этого обстоятельства может привести к неправильному применению рассматриваемой нормы.

В этом отношении заслуживает внимания дело К. и С. Они и другие лица, находясь в доме А., в 11 часов вечера послали К. за водкой. По дороге К. встретил своего знакомого Д., который добавил ему денег, при этом К. видел, что у Д. было 1100 руб. (в старых деньгах). Купив водку, К. и Д. направились в дом А., где вместе с другими распили ее. После этого Б. и Г. вывели на улицу Д., который был сильно пьян, и посадили его на лавочку.

Когда Б. и Г. хотели вызвать скорую помощь, чтобы привести Д. в чувство, К. успокоил их, сказав, что он отведет Д. к себе домой. Когда Б. и Г. ушли, К. и С. отвели пьяного Д. к котловану, сняли с него пиджак, забрали деньги, а его, завернув в пальто, оставили лежать на снегу, причем температура воздуха была два градуса мороза. Очнувшись, вероятно, от холода, Д. спустился на дно котлована, запутался в проволоке, упал в воду и на незначительной глубине утонул.

К. и С. были осуждены⁹ не только за похищение чужого личного имущества, но и за умышленное убийство. Вышестоящим судом¹⁰ приговор был изменен. Исходя из того, что осужденные «не желали смерти Д., но не оказали ему помощи в протрезвлении, то есть действовали в этом отношении легкомысленно и неосторожно», судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР переквалифицировала действия виновных на статью об ответственности за неоказание помощи.

Для наличия рассматриваемого состава преступления было необходимо установить, что обвиняемые, оставляя Д. на улице, сознавали, что его жизни угрожает опасность. Однако в указанном случае в момент оставления потерпевшего после его ограбления никакая опасность его жизни не угрожала. Незначительный мороз не был этой опасностью, и обвиняемые не предвидели, что Д. может замерзнуть. То обстоятельство, что потерпевший, проснувшись, пошел не по тропинке, имевшейся там, а на дно котлована, не могло быть учтено обвиняемыми. Тем более они не могли предвидеть, что Д. запутается в проволоке, упадет в воду и на незначительной глубине утонет. В определении коллегии правильно указывается, что «в деле нет никаких данных о том, что К. и С. сознательно допускали, что Д. встанет и пойдет не по тропинке на выход из котлована, а внутрь котлована, попадет в воду, зацепится обязательно за проволоку и утонет». Следовательно, в данном случае отсутствовало сознание опасности, угрожающей жизни оставленного, и в действиях К. и С. нет состава преступления неоказания помощи.

Не имеют значения мотивы неоказания помощи: нежелание утруждать себя, неприязненное отношение к потерпевшему и т. д.

Субъектом данного преступления является лицо, специально не обязанное заботиться об оставленном. Если

ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127), определяющая ответственность за неисполнение специальной обязанности заботиться об оставленном, исходит из того, что такая обязанность установлена определенными актами, то ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) непосредственно сама определяет эту обязанность. Указанная обязанность является правовой, поскольку уголовный закон предписывает всем под угрозой наказания оказывать помощь лицу, жизни которого угрожает опасность.

Очевидцами угрожающей другому лицу опасности могут быть одновременно многие лица. Отсюда возникает вопрос о круге лиц, ответственных за неоказание помощи погибающему.

Характерным для буржуазной уголовно-правовой доктрины является искусственное ограничение этого круга. Н. С. Таганцев указывал, что ответственность за неоказание помощи со стороны лиц, специально не обязанных ее оказывать, не наступает, если не оказавший помощь «был только одним из зрителей».¹¹

Немецкий юрист Лист также исключал ответственность в том случае, если не оказавший помощь «имел основание с уверенностью ожидать, что покинутый будет подобран другими лицами».¹² Американский юрист Роберт Хейл пишет: «Если человек упал в реку, не может быть юридической обязанности каждого помочь ему».¹³ Из приведенных высказываний явствует, что при наличии группы лиц, оказавшихся очевидцами опасности, угрожающей другому лицу, гарантируется безнаказанность каждого, хотя бы он и мог оказать помощь, но бездействовал. Согласно этой точке зрения оказывалось, что одиночный зритель, не оказавший помощь погибающему, подлежит ответственности, в то время как бездействие нескольких лиц, имеющих возможность объединенными усилиями легче и быстрее спасти погибающего, исключает их ответственность. Так, дореволюционный юрист Н. Тимашев прямо пишет: «Почему я обязан помочь, если только я могу это сделать, и никто не обязан, если это могут сделать двадцать человек».¹⁴

Приведенные взгляды не являются случайными высказываниями отдельных авторов. Они вытекают из основ буржуазной морали.

Более 100 лет тому назад К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» говорили о том,

что «буржуазия, повсюду, где она достигла господства... не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»... «что человеческие отношения она потопила в ледяной воде эгоистического расчета».¹⁵

Корысть, жажда наживы, богатство, богатство и еще раз богатство отдельного индивидуума являются мерилем долга, мерилом отношения к человеческой жизни, мерилом отношения к спасению человека от грозящей ему опасности. Несчастья одних являются здесь источником наживы и блага других. Владелец больших запасов хлеба заинтересован в том, чтобы была засуха,— это поднимет цены на хлеб; врач заинтересован в том, чтобы было больше больных,— это увеличивает его доходы; по тем же основаниям священник заинтересован в том, чтобы больше умирало людей, а архитектор,— чтобы чаще происходили пожары.

Когда в 1906 г. в России разразился очередной голод, вопрос об ассигновании денег на помощь голодающим стал предметом торговли между кадетами и правительством. В основе этой торговли лежала борьба за овладение министерскими портфелями: Разоблачая кадетов и называя правительство «правительством погромщиков», Ленин, иронизируя, говорил: «Уступите нам, господа погромщики, назначьте Муромцева в премьеры вместо Ермолова,— а мы уступим Вам и дадим, может 15, а может и все 50 миллионов на помощь голодающим без «опасного» (и для вас, погромщиков, и для нас, помещиков), обращения к «вольным учреждениям» народа».¹⁶

Во время наводнения в Англии в феврале 1953 г. сигнал тревоги был дан лишь в некоторых городах. Почти все английские газеты в это время обращали внимание на тот факт, что население не было предупреждено о надвигающемся бедствии, хотя поступали тревожные сообщения метеорологической службы. В большинстве мест поэтому жители оказались застигнутыми врасплох, и многие из них погибли, не успев выбраться из затопленных домов.

Во время землетрясения 1953 г. в греческом городе Аргостолион тюремные власти, несмотря на отчаянные призывы политзаключенных, продолжали держать их в камерах, с тем чтобы они были уничтожены, а на острове Закинф, когда 12 августа обвалилось здание тюрьмы и

раненные и изувеченные политзаключенные пытались вырваться из развалин, по ним открыли пулеметный огонь.

3 апреля 1954 г. греческое рыболовное судно «Георгис» было застигнуто сильным штормом. Машина была повреждена, и судно направилось к турецкому берегу. Солдаты турецкой береговой охраны, видевшие сигналы бедствия, вместо того чтобы поспешить на помощь, открыли огонь.

Богата такими примерами буржуазная действительность.

Однако в капиталистическом обществе буржуазной морали противостоит мораль пролетарская — мораль сознательной части трудящихся. В борьбе против капиталистического строя и его человеконенавистнической морали в среде трудящихся выковывается принцип взаимопомощи и сотрудничества, заботы о человеке. Если в буржуазном обществе нередки героизм и самоотверженность при спасении людей, то они имеют место преимущественно в среде трудящихся.

Во время сильного наводнения в провинции Ровиго в ноябре 1951 г. коммунисты Ровиго и других городов по призыву компартии заняли первое место в рядах спасательных бригад. Секретариат Коммунистической партии Италии принял решение о том, что оказание помощи пострадавшему населению является в этот момент самым важным долгом всех коммунистов, всех честных граждан.¹⁷

В связи с наводнением в Голландии в феврале 1953 г. секретарь Объединенного профсоюзного центра Голландии Брандсен заявил: «Повсюду... можно было избежать бесчисленных жертв, если бы правительство обратилось к народу. Об этом свидетельствуют, в частности, успехи многочисленных рыбаков, спортсменов и рабочих, действовавших по собственной инициативе. Например, молодые спортсмены одного из яхтклубов, которым было заявлено, что власти не нуждаются в их помощи, действуя по собственной инициативе, спасли 286 человек».¹⁸

Немало примеров мужества и самоотверженности дали простые люди Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и других стран, спасая с риском для своей жизни бежавших из плена больных и раненых советских воинов. Всеми миру известен подвиг итальянского крестьянина Черри и его семи сыновей, спасавших в своем доме бе-

жавших из фашистских лагерей военнопленных союзных армий.¹⁹

Большинство уголовных кодексов буржуазных государств содержат статьи об ответственности за неоказание помощи во время опасности посторонним лицом.²⁰ Такие нормы — дань общечеловеческой морали, но они не согласуются с основами буржуазной морали. Введенные в кодексы в демагогических целях, они не имеют практического значения. И определенную роль в сведении на нет этих норм сыграли и вышеприведенные и им подобные комментарии к ним, даваемые буржуазными учеными.

Неприемлемость ограничения круга лиц, ответственных за неоказание помощи погибающему, для социалистического уголовного права очевидна.

Часть 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) непосредственно не решает вопроса о круге лиц — свидетелей опасности, и отсылает в этой части к нормам социалистической морали. Наличие группы очевидцев грозящей кому-то опасности свидетельствует о большей возможности объединенными усилиями спасти погибающего. Поэтому уголовную ответственность за бездействие — неоказание помощи при наличии группы свидетелей опасности должен нести каждый, кто имел реальную возможность без серьезной опасности для себя оказать помощь. Такое требование вытекает из основ социалистической морали и соответствует интересам наилучшей охраны жизни советских граждан. Анализируя норму УК Польской Народной Республики, аналогичную ч. 1 ст. 125 нашего кодекса, К. Бухала в полном соответствии с требованиями социалистической морали пишет: «Если в какой-либо конкретной обстановке группа лиц находится возле потерпевшего, которому угрожает опасность, то обязанность оказания помощи лежит на всех. Никто из них не сможет оправдаться тем, что по его мнению другие окажут помощь».²¹

§ 2. Оставление без помощи погибающего лицом, обязанным заботиться о нем

Состав преступления сформулирован в ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) как «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и ли-

шенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу, либо сам поставил его в опасное для жизни состояние».

Несмотря на значительные редакционные различия между 1-й и 2-й частями ст. 125 (127), предусмотренные в них составы, за исключением формулировки «сам поставил его в опасное для жизни состояние», отличаются лишь по субъекту преступления. Это видно из следующего.

На беспомощное состояние потерпевшего, лишенного возможности принять меры к самосохранению, указывает лишь ч. 2 ст. 125. Если лицо, обязанное заботиться о потерпевшем, не несет ответственности за неоказание ему помощи, когда он не находится в беспомощном состоянии, то тем более нельзя говорить об ответственности при тех же обстоятельствах постороннего лица.

На «необходимую и явно не терпящую отлагательства помощь» указывает лишь ч. 1 ст. 125. Если жизни потерпевшего угрожает опасность, то он нуждается именно в такой помощи, и умолчание об этом в ч. 2 ст. 125 не имеет значения. Бездействие виновного, который «имел возможность оказать потерпевшему помощь» (ч. 2), ничем не отличается от неоказания помощи, если она «могла быть оказана виновным» (ч. 1).

Часть 1 ст. 125 говорит об ответственности за неоказание помощи, если она могла быть оказана «без серьезной опасности для себя или других лиц». При наличии такой опасности не может наступить ответственность и по ч. 2 ст. 125. Наконец, ч. 1 говорит о несообщении «надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи». Своевременное сообщение надлежащим лицам об опасности, угрожающей другому лицу, помощь которому была оказана, исключает ответственность как по ч. 1, так и по ч. 2 ст. 125 УК.

Таким образом, «неоказание помощи» и «оставление без помощи» понятия тождественные: объект, объективная и субъективная стороны этих преступлений совпадают. Они различаются лишь по субъекту преступления, и соответственно этому мы и применяем эти термины.

Субъектом преступления оставления без помощи является либо лицо, обязанное иметь заботу о потерпевшем,

либо лицо, поставившее его в опасное для жизни состояние.

Такая обязанность в большинстве случаев предусмотрена нормативными актами. Так, например, каждый боец и командир пожарной охраны обязаны спасать людей, находящихся в горящих зданиях. Если воздушному судну, находящемуся в полете, грозит опасность или оно потерпело бедствие, все члены экипажа, а в необходимых случаях и пассажиры обязаны принять участие в спасении людей. При дорожных происшествиях, сопровождавшихся несчастными случаями с людьми, водитель транспорта, независимо от причастности к происшествию, обязан немедленно принять все необходимые меры к оказанию помощи пострадавшим. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 11 от 6 октября 1970 г. разъяснил, что действия водителя, виновного в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и заведомо оставившего без помощи потерпевшего, находящегося в опасном для жизни состоянии, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 206 (211) и ч. 2 ст. 125 (127).²²

Основы законодательства о здравоохранении в ч. 3 ст. 37 и Закон Белорусской ССР о здравоохранении в ст. 56 установили, что «в случаях, угрожающих жизни больного, врач или другой медицинский работник может использовать бесплатно любой из имеющихся в данной обстановке видов транспорта для проезда к месту нахождения больного или его транспортировки в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение». Согласно этому каждый владелец транспортного средства обязан предоставить его медработнику для указанных целей, и, поскольку ему известно о них со слов медработника, в случае отказа он несет ответственность по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127).

Обязанность оказания помощи может быть предписана договором. Сиделка, принявшая на себя обязанность ухаживать за тяжелобольным, проводник, взявшийся провести туриста в определенное место, — все они отвечают за оставление порученного им надзору человека в состоянии опасности. При этом не имеет значения, был ли заключен договор в письменной форме или имела место лишь устная договоренность.

Определенная профессия того или иного лица или род его занятий также могут порождать обязанность оказать помощь лицу, оказавшемуся в опасном для жизни состоянии. Так, взаимную помощь обязаны оказывать друг другу альпинисты.²³ Спасать людей во время аварий в шахтах обязаны специальные спасательные станции и вспомогательные спасательные команды, создаваемые из рабочих и инженерно-технических работников.²⁴

Обязанность заботиться о другом лице может вытекать из родственных или брачных отношений. Непосредственно в законе эта обязанность не предусмотрена. Однако вся совокупность регламентированных Кодексом о браке и семье отношений между родственниками и супругами позволяет сделать такой вывод. Если доставленные содержания каким-либо лицом другому в силу их родственных или брачных отношений является правовой обязанностью, то тем более такой обязанностью является забота о жизни оставленного. Поэтому следует признать, что специальная обязанность оказывать помощь находящемуся в опасности лежит на всех лицах, которые в силу закона должны доставлять ему содержание.²⁵

Правильное понимание обязанности проявлять заботу о потерпевшем имеет решающее практическое значение. В тех республиках, уголовные кодексы которых предусматривают лишь ответственность лиц, обязанных заботиться об оставленном, это вопрос разграничения преступного и непроступного, в БССР и остальных республиках — это вопрос квалификации содеянного.

По мнению отдельных авторов,²⁶ неисполнение служебной или профессиональной обязанности в отношении неопределенного круга лиц не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 125, и ответственность должна наступать по ч. 1 этой статьи.

Основанием выделения данного видового состава оставления в опасности из родового являются особые обязанности виновного по отношению к потерпевшему, состоящие в заботе о нем вообще и оказании помощи во время опасности в частности. В случаях же, охватываемых родовым составом, виновный не исполняет лишь одной обязанности — спасать погибающего. Только этим можно объяснить существенное расхождение в санкциях первой и второй частей ст. 125 (127). К тому же, когда возникает обязанность в силу службы или профессии за-

ботиться о другом лице, она всегда имеет адресата. Работник службы спасения на водах обязан спасти тонущего, кто бы он ни был. Своим бездействием он нарушает уголовный закон и не исполняет свои служебные функции, в то время как посторонний человек, не протянувший руку помощи, лишь нарушает уголовный закон.

Оспариваемое мнение без достаточных оснований суживает область применения ч. 2 ст. 125 (127).

Привлекая к ответственности за неисполнение обязанности по оказанию помощи какому-то лицу, суд в приговоре должен указывать источник этой обязанности. Таким путем может быть наиболее полно раскрыто содержание упоминаемой обязанности, что будет способствовать ее лучшему усвоению гражданами.

В рассмотренных случаях неоказания помощи и оставления без помощи обвиняемый не создает для другого опасной ситуации. Правда, иногда опасность порождается случайными действиями обвиняемого, но это ничего не меняет, ибо такие действия не являются действиями в уголовно-правовом смысле.

При оставлении в опасности потерпевшего лицом, которое «поставило его в опасное для жизни состояние»,²⁷ опасность создается виновными действиями обвиняемого. Поставление в опасность может быть умышленным или неосторожным. Поставление в опасность — это виновное создание конкретной опасности для оставленного без помощи, при которой обвиняемый неосторожно относится к последствиям при условии, что в результате этих действий не наступила смерть потерпевшего.

Степень опасности оставления без помощи и поставления в опасность различны. Если в первом случае предшествующее бездействию поведение само по себе не является общественно опасным, то во втором случае оно является таковым.

Между тем, признавая одинаково опасным оставление без помощи и поставление в опасность, законодатель в ч. 2 ст. 125 (127) хотя и рассматривает поставление в опасность в качестве основания заботиться о потерпевшем, фактически карает только за оставление без помощи. Это также говорит о целесообразности создания родового состава поставления в опасность.

По ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) квалифицируется подкидывание детей без умысла на лишение их жизни. При

наличии такого умысла преступление квалифицируется как убийство или покушение на убийство.

О направленности умысла виновного можно судить по тому, в какое время (зимой, летом, ночью, днем), в какое место и в каком состоянии ребенок подкинут и, следовательно, какова была вероятность его спасения, насколько быстро после оставления он мог быть подобран.

При отрицании конструкции покушения с косвенным умыслом наличие такого умысла на убийство, если смерть не последовала, будет квалифицировано как оставление без помощи по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). Если же последствием при косвенном умысле на убийство оказались тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, то содеянное следует рассматривать не как оставление без помощи, а по ст. ст. 106 (108), 107 (109) как более тяжкое преступление.

§ 3. Неоказание капитаном судна помощи гибнущему на водном пути

Состав преступления в ст. 127 УК сформулирован как «неоказание помощи капитаном судна людям, терпящим бедствие на реке или ином водном пути, если эта помощь могла быть оказана без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров». В ст. 129 УК РСФСР вместо слов «на реке» записано «на море».

Правовая обязанность оказания помощи на море предусмотрена рядом международных конвенций. Необходимость их принятия вызвана международным характером основных морских путей и особым значением взаимопомощи на водном пути.

Основное требование международных конвенций, сформулированное в действующей конвенции от 23 сентября 1910 г. «Об объединении некоторых правил относительно оказания помощи и спасения на море»²⁸ гласит: «Каждый капитан обязан, насколько он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, своего экипажа, своих пассажиров, оказать помощь всякому лицу, даже враждебному, встреченному в море и находящемуся в опасности погибнуть» (ст. 11). Ст. 12 этой конвенции определяет, что «высокие договаривающиеся стороны, законодательства коих не карают за нарушение

предшествующей статьи, обязываются принять или предложить своим подлежащим законодательным учреждениям надлежащие меры к тому, чтобы это нарушение было наказуемо».

В последующее время аналогичные конвенции принимались в 1914, 1929, 1948 и 1960 гг.²⁹ Все они в части, определяющей упоминаемую обязанность капитана, отсылают к ст. 11 конвенции 1910 г. Так, в конвенции 1948 г. определяется, что «капитан судна, находящегося в море, по получении сигнала о том, что судно или самолет, или какое-либо спасшееся средство находится в состоянии бедствия, обязан со всей возможной скоростью следовать на помощь людям, терпящим бедствие, сообщив по возможности им об этом». Приведенное правило не определяет, в каких случаях капитан судна, пришедшего к месту бедствия, обязан оказать помощь, но указывает, что сохраняет силу ст. 11 конвенции 1910 г. Конвенция 1960 г. также подтвердила обязанность капитана судна, находящегося в море, оказывать помощь людям, терпящим бедствие (глава 5, правило 10 приложенных к конвенции правил).³⁰

Неоказание капитаном судна помощи на море — международное преступление. Требования конвенции 1910 г. конкретизированы в Кодексе торгового мореплавания СССР, принятом 17 сентября 1968 г.³¹ Ст. 53 этого кодекса гласит: «Капитан обязан, поскольку он может это сделать без опасности для своего судна, экипажа и пассажиров: 1) оказать помощь любому обнаруженному в море лицу, которому угрожает гибель; 2) следовать со всей возможной скоростью на помощь погибающим, если ему сообщено, что они нуждаются в помощи, и если на такое действие с его стороны можно разумно рассчитывать. За неисполнение указанных в настоящей статье обязанностей капитан несет установленную законом ответственность».

Хотя конвенции распространяются только на морские пути, они послужили основанием для установления в национальном законодательстве аналогичных обязанностей капитана на любом другом водном пути.

Статья 36 Устава внутреннего водного транспорта СССР, принятого 15 октября 1955 г., указывает, что «капитан, получивший сигнал бедствия или обнаруживший на водном пути находящегося в опасности чело-

века; судно или плот, обязан оказать помощь терпящим бедствие».

В советском законодательстве ответственность за неисполнение требований ст. 11 конвенции 1910 г., ст. 53 Кодекса торгового мореплавания и ст. 36 Устава внутреннего водного транспорта СССР предусмотрена в ст. 125 (127) УК.

Эта норма определяет ответственность за неоказание помощи на водном пути. Не имеет значения, в силу каких обстоятельств потерпевший оказался в беспомощном состоянии: крушение судна, непогода и т. д. Равно также не имеет значения, находится ли потерпевший на еще плавающем судне, спасается на каком-либо предмете или лишен этого.

Потерпевший может быть как соотечественником, так и иностранцем. Ст. 11 конвенции обязывает оказать помощь «всякому лицу, даже враждебному». Ст. 18 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море» указывает, что стороны, находящиеся в конфликте, «после каждого боя... немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать потерпевших кораблекрушение». Участники Женевской конвенции приняли на себя обязательство об уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении конвенции (ст. 50). Аналогичные нормы содержала 10-я Гагская конвенция от 18 октября 1907 г. «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1906 года».

Империалистические державы во время первой мировой войны в нарушение конвенции и элементарных норм гуманности нередко расстреливали спасающихся после потопления судна матросов и пассажиров. Так, немецкие подводные лодки потопили пассажирский корабль «Лузитания», не приняв мер для спасения пассажиров. 27 июня 1918 г. немецкая подводная лодка № 86 торпедировала и потопила английское госпитальное судно «Ландовери Кэстль». С торпедированного судна было спущено 19 спасательных шлюпок, из которых 18 было потоплено. Погибло 234 человека. Англичане нередко платили своему противнику тем же. Например, после потопления в феврале 1916 г. немецкого крейсера «Грейер» английским крейсером «Комус» моряки последнего без-

жалостно расстреляли спасавшихся на шлюпках моряков «Грейера». 29 апреля 1917 г. были потоплены немецкие подводные лодки «Д-42» и «Д-85».³²

Между тем как Германия, так и Великобритания были участниками Гагской конвенции от 18 октября 1906 г. и Брюссельской конвенции от 23 сентября 1910 г.

Во время второй мировой войны уничтожение экипажей потопленных кораблей противника было возведено немецкими фашистами в обязанность моряков. 17 сентября 1942 г. был издан приказ: «Не следует делать никаких попыток спасти членов команды потопленных кораблей... Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны об уничтожении вражеских судов и команд». На Нюрнбергском процессе отмечалось, что этот приказ явился указанием командирам подводных лодок уничтожать команды тонущих, хотя бы и торговых судов. Главный морской штаб гитлеровской Германии утвердил приказ 17 сентября 1942 г. об уничтожении оставшихся в живых членов команд потопленных судов.³³

С объективной стороны рассматриваемый состав преступления выражается в бездействии капитана — неоказании им помощи людям, терпящим бедствие на водном пути.

Капитан судна обязан оказывать потерпевшим всякую возможную по обстоятельствам помощь. В одном случае необходимо подобрать тонущих и взять их на свое судно, в другом — помочь ликвидировать пожар, взять на буксир и т. п. Когда судно не находится на месте бедствия, с получением сигнала о бедствии оно должно немедленно поспешить на помощь. Запоздалая без уважительной причины помощь, хотя и принесшая определенную пользу, не исключает уголовной ответственности. Так, в июне 1939 г. на реке Каме поднявшейся бурей перевернуло ялик с пассажирами. Об этом стало известно капитану речного трамвая, который не поспешил на помощь тонувшим. Лишь по настоянию своих пассажиров с большим опозданием капитан распорядился последовать к месту бедствия и бросить спасательные круги и шары. Удалось спасти 6 человек. Остальные 5 человек погибли. Виновный был осужден.³⁴

Ответственность за неоказание помощи наступает, если помощь могла быть оказана «без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров». Уго-

ловный закон, как уже отмечалось, не требует и не может требовать самопожертвования при спасении терпящих бедствие. Если спасение требовало принесения в жертву жизни члена экипажа или пассажира своего судна, то уголовная ответственность за неоказание помощи исключается. Однако одно лишь опасение возможных последствий, лишенное серьезных оснований, не оправдывает бездействия. Не считается серьезной опасностью какой бы то ни был имущественный ущерб. Угроза судну такими повреждениями, в результате которых оно все же способно дойти со спасенными до ближайшего порта, также не может рассматриваться как оправдывающее обстоятельство. Статья 160 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР указывает, что перевозчик не отвечает за утрату, недостачу и повреждение груза, если это имело место вследствие действий по спасению человеческих жизней.

С субъективной стороны необходимо сознание капитаном судна опасности, угрожающей потерпевшему. Вина в данном случае может быть только умышленной. Если капитан судна не знает об опасности, угрожающей кому-либо на водном пути, то от него нельзя требовать и принятия мер к спасению погибающего. Капитан судна несет ответственность лишь в том случае, когда он сознавал, что кому-либо на водном пути угрожает опасность, и, несмотря на это, имея возможность оказать помощь, бездействовал.

Субъектом рассматриваемого преступления является капитан судна, не оказавший помощи. При этом имеется в виду не должность, а исполняемые обязанности. Поэтому капитан судна, не находящийся на судне в момент неоказания помощи, не будет нести ответственность. Такую ответственность несет член экипажа, заменяющий в это время капитана и выполняющий его обязанности.

Остальные члены экипажа не могут быть привлечены к ответственности по ст. 127 (129). Такое положение объясняется тем, что в законе прямо указывается субъект преступления — капитан. Отсюда вовсе не следует, что члены экипажа, не оказавшие помощи потерпевшему на водном пути, не несут ответственности. Член экипажа, не исполнивший приказ капитана об участии в спасении терпящих бедствие, привлекается к ответственности по

ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). В остальных случаях член экипажа, имеющий возможность оказать помощь терпящим бедствие на водном пути и не оказавший ее, подлежит ответственности по ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127).

§ 4. Неоказание медицинской помощи

Родовой состав преступления сформулирован в ч. 1 ст. 126 УК как «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать такую помощь». В ч. 1 ст. 128 УК РСФСР состав сформулирован как «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать по закону или по специальному правилу». Видовым составом данного преступления является «то же деяние, если оно повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия» — ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128).

Будучи бланкетной нормой, ст. 126 (128) отсылает к ст. ст. 14, 32 и 33 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении, ст. ст. 16, 40—44, 46, 47 Закона Белорусской ССР о здравоохранении. Статья 14 Основ и ст. 16 последнего Закона гласят, что «профессиональные обязанности и права медицинских, фармацевтических и других работников учреждения здравоохранения по отдельным специальностям определяются Министерством здравоохранения СССР». Последнее издает положения, определяющие права и обязанности по отдельным специальностям и тем самым круг лиц, являющихся субъектами преступления, указанного в ст. 126 (128).

Объектом этого преступления является не только жизнь, как в остальных преступлениях оставления в опасности, но и здоровье. Это вытекает из ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128), которая говорит о неоказании медицинской помощи, что «могло повлечь смерть больного или иные тяжелые последствия».

Потерпевшим является больной, нуждающийся в помощи. Им может быть не только гражданин СССР, но и иностранец, и лицо без гражданства. Согласно ст. 32 Основ законодательства о здравоохранении и ст. 41 Закона Белорусской ССР о здравоохранении иностранные

граждане и лица без гражданства пользуются в СССР медицинской помощью наравне с гражданами СССР. Если оставленным без помощи является больной или раненый военнопленный, то ответственность за неоказание ему помощи на территории лагеря для военнопленных наступает как за воинское преступление — ст. 257 (268).

С объективной стороны преступление состоит в «неоказании помощи больному без уважительных причин».

Прежде всего речь идет о неоказании медицинской помощи. Это объясняется тем, что ст. 126 (128) говорит об ответственности лиц медицинского персонала и о неоказании помощи больному. Неоказание больному, жизни которого угрожает опасность, иной (не медицинской) помощи в качестве преступления предусматривается ст. 125 (127). Не будь ст. 126 (128), медицинские работники за неоказание помощи (в том числе и медицинской) отвечали бы по ст. 125 (127). По известным причинам, связанным со спецификой медицинской службы и источником опасности, угрожающей человеку, законодатель выделил неоказание медицинской помощи больному в специальный состав преступления и расширил его рамки, признав преступлением и неоказание помощи больному, здоровью которого угрожает опасность.

Неоказание медицинской помощи может выражаться:

а) в неявке к больному по вызову, приглашению или по собственной инициативе (последний случай возможен, если медработнику известно о том, что в его помощи нуждаются, но почему-либо лишены возможности его пригласить). Обязанность медработника оказать больному помощь является не только его профессиональной, но и правовой. Статья 33 (ч. 3) Основ законодательства о здравоохранении и ст. 43 (ч. 2) Закона Белорусской ССР о здравоохранении указывает на обязанность медработников «оказывать первую неотложную медицинскую помощь гражданам в дороге, на улице, в иных общественных местах и на дому». Ответственность за неоказание помощи не исключается, если вместо личной явки к больному врач по телефону или через третьих лиц передает указание о том, что следует предпринять. Без осмотра больного такие распоряжения не могут быть эффективными и могут оказаться даже вредными. Так, была осуждена дежурный врач скорой помощи Е., которая не выехала к тяжело больному Р. Е., не выехала и по по-

вторному вызову, ответив по телефону, какие меры помощи следует оказать;³⁵

б) в отказе принять больного в лечебное учреждение, куда он доставлен или явился сам;

в) в неоказании помощи больному, находящемуся в лечебном учреждении. Так, К., будучи дежурным врачом скорой помощи, не выполнил распоряжение заместителя главного врача проследить за состоянием здоровья больного Вовы Кулинича (у Кулинича были симптомы кишечной непроходимости) и в случае необходимости отправить его в хирургическое отделение. К. в течение ночи не следил за ребенком, а утром доложил главному врачу об удовлетворительном состоянии больного. Другой врач, принявший дежурство от К., нашел ребенка в тяжелом состоянии и немедленно отправил его в хирургическое отделение. Вследствие запоздалого хирургического вмешательства ребенок умер;³⁶

г) в невызове специалиста медработником, который явился к больному, но оказался некомпетентным из-за недостатка знаний или по другим причинам. Так, Ю., работая акушеркой и придя в дом К., где один ребенок уже родился, диагностировала двойню и ненормальное течение родов, но роженицу в больницу не отправила и специалиста не вызвала, а длительное время, с 00.00 до 13.00 выжидала рождения второго ребенка. Оставшись без квалифицированной помощи, роженица умерла от обильного кровотечения;³⁷

д) сам по себе один только факт явки к больному или принятие его в лечебное учреждение еще не свидетельствует об исполнении медработником своего долга. Оказанию медицинской помощи предшествует постановка диагноза, без которого нельзя определить, в какой именно помощи больной нуждается. Постановке диагноза в свою очередь предшествуют осмотр больного, а в необходимых случаях дополнительные исследования (рентгеноскопия, лабораторные исследования и т. д.). Если врач, не осматривая больного, свидетельствует, что он не нуждается в помощи или ставит такой диагноз, при котором медицинской помощи не требуется, то такой врач должен нести ответственность за неоказание медицинской помощи. Постановка подобного «диагноза» с целью уклониться от оказания медицинской помощи равнозначна отказу от оказания помощи. Примером подоб-

ного уклонения может служить дело фельдшера М. На медпункт был доставлен лесоруб Д., который во время работы на лесном участке получил тяжелую травму и потерял сознание. Фельдшер М., не осмотрев больного, заявил, что Д. пьян, и отправил его в больницу г. Речица (БССР). По дороге Д. умер.³⁸ Постановку «диагноза» с целью уклониться от оказания медицинской помощи не следует смешивать с ошибкой в диагнозе, вызванной недостатком знаний или неосторожностью (врачебная ошибка). Такая ошибка образует состав преступления, если только в результате ее наступили тяжкие последствия — смерть, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, и квалифицируется как неосторожное убийство или неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.

Распространяется ли ст. 126 (128) на случаи неоказания медицинским персоналом непосредственно нелечебной помощи?

Неоказание такой помощи может выражаться: а) в непредоставлении лечебным учреждением или аптекой своего помещения для подачи первой неотложной помощи и временного пребывания больного до его отправления в надлежащее лечебное учреждение; б) в непредоставлении лечебным учреждением или аптекой необходимых для оказания первой неотложной помощи медикаментов; в) в несообщении аптекой гражданину по поводу внезапного заболевания или несчастного случая сведения об имеющихся в данном районе лечебных учреждениях и медицинских работниках; г) в воспрепятствовании использованию телефона для вызова скорой помощи или медицинского работника. Перечисленные обязанности лечебных учреждений и аптек предусматривались ст. ст. 7—10 инструкции Наркомздрава, Наркомвнудела, Наркомтруда и ВЦСПС «О порядке и правилах оказания первой неотложной медицинской помощи» от 11 марта 1926 г.³⁹ Нарушение этих обязанностей инструкция рассматривает как неоказание помощи больному, влекущее уголовную ответственность. На этом основании автор ранее писал, что неоказание такой, непосредственно не лечебной помощи, квалифицируется по статье о неоказании медицинской помощи.⁴⁰ Там же отмечалось, что, поскольку в практике подобные случаи уже не имеют места и что общественная опасность подобных дей-

ствий незначительна, представляется целесообразным исключить из инструкции указания на уголовную ответственность за такие нарушения, заменив ее дисциплинарной ответственностью.

С принятием Основ законодательства о здравоохранении и соответствующих им законов союзных республик положение изменилось хотя бы тем, что названная инструкция утратила силу и нет правовых оснований для квалификации всех перечисленных случаев неоказания непосредственно лечебной помощи по ст. 126 (128). Лишь отдельные из них, которые непосредственно примыкают к медицинской помощи, могут рассматриваться по этой статье. Сюда относятся непредоставление лечебного учреждения для подачи первой неотложной помощи и временного пребывания больного и непредоставление медикаментов.

Первый случай есть лишь вариант отказа принять больного в лечебное учреждение, о котором уже говорилось. При наличии надлежащего субъекта преступления и вины он подпадает под действие ст. 126 (128).

Что касается непредоставления медикаментов, то обязанность их выдачи имеется при наличии соответствующего и надлежаще оформленного рецепта. Если эта обязанность не исполнена, вследствие чего медицинская помощь не могла быть оказана, то содеянное образует *объективную* сторону рассматриваемого преступления.

За неисполнение других обязанностей, перечисленных выше, вопрос об ответственности должен рассматриваться на основе состава преступления, предусмотренного ст. 125 (127).

Для состава преступления, предусмотренного ст. 126 (128), необходимо, чтобы неоказание помощи больному имело место без уважительной причины. Вопрос о том, является ли причина уважительной, в каждом отдельном случае решается судом.

Уважительной причиной является, например, состояние крайней необходимости. Так, Верховный суд РСФСР признал неправильным осуждение врача Я. за неоказание помощи роженице, к которой он был вызван в то время, когда оперировал больную сибирской язвой. Естественно, что бросить операцию Я. отказался, сказав, чтобы больную привезли в больницу. Попытка пригласить другого врача не увенчалась успехом. Когда, нако-

нец, роженицу привезли в больницу, Я. тотчас же явился к ней и вынул уже мертвого ребенка. У больной уже были признаки заражения.⁴¹ По делу врача Л. Верховный Суд СССР признал уважительной причиной отказ Л. явиться в первую очередь к далеко проживающему больному из-за непредоставления ему транспортных средств при наличии одновременных вызовов к нескольким другим не менее тяжело больным, обслуживание которых также входило в его обязанности.⁴²

Уважительной причиной является непреодолимая сила, в том числе болезнь самого медицинского работника, его некомпетентность при условии, что он отдал соответствующие распоряжения о вызове специалиста.

Не является уважительной причиной не оказания помощи больному обращение к медицинскому работнику после установленного для него времени приема больных или во время его нахождения в отпуске, на отдыхе, на семейном вечере и т. п.⁴³ Так, осужден за неоказание медицинской помощи фельдшер К., не оказавший помощь привезенному к нему Л. К., зная, что Л. тяжело ранен во время охоты и что его отказ может повлечь тяжелые для больного последствия, отказался тем не менее оказать Л. помощь. Свое бездействие К. объяснил тем, что у него был выходной день.⁴⁴

Первую неотложную помощь больному, жизни которого угрожает опасность, медицинский работник обязан оказать в любое время. Это его не только профессиональная, но и правовая обязанность. Последняя вытекает из уже упоминавшейся ч. 3 ст. 33 Основ законодательства о здравоохранении, обязывающей медицинских работников оказывать помощь «в дороге, на улице, в иных общественных местах и на дому». Такое «поле деятельности» не может учитывать того, находится ли медработник на службе, дома или в ином месте.

В нашей литературе были попытки ограничить ответственность врачей за неоказание помощи больному путем расширения понятия уважительной причины. Так, проф. Рожановский писал: «...при привлечении врачей к уголовной ответственности должны быть принимаемы во внимание... права ежедневного и еженедельного отдыха, периодических отпусков, наконец, право часть времени уделять своим личным интересам».⁴⁵ Подобные взгляды противоречат этике врача вообще и советского врача

в особенности. Поэтому они не встретили поддержки со стороны медицинской общественности.

Обязанность врача оказывать медицинскую помощь во время нахождения в отпуске и т. п. не является безусловной. Врач, к которому обратились во внеслужебное время, может посоветовать больному обратиться в ближайшую больницу или другое лечебное учреждение. Такой совет уместен, если есть возможность следовать ему и если необходимое для этого время не может повлиять на ухудшение состояния больного. Если же помощь со стороны данного врача является незаменимой или когда обращение к другому врачу связано с потерей времени, что может оказаться опасным для больного, то никакие ссылки на отдых, отпуск и т. п. не могут оправдать бездействия врача.

Не признается уважительной причиной неоказания помощи больному отказ в приеме в лечебное учреждение, являющееся специальным (ведомственным). Статья 33 (ч. 2) Основ законодательства о здравоохранении и ст. 42 (ч. 2) Закона Белорусской ССР о здравоохранении указывает, что «лицам, пострадавшим от несчастных случаев или оказавшимся вследствие внезапного заболевания в состоянии, требующем срочной медицинской помощи, эта помощь оказывается безотлагательно ближайшим лечебно-профилактическим учреждением независимо от его ведомственной подчиненности».

При характеристике состава неоказания медицинской помощи возникает вопрос об ответственности врача, не оказавшего помощи больному ввиду несогласия последнего или его представителей.

В дореволюционное время имел место ряд случаев, когда даже для спасения жизни больного его родственники не соглашались на производство операции. Подобные факты свидетельствовали о низком культурном уровне определенной части населения.

В дореволюционной юридической литературе имела распространение теория, по которой согласие больного или его законных представителей признавалось обстоятельством, исключающим преступный характер врачебных мер. Деятельность врача рассматривалась как деятельность лица, причиняющего телесное повреждение, и поэтому она нуждалась в каком-то оправдании, которое находили в согласии. Если не было согласия на опера-

цию, то, независимо от ее исхода, наступала ответственность врача. Этой теории следовала судебная практика, в частности германская и русская. Так, германский имперский суд осудил врача, который вопреки воле отца ампутировал в больнице ногу его семилетней дочери. Отец девочки заявил, что ему легче было бы видеть ребенка в гробу, чем калекой. Врача привлекли к ответственности, несмотря на вывод экспертов, о том, что операция была необходима для спасения жизни.⁴⁶ Поэтому врачи не рисковали производить операцию, не заручившись согласием больного или его законных представителей. Неоказание помощи больному для спасения его жизни при отсутствии согласия не влекло за собой уголовной ответственности. Оказание же помощи при таких обстоятельствах могло повлечь ее.

До принятия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении в литературе обсуждался вопрос о значении согласия больного на операцию. На этот счет имелись и определенные правовые нормы.

Ст. 20 Постановления ВЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1924 г. указывала, что «хирургические операции производятся с согласия больных». Инструкция Народного комиссариата здравоохранения СССР от 1 сентября 1940 г. о применении новых медицинских средств и методов указывала, что такие средства и методы могут применяться, «когда имеется на это согласие больного». В то же время примечание к ст. 20 Постановления от 1 декабря 1924 г. указывало, что «операцию, необходимую и неотложную для спасения жизни... врач может произвести... и без согласия больного, когда он находится в бессознательном состоянии».⁴⁷

Что касается хирургических операций лицам моложе 16 лет или душевнобольным, то ст. 20 этого постановления требовала для их производства согласия родителей или опекунов. Такого согласия не требовалось лишь в случаях, когда операция необходима для спасения жизни и родители или опекуны не могут быть опрошены без риска опоздания.

Проф. Н. И. Гуревич считал, что если жизни больного угрожает опасность, но он не соглашается на операцию, то врач должен «осуществить операцию, не считаясь с мнением больного». Более определенно эту мысль

высказал Ю. Эдель: «Если необходима срочная операция для предотвращения неминуемой смерти и хирург чувствует себя во всеоружии опыта и знаний — больного не о чем спрашивать, его нужно оперировать». По мнению Г. Топровера, оперировать без согласия больного следует там, «где шансы велики, значительны», и не следует, «где они малы и весьма сомнительны».⁴⁸

Различия между приведенными точками зрения в конечном итоге несущественны. Предпринимается ли попытка убедить больного в необходимости операции либо врач этого не делает, но если хирургическое вмешательство способно сохранить жизнь, то, по мнению упомянутых и других медиков, оно должно быть произведено, независимо от согласия больного.

Ф. Ю. Бердичевский пытается обосновать такой взгляд ссылкой на крайнюю необходимость. Сравнивая взгляды Ю. Эделя и автора настоящей работы, высказанные им в 1960 г. и состоящие в том, что сознательное волеизъявление больного, отказывающегося от предложенной операции, не должно нарушаться, Ф. Ю. Бердичевский пишет, что «первая точка зрения представляется более правильной, так как правовой основой для нее является институт крайней необходимости».⁴⁹

Автор, однако, не указывает, в чем состоит связь между крайней необходимостью и несогласием больного на операцию. Если Ф. Ю. Бердичевский имеет в виду то, что хирургическая операция является единственным средством спасения жизни больного и, следовательно, «опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами» (ст. 14 УК), что и является одним из условий правомерности крайней необходимости, то этого далеко не достаточно.

Сущность крайней необходимости как института, устраняющего общественную опасность и противоправность действий, подпадающих под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, состоит в том, что когда опасность угрожает нескольким интересам, каждый из которых охраняется законом, и спасти один можно лишь за счет причинения вреда другому, то закон разрешает спасти более ценное за счет менее ценного. Такой коллизии интересов нет при производстве хирургической операции, хотя бы для спасения жизни больного, не желающего, чтобы ее спасали. Поэтому ссылка на

крайнюю необходимость в рассматриваемой ситуации не является предметной.

Так как мнение о допустимости хирургической операции без согласия больного, находящегося в полном сознании, не согласовывалось с действовавшим законом, то один из упомянутых авторов предлагал внести в него соответствующие изменения.⁵⁰ Однако законодатель не изменил своих взглядов. Статья 35 Основ законодательства о здравоохранении гласит: «Хирургические операции производятся... с согласия больных, а больным, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и психическим больным — с согласия их родителей, опекунов или попечителей. Неотложные хирургические операции производятся врачами без согласия самих больных либо их родителей, опекунов или попечителей только в тех исключительных случаях, когда промедление в проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие указанных лиц не представляется возможным».

Мнение о необходимости производства хирургической операции для спасения жизни больного, независимо от его согласия на такую операцию, хотя он и находится в полном сознании, представляется неприемлемым.

Нет никаких оснований игнорировать свободное волеизъявление больного. Нужно лишь, чтобы больной отдавал себе отчет в последствиях своего несогласия на операцию, это врач должен разъяснить ему. Если, несмотря на это, больной отказывается от операции, она не может быть произведена. Иное решение вопроса было бы ничем не оправданным вмешательством в естественное право человека жить или не жить. Бессмысленно принуждать человека жить, если он этого не желает. При всем отрицательном отношении нашей морали к самоубийству оно, как и покушение на самоубийство, не является противоправным деянием. Сознательный отказ от жизненно важной операции есть то же самоубийство или по крайней мере мало чем от него отличается.

Врач, который не произвел операции ввиду отказа больного или его законных представителей в тех случаях, где согласие необходимо, не может нести ответственность. Так было в нижеуказанном случае. В дер. Худолеки Богушевского района Витебской области гр-ну Г. преступник нанес ножевое ранение в грудь. Будучи доставленным в больницу, Г. от операции отказался и через

13 часов умер. Из заключения судебно-медицинской экспертизы видно, что ранение не было безусловно смертельным и если бы Г. была произведена операция, он остался бы жить.

Врач, не сделавший операции потому, что не заручился согласием больного или его законных представителей в тех случаях, где согласия не требовалось, должен нести ответственность за неоказание медицинской помощи по ст. 126 (128).

Однако зафиксированное в ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении право врача оперировать лиц, не достигших 16 лет, лишь с согласия их родителей, в том числе и тогда, когда операция необходима для спасения жизни, вызывает возражения. Правда, в упоминаемой ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении говорится, что если промедление в проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие родителей, опекунов «не представляется возможным», то операция производится. Однако это дополнение мало что меняет.

Представим себе такую ситуацию. Родители находятся в помещении больницы. Врачу это известно. Он обращается к ним за согласием, но не получает его и поэтому не может оперировать.

Заменяя согласие больного согласием его законных представителей, законодатель, очевидно, руководствовался тем, что несовершеннолетние не отдают себе полного или частичного отчета в вопросах жизни, смерти и здоровья, недостаточно понимают или вовсе не сознают значения предстоящей операции и последствий ее несостояния. Если это так, то почему вопрос о том, оперировать или не оперировать, должны решать родители или опекуны? Возможно, законодатель основывается на том, что родители или опекуны могут действовать только в интересах своих детей и подопечных. Для подавляющего большинства случаев в нашей действительности это, безусловно, так.

Однако присущая родителям любовь к своим детям может у отдельных из них сопровождаться религиозными предрассудками, диктующими решения, которые по своим последствиям прямо противоположны их намерениям и желаниям. Практике такие случаи известны. Например, осужден К., который на почве сектантских побуждений

умышленно оставил без медицинской помощи малолетнюю дочь, страдающую туберкулезным менингитом. Когда участковый врач, узнав о болезни ребенка, явилась по своей инициативе к К. на квартиру и предложила госпитализировать девочку, К. не только отказался это сделать, но и запретил врачу производить лечение на дому.⁵¹

Не исключается и возможность случаев безразлично-го, а то и неприязненного отношения к своим детям. Что касается опекунов, то их действительное отношение к подопечным может быть продиктовано и корыстной заинтересованностью. Так или иначе, но признание того, что оперировать детей, не достигших 16 лет, можно лишь с согласия их законных представителей, предоставляет возможность этим представителям проявить неприязненное отношение к детям в законной форме несогласия на их оперирование.

Требую согласия родителей или опекунов на производство детям операции, необходимой для спасения их жизни, закон тем самым вообще предоставляет им право распоряжаться жизнью ребенка. Между тем такое право родителям и опекунам не принадлежит.

Соглашаясь с критикой ранее действовавшего закона (новый закон содержит ту же форму), Н. И. Загородников пишет, что «может быть, необходимо установить, чтобы эти вопросы решались коллегиально, с участием родителей, не исключительно и не только родителями».⁵² Если несогласие родителей при обсуждении вопроса в коллегии будет означать, что операция не может быть произведена, то создается ситуация, ничем не отличающаяся от той, которая предусмотрена ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении. Если же несогласие родителей парализуется противоположным мнением врачей, то в этом случае участие родителей в коллегии теряет смысл.

Отрицание *de lege ferenda* необходимости согласия родителей на производство операции вызывает вопрос о возрасте больного, с наступлением которого требуется его согласие на операцию, поскольку он находится в сознательном состоянии. Лицо, хотя и достигшее 16 лет, как отмечалось, еще не отдает себе достаточного отчета в вопросах жизни, здоровья и смерти. Очевидно, пока оно не достигло более высокого возраста, было бы негуманным

основываться на его согласии и несогласии на операцию. Представляется поэтому целесообразным положение о производстве хирургических операций с согласия больных распространить на лиц, достигших 18-летнего возраста.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления выражается в умышленном неоказании медицинской помощи больному: виновный сознает, что больному нужна помощь, но не желает ее оказать. О том, какая опасность угрожает больному и в какой помощи он нуждается, медицинский работник узнает лишь после осмотра больного. В момент вызова к больному о грозящей опасности медицинский работник знает лишь со слов тех, кто его вызывает. При таких обстоятельствах нельзя требовать, чтобы виновный уже в момент вызова знал, какая именно опасность угрожает больному. Достаточно того, что виновный сознательно не исполняет своего профессионального и правового долга, т. е. не является по вызову, не принимает больного в лечебное учреждение, не оперирует больного и т. д.

Отношение к ненаступившим последствиям может выражаться только в преступной небрежности. При заведомости возможных последствий применяется ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128).

В связи с характеристикой субъективной стороны неоказания медицинской помощи возникают следующие вопросы: 1) о квалификации длительной отлучки единственного дежурного на пункте скорой помощи врача, в результате чего оказывается невозможным его вызов к больному и 2) о том, несет ли ответственность врач, отказавшийся явиться к заведомо для него безнадежному больному.

Указанные вопросы имеют практическое значение. В связи с изложенным заслуживает внимания дело В.⁵³ 9 марта 1956 г. в 1 час 30 мин. к проходной будке артели подошел гр-н Б., который тут же упал, жалуясь на сильную боль в области сердца. Дежурный вахтер стал вызывать скорую помощь, но в течение двух часов на его звонки никто не отзывался. Как выяснилось впоследствии, единственный дежурный фельдшер скорой помощи В. без каких-либо уважительных причин не находился на своем посту. После сердечного приступа больной прожил еще два часа. По заключению судебно-медицинской эксперти-

зы при своевременном оказании помощи жизнь Б. могла быть спасена.

Единственный врач (фельдшер), который дежурит на пункте скорой помощи, оставляя на длительное время свой пост, сознает, что он может быть вызван к больному. Следовательно, он безразлично относится к возможным последствиям своего отсутствия на работе для больного, к которому может быть в это время вызван. Такой уход с рабочего места есть уклонение от исполнения своего профессионального и правового долга. Мы считаем, что в подобных случаях виновный должен привлекаться к ответственности за неоказание медицинской помощи.

На вопрос о том, несет ли ответственность врач, отказавшийся явиться к заведомо для него безнадежному больному, Верховный суд РСФСР по делу врача О. дал в свое время отрицательный ответ, указав на наличие в данном случае проступка, не совместимого с врачебной этикой.⁵⁴ Отзвуки такого мнения появлялись и впоследствии. Так, прокуратура Плисского района б. Молодечненской области 22 августа 1954 г. вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против врача Р. 28 апреля 1954 г. Р. отказалась выехать к больному П., у которого открылось обильное кровотечение. В постановлении прокуратуры указывается, что если бы Р. и выехала к П., то ввиду крайне тяжелого положения больного она бы все равно не смогла предупредить его смерть. Р., ранее лечившая П., была хорошо осведомлена о состоянии П.

Мнение об отсутствии состава преступления при уклонении от оказания помощи заведомо безнадежному больному является на наш взгляд ошибочным.

Прежде всего врач, не видя больного, может ошибиться в оценке его состояния. Однако дело не только в этом. Признание оспариваемого мнения противоречило бы самой сущности профессии врача. Врач обязан до последней возможности сражаться за жизнь больного. Помощь врача не ограничивается назначением лекарства или хирургического вмешательства. Врач обязан внимательно и заботливо отнестись к больному, ободрить его. Отказ от оказания помощи больному может повлечь серьезные переживания больного. Даже и в том случае, когда медицина действительно бессильна, помощь нужна для облегчения страданий больного.

Кроме того, оправдание отказа в медицинской помощи безнадежному больному подрывает авторитет медицины, вносит элемент недисциплинированности, дает возможность недобросовестному врачу сослаться в оправдание своего бездействия на безнадежное состояние больного.⁵⁵

Субъектом рассматриваемого преступления является лицо, обязанное «согласно установленным правилам» оказывать медицинскую помощь. Общее правило сформулировано в ст. 33 (ч. 3) Основ законодательства о здравоохранении и в ст. 43 (ч. 1) Закона Белорусской ССР о здравоохранении, указывающих, что первую неотложную медицинскую помощь обязаны оказывать «медицинские и фармацевтические работники». Дальнейшее уточнение круга лиц, обязанных оказывать медицинскую помощь, в том числе и неотложную, содержится в Положениях о профессиональных обязанностях и правах работников учреждений здравоохранения по отдельным специальностям.

Согласно этим Положениям медицинскую помощь оказывают: врач, фельдшер, акушерка, медицинская сестра. Положения перечисляют профессиональные обязанности и права каждого из них. Так, например, Положение о правах и обязанностях акушерок, утвержденное Министерством здравоохранения СССР 6 июня 1946 г., к обязанностям акушерок относит оказание самостоятельно акушерской помощи, первоначальной помощи больному ребенку раннего возраста, хирургические перевязки и т. д. Положение о правах и обязанностях медицинской сестры, утвержденное тем же органом 31 мая 1956 г., указывает, что медсестра в больницах, во внебольничных лечебно-профилактических учреждениях и на дому по назначению врача имеет право выполнять следующие медицинские манипуляции: втирать лекарственные вещества; производить подкожные, внутримышечные и внутривенные инъекции; налагать кровоостанавливающие жгуты; производить искусственное дыхание; оказывать первую помощь при травматических повреждениях, отравлениях, ожогах и т. д.⁵⁶

Что касается фармацевтических работников, то положения об их профессиональных обязанностях не содержат в числе последних оказание медицинской помощи, и до принятия Основ законодательства о здравоохранении их в юридической литературе не причисляли к числу

лиц, могущих быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 126 (128). За неоказание помощи больному они привлекались к ответственности на общих основаниях, т. е. по ст. 125 (127).

После принятия Основ законодательства о здравоохранении ответственность фармацевтических работников за неоказание медицинской помощи наступает по ст. 126 (128). Законодатель, очевидно, руководствовался тем, что по уровню своей профессиональной подготовки фармацевтический работник способен оказать первую неотложную медицинскую помощь и что обычно (если находится на работе) он имеет необходимые для этого медикаменты и иные средства. Статья 43 (ч. 2) Закона Белорусской ССР о здравоохранении указывает, что неоказание фармацевтическим работником первой неотложной медицинской помощи больному влечет уголовную ответственность по ст. 126 УК Белорусской ССР.⁵⁷

Перечисленные лица несут ответственность по ст. 126 (128), если не оказали такую медицинскую помощь, которую должны были оказать в пределах своей специальности. Фельдшеру, например, не может быть инкриминировано неоказание медицинской помощи, если он не произвел необходимой в данном случае резекции желудка, поскольку производство такого вмешательства выходит за рамки его прав и обязанностей. Но ему может быть инкриминировано то, что он не вызвал специалиста или не транспортировал больного в надлежащее лечебное учреждение.

Врач, фельдшер, медицинская сестра, акушерка, фармацевт несут ответственность за неоказание медицинской помощи в том случае, если они занимаются медицинской или фармацевтической практикой. Упомянутые лица, имеющие соответствующее образование, но не работающие по специальности, за неоказание помощи больному, в том числе и медицинской помощи, несут ответственность на общих основаниях.

Отдельные авторы необоснованно расширяют круг лиц, ответственных по ст. 126 (128). Так, например, Ф. Ю. Бердичевский считает возможным квалифицировать по этой статье преступление шофера машины скорой помощи, отказавшего в перевозке больного.⁵⁸ Такой взгляд не согласовывается с упомянутыми выше нормативными актами о профессиональных обязанностях ме-

дицинских работников и приводит к признанию ответственными за неоказание медицинской помощи лиц, которые по своему положению не оказывают такой помощи.

Лица медицинского персонала, в обязанности которых не входит оказание медицинской помощи (лаборанты, санитары, зуботехники и др.), за неоказание помощи больному также несут ответственность на общих основаниях.

Врач, фельдшер, акушерка, медсестра, фармацевт несут ответственность по ст. 126 (128), независимо от того, имело ли место неоказание помощи в служебное или иное время.

Это объясняется тем, что при выполнении своих профессиональных функций медицинский работник не является должностным лицом. Если ранее этот вопрос еще был спорным и даже Верховный Суд СССР решал его по-разному,⁵⁹ то в настоящее время квалификация неоказания медицинской помощи в служебное время как должностного преступления является бесспорно ошибочной. Когда хирург оперирует, медицинская сестра делает инъекцию, а акушерка принимает роды, имеет значение только их искусство и добросовестность. В момент отправления своих профессиональных функций они являются только врачами, медсестрами, акушерками, независимо от того, какие должности они занимают в области управления здравоохранением.

Неоказание медицинской помощи может сопровождаться злоупотреблением должностным лицом своим служебным положением (например, главврач ведомственной клинической больницы запретил дежурному врачу оказывать помощь раненому, не прикрепленному к данной больнице). В таком случае имеет место конкуренция уголовных законов — ст. 126 (128) и ст. 166 (170), при которой подлежит применению более строгий закон.

Поэтому неоказание медицинской помощи, если при совершении этого преступления должностным лицом использовано служебное положение и наступили последствия, которые могут рассматриваться как «существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан», должно квалифицироваться по ст. 166 (170). В конкуренции ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128) и ст. 166 (170) предпочтение отдается последней, как предусматривающей более тяжкое преступление. Если же неоказание медицинской помощи не повлекло последствий, указанных

в ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128), то должностное лицо подлежит ответственности по ч. 1 ст. 126 (ч. 1 ст. 128), поскольку такое злоупотребление служебным положением состава должностного преступления вообще не образует.

*
* *

Действующее законодательство различает простой и более опасные виды неоказания медицинской помощи. Последние имеют место, если неоказание помощи «повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия» — ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128). Тяжкими последствиями являются телесные повреждения любой тяжести.

Если, как уже отмечалось, оказание помощи не могло бы предотвратить смерти или вреда здоровью, то неоказание медицинской помощи следует квалифицировать по ч. 1 ст. 126 (ч. 1 ст. 128).

Неоказание медицинской помощи, если оно заведомо могло повлечь смерть больного или телесные повреждения, имеет место только при умышленном неоказании помощи. При этом отношение к последствиям является умышленным или неосторожным в форме самонадеянности (см. гл. 3, § 7). В данном случае виновный сознает, что жизни или здоровью больного угрожает опасность, и, несмотря на это, не оказывает ему помощи. Решая вопрос о том, сознавал ли виновный возможность наступления последствий, суд исходит из того, что именно было известно виновному о состоянии больного. При этом следует учитывать и квалификацию виновного.

*
* *

Специальными видами неоказания медицинской помощи являются неисполнение обязанностей по лечению больных и раненых военнопленных и оставление раненых на поле боя.

Война, всегда связанная с кровопролитием, ставит в непосредственную опасность огромные массы людей. Де-

сятки, сотни тысяч раненых нуждаются в неотложной медицинской помощи и в ограждении медицинских учреждений, куда их доставляют, от вражеского огня. Немалое число раненых оказывается на территории неприятеля.

Забота человечества об участи раненых, особенно попавших в плен, привела к созданию международных конвенций об улучшении участи больных и раненых воинов.

Женевская конвенция 1864 г. об улучшении участи раненых и больных воинов установила неприкосновенность походных лазаретов и военных госпиталей, личного состава этих учреждений и гарантировала свободу и неприкосновенность местным жителям, оказывающим помощь раненым.

Женевская конвенция 1906 г. определила, что раненые и больные воины пользуются покровительством и уходом со стороны воюющего, во власти которого они оказались; что после каждого боя сторона, занимающая поле сражения, обязана принять меры к розыску раненых и оградить их от дурного обращения; что главнокомандующие армиями обязаны наблюдать за исполнением настоящей конвенции.

Однако международные конвенции выполняются не всеми государствами. Во время первой мировой войны убийство раненых, попавших в плен, имело место по прямому приказу Верховного командования кайзеровской армии. Примеру своих союзников следовали и турецкие солдаты.⁶⁰

Подробно регламентировала отношение к больным и раненым и Женевская конвенция 1929 г., заменившая собой по данному вопросу прежние конвенции. Как и конвенция 1906 г., последняя предусматривала уголовную ответственность за ее нарушение. Несмотря на это, гитлеровские войска систематически нарушали конвенцию 1929 г.

В июле 1941 г. у железнодорожной станции Шумилино фашисты захватили в плен группу тяжело раненных советских воинов и тут же расстреляли их. В том же месяце в районе г. Борисова они отравили мышьяком 70 тяжело раненных советских воинов. В деревне Лагутино, около Брянска, фашисты привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В г. Рудне Смоленской области фашисты захватили советский полевой

госпиталь и расстреляли всех раненых, а также санитаров и санитарок. В Каунасе, в лагере для военнопленных, истощенных воинов, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей. В селе Воронки, на Украине, гитлеровцы разместили 40 раненых красноармейцев и медсестер в помещении бывшей больницы. У медицинского персонала отобрали перевязочные средства, медикаменты и продукты питания, медсестер изнасиловали и расстреляли, а возле раненых поставили охрану и в течение четырех дней никого к ним не подпускали. Часть раненых умерла, а остальных бросили в реку.⁶¹

Это лишь отдельные примеры злодеяний фашистов по отношению к беспомощным раненым. В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. указывалось, что зверства Чингисхана, Батыя и Мамаю бледнеют перед злодеяниями фашистских разбойников.⁶²

Массовое истребление советских военнопленных, в том числе раненых и больных, явилось следствием организованной системы истребления, а не результатом недисциплинированности отдельных солдат и офицеров. Накануне вероломного нападения на СССР 21 июня 1941 г. гитлеровские войска получили приказ: «С ранеными русскими... нечего долго возиться: их надо приканчивать на месте».⁶³

Кровью раненых, больных и медицинского персонала запятнали свои мундиры и японские офицеры и солдаты. Так, в военном госпитале в Гонконге японцы закололи всех больных и раненых. В январе 1942 г. в Малайе японские солдаты, захватив колонну санитарных машин с больными и ранеными, вытащили их из машины и закололи штыками.

13 февраля 1942 г. в Сингапуре, в Александрийском госпитале, они убили 223 человека.⁶⁴ Вот как описывает эту трагедию Ноэл Барбер — бывший лондонский корреспондент в Сингапуре: «Еще не было двух часов дня, как войска противника уже появились возле госпиталя. После краткого обмена мнениями медицинский персонал пришел к выводу, что сдача — единственный выход в сложившейся ситуации. Когда японцы появились во дворе госпиталя, им навстречу был послан лейтенант Уэстон. Он стоял там, держа в руках белый флаг и не подозревая об опасности, когда первые японские солдаты подбежали

к крыльцу. Не задумавшись ни на одну секунду, японцы закололи Уэстона штыками. Пока он умирал на крыльце, группа японцев вбежала в коридор операционного отделения. Весь военно-медицинский персонал стоял, поднимая руки, а капитан, бывший среди них старшим по чину, сделал шаг вперед и показал на нарукавные повязки с красным крестом. Их быстро вывели из здания и закололи штыками. Затем японские солдаты вывели из палат около 200 раненых и оставшихся сотрудников госпиталя. Эти люди, многие из которых находились в очень тяжелом состоянии, были связаны группами по четыре-пять человек. Под лучами палящего солнца их повели в подсобные помещения, находившиеся за зданием госпиталя, и буквально втиснули в несколько маленьких комнаток. Постепенно теснота становилась все меньшей: несколько раз приходили японцы, отбирали несколько человек и выводили на улицу. Оставшиеся слышали душераздирающие крики, после чего солдаты возвращались за новой партией, вытирая кровь со штыков».⁶⁵

Во время второй мировой войны грубо и бесчеловечно попирались нормы международного права о гуманном обращении с ранеными и больными, но военные преступники понесли за свои злодеяния уголовную ответственность.

Советское правительство и Советская армия неуклонно соблюдали нормы конвенции.

После окончания второй мировой войны конвенция 1929 г. была пересмотрена и заменена ныне действующей Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Конвенция, содержащая 9 глав (64 статьи), подробно регламентирует отношение к раненым и больным в действующих армиях.

Конвенция 12 августа 1949 г.:

1) обязывает подбирать раненых и больных. «Во всякое время и в особенности после боя, — гласит ст. 15, — стороны, находящиеся в конфликте, немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненых и больных и оградить их от ограбления и дурного обращения... Каждый раз, когда это позволяло обстоятельства, будут заключаться соглашения о перемирии или о прекращении огня или же местные соглашения, чтобы позволить подобрать раненых, оставшихся на поле

боя, транспортировать их, а также произвести обмен ими»;

2) обязывает оказывать раненым и больным медицинскую помощь. Ст. 12 указывает, что «строго запрещается... оставлять их (раненых и больных.— И. Г.) без медицинской помощи или ухода». В ст. 30 конвенции указывается: «Каждый лагерь будет иметь соответствующий лазарет, где военнопленные получают помощь, в которой они могут нуждаться, и где им будет предоставлен необходимый режим питания... Военнопленные, страдающие тяжелой болезнью или состояние которых требует специального лечения, хирургического вмешательства или госпитализации, должны быть приняты в любое медицинское учреждение... Особые условия будут созданы для ухода за инвалидами, в частности слепыми...»;

3) устанавливает неприкосновенность медицинских учреждений и медицинского персонала. Постоянные санитарные учреждения и подвижные санитарные формирования медицинской службы, госпитальные суда, транспорты с ранеными и больными или санитарным имуществом «будут во всякое время пользоваться покровительством и охраной сторон, находящихся в конфликте» (ст. 19, 20, 35);

4) запрещает «применение репрессалий к раненым, больным, личному составу, зданиям и имуществу, находящимся под защитой конвенции» (ст. 46);

5) указывает, что «никто не должен подвергаться преследованию... за то, что он ухаживал за ранеными или больными» (ст. 18).

Аналогичные нормы содержит и Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море».⁶⁶

Статья 49 конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и ст. 50 конвенции «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение...» указывают:

«Высокие договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей конвенции...».

К серьезным нарушениям, которые должны влечь за собой уголовную ответственность, конвенции относят: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, преднамеренное причинение тяжелых страданий, нанесение ущерба здоровью и т. д. (ст. 50 и ст. 51 упомянутых конвенций). В числе серьезных нарушений конвенции непосредственно не называют не оказание медицинской помощи. Последнее охватывается указанием на «бесчеловечное обращение».

В советском уголовном праве нормы конвенции нашли отражение в военно-уголовном законодательстве. Статья 32 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления от 25 декабря 1958 г. предусматривает «дурное обращение с военнопленными... направленное против больных и раненых, а равно небрежное исполнение обязанностей в отношении больных и раненых лицами, на которых возложены лечение их и попечение о них». Таким образом, не оказание медицинской помощи больным и раненым военнопленным влечет уголовную ответственность по ст. 32 названного закона — ст. 257 (268) УК, а не по ст. 126 (128). В отличие от ст. 126 ответственность по ст. 257 наступает не только при не оказании помощи, когда жизни или здоровью больного угрожает опасность, но и при небрежном исполнении обязанностей в отношении больных и раненых. Ответственность по ст. 257 несут не только лица, обязанностью которых является оказание медицинской помощи, но и все другие военнослужащие, на которых возложено попечение о больных и раненых пленных.

Отражение в уголовном законодательстве СССР требований международных конвенций означает не только признание общественно опасным дурного обращения с военнопленными, но и является выражением уважения к этим конвенциям, в соблюдении которых должны быть заинтересованы все государства и все честные люди.

Если не оказание медицинской помощи раненым является преступлением, то тем более является преступлением оставление их на поле боя. Конвенции 1949 г. обязывают воюющие стороны выносить раненых с поля боя. Невынос раненых с поля боя является оставлением лиц, лишенных возможности принять меры самосохранения, в состоянии опасности и поэтому подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) УК.

§ 5. Оставление в опасности и убийство (разграничение составов)

Значение правильного разграничения составов убийства и оставления в опасности общеизвестно. Степень опасности этих преступлений далеко не одинакова и обществу небезразлично, за что осужденный отбывает наказание — за убийство или оставление в опасности.⁶⁷

Ошибки, допускаемые при разграничении упоминаемых преступлений, являются прежде всего следствием неправильного понимания субъективной стороны оставления в опасности. В литературе распространено мнение, согласно которому при наличии умысла на лишение жизни оставление в опасности перерастает в умышленное убийство.

С этим согласиться нельзя. Если, сознавая опасность, которая нависла над потерпевшим, виновный предвидит возможность или неизбежность его гибели и не оказывает помощи при наличии к тому возможности, что всегда и имеет место при оставлении в опасности, то он по меньшей мере сознательно допускает смерть потерпевшего. При таких обстоятельствах умысел к последствиям становится обязательным для оставления в опасности и в каждом случае неоказания помощи погибающему можно видеть умышленное убийство. Умышленное убийство путем бездействия и неоказания помощи со смертельным исходом оказываются одним и тем же преступлением, что противоречит самому существу норм об ответственности за оставление в опасности.

Разграничение убийства и оставления в опасности исключительно по признаку психического отношения виновного к последствиям фактически не разделяет, а отождествляет эти преступления.

Другие авторы критерий разграничения упоминаемых преступлений ищут в источнике обязанности действовать.

В зависимости от того, была ли деятельность данного лица включена в развитие причинного ряда, Т. В. Церетели различает причиняющее и не причиняющее бездействие. Первое имеет место, если в силу «специальной обязанности действовать», вытекающей из требований нормативного акта, занимаемого положения либо предшествующих действий, деятельность лица была включена в развитие причинного ряда, но оно виновно бездейство-

вало. Если вследствие такого бездействия — оставления без помощи — наступила смерть, то, по мнению Т. В. Церетели, виновный отвечает за убийство. Пожарник, который не выполнил своей обязанности по тушению пожара, если он виновно бездействует, несет ответственность за гибель находящихся в горящем здании людей. Не причиняющее бездействие имеет место там, где «упущение само по себе представляет нарушение обязанности и выполнение требуемого действия могло бы предотвратить наступление общественно опасного последствия». В качестве примера такого бездействия Т. В. Церетели и приводит неоказание помощи погибающему лицу, специально не обязанным заботиться о потерпевшем. За смерть потерпевшего он ответственности не несет.

Дифференциация бездействия, проведенная Т. В. Церетели, имеет несомненное теоретическое и практическое значение. Основанное на ней разграничение убийства и неоказания помощи лицом, не причастным к создавшейся опасности — ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), не вызывает возражений. Действительно, при неоказании помощи в таких обстоятельствах «наступление вреда не связано с волевым поведением субъекта, вред возникает вне сферы его деятельности. Лицо, которое... не оказывает необходимой помощи, хотя оно может это сделать, не стоит предварительно в таком отношении к находящимся в опасности объектам, чтобы своим бездействием оказать влияние на течение причинности... Не оказавший помощи лишь случайно сталкивается с поставленными в опасность объектами, лишь случайно оказывается в таком положении, что имеет фактическую возможность действовать для предотвращения вредного последствия».⁶⁸

Однако нельзя согласиться с тем, что оставление без помощи погибающего лицом, специально обязанным заботиться о нем, всегда, если наступила смерть оставленного без помощи, образует состав убийства. Неисполнение обязанности заботиться о другом лице само по себе еще не свидетельствует о причастности бездействовавшего к возникшей опасной ситуации. Этого не учитывает теория Т. В. Церетели. Недостаток ее в том и состоит, что она не дифференцирует специальную обязанность действовать, которая может состоять либо в обязанности не допускать возникновения опасности, либо только в обязанности не оставлять человека в опасности, уже создан-

ной другими лицами или силами природы. Отец обязан заботиться о своем ребенке. Если, возвращаясь с работы, он случайно увидел, что ребенок тонет, и не спасает его, то согласно теории Т. В. Церетели здесь такое же убийство, как в случае, если отец, катаясь на лодке, недосмотрел за ребенком и тот утонул, упав в воду и не получив помощи, хотя отец мог ее оказать. В том и другом случае отец обязан был заботиться о ребенке, но лишь в одном из них он не должен был допустить самого возникновения опасной для жизни ребенка ситуации. В первом случае опасность для ребенка возникла помимо бездействия родителя и нет поэтому объективных оснований ответственности за убийство.

Теория Т. В. Церетели необоснованно расширяет понятие убийства путем бездействия. Следуя этой теории, ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) в случаях смерти оставленного без помощи не может применяться, поскольку она предусматривает ответственность лиц, обязанных в силу нормативного акта или занимаемого положения заботиться об оставленном.

По мнению другого автора,⁶⁹ при разграничении убийства и оставления в опасности следует различать общую обязанность действовать, под которой понимается обязанность в отношении неопределенного круга объектов, и конкретную обязанность, т. е. обязанность по отношению к конкретному объекту. Первая возникает либо непосредственно из уголовного закона, либо из «положений, предусматривающих профессиональные или служебные обязанности в отношении неопределенного круга объектов». Неисполнение такой обязанности, независимо от формы вины по отношению к последствию, всегда должно рассматриваться как специальный деликт по ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) и не может считаться убийством. Вторая возникает «либо из профессионального и служебного долга по отношению к данному объекту, либо из конкретных действий, совершенных лицом по отношению к данному объекту, например из конклюдентных действий». Неисполнение конкретной обязанности влечет ответственность по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127), а если в результате этого наступила смерть, то виновный, по мнению А. С. Горелика, должен отвечать за умышленное или неосторожное убийство, а при прямом умысле к ненаступившим последствиям — за покушение на убийство.

Разграничение общей и конкретной обязанности практически едва ли возможно. А. С. Горелик, например, считает, что врач, не оказавший помощи попутчику в поезде, нарушает лишь общую обязанность действовать, а врач, совершивший «определенные действия, свидетельствующие о принятии обязанности оказания помощи лицу», а затем не оказавший ее, нарушает конкретную обязанность действовать. Однако, прежде чем оказать помощь больному, нужно явиться к нему, осмотреть, поставить диагноз. Помощь всегда оказывается определенному лицу, и этому предшествует совершение определенных действий. Следуя критикуемым рассуждениям, нарушение общей обязанности имеет место лишь в случаях отказа врача явиться к больному. Посещение больного, даже лишь согласие прийти к нему, уже есть определенное действие, свидетельствующее о принятии обязанности заботы о больном. Профессиональные или служебные обязанности по оказанию помощи, как только их приходится исполнять, всегда конкретны.

Попытки найти критерий разграничения оставления в опасности и убийства путем бездействия в источнике обязанности действовать не могут быть до конца успешными, поскольку он (источник) лишь определяет, исчерпывается ли эта обязанность спасением погибающего либо виновный вообще должен заботиться о нем. По источнику обязанности действовать еще нельзя судить о причастности бездействовавшего к возникновению опасной для потерпевшего обстановки. Обязанность заботы о потерпевшем сама по себе не создает при ее неисполнении объективных оснований ответственности за убийство. Их возникновение зависит от объема обязанностей виновного в оставлении в опасности по отношению к потерпевшему.

В этой связи следует разграничивать бездействие, создающее опасность, и бездействие-невмешательство (см. гл. 1, § 3).

Как уже отмечалось, бездействие создает опасность и приравнивается к действию тогда, когда оно удовлетворяет трем условиям: к моменту возникновения обязанности действовать опасной ситуации еще не существует; на бездействовавшем лежала обязанность действовать, чтобы предотвратить возникновение такой ситуации; вследствие бездействия такого лица события развиваются до

степени возникновения опасной ситуации. Также отмечалось, что при бездействии-невмешательстве отсутствует обязанность воспрепятствовать развитию опасной ситуации. Разница, таким образом, в объеме обязанностей: при бездействии, создавшем опасность, виновный должен был предотвратить возникновение опасности, а при бездействии-невмешательстве — лишь оказать помощь, чтобы устранить возникшую опасность.

По объему обязанностей в отношении потерпевшего только и можно правильно разграничить убийство путем бездействия и оставления в опасности.

Объективные основания ответственности за убийство, если последовала смерть оставленного без помощи, будут лишь при бездействии, создающем опасность. А., который мог, но не оказал помощи тонущей женщине, желая по каким-либо мотивам ее гибели, и сознался в этом, не может быть привлечен к ответственности за убийство, поскольку опасность для этой женщины возникла помимо его. При неоказании помощи нет объективных оснований ответственности за убийство. При бездействии, создавшем опасность, объективные основания ответственности за убийство есть: опасная ситуация создана бездействием обвиняемого. Если к тому же при создании опасности виновный предвидел и желал или сознательно допускал возможность смерти оставленного без помощи, то налицо умышленное убийство или покушение на него.

Так, за умышленное убийство, а не за оставление в опасности, осуждена В., которая, почувствовав приближение родов, не обратилась за помощью в лечебное учреждение, а, родив над ведром жизнеспособного ребенка, не приняла никаких мер к сохранению его жизни, когда же ребенок умер, похоронила его во дворе.⁷⁰

Опасность может быть создана и по неосторожности. Если в таком случае виновный осознал уже возникшую, созданную им опасность и не оказал помощи, которую мог оказать без риска для себя и для других, то содеянное выходит за рамки оставления в опасности. Б., находясь с девушками на помосте, балуясь, сбросил Н. в воду, а когда она, не умея плавать, о чем ему, кстати, было известно, стала звать на помощь, ничего не предпринял для ее спасения, хотя хорошо плавал и понимал, что девушка тонет. Нельзя согласиться с судом, признавшим Б. виновным в оставлении в опасности.⁷¹ Неосторожно

создавая опасность, Б. не предвидел последствий своего баловства. Однако, когда опасность уже возникла и Б. осознал это, его бездействие свидетельствовало по крайней мере о безразличном отношении к жизни девушки, и он должен отвечать за умышленное убийство.

Следовательно, умышленное убийство, а не оставление в опасности имеет место и в том случае, когда опасность создана по неосторожности, но после ее возникновения осознана виновным, который мог, но не оказал помощи погибающему.

Если неосторожно созданная опасность не осознана человеком, то его ответственность определяется в зависимости от тяжести наступивших последствий и возможности их предвидения.

В этой связи интересно дело Н., признанного виновным в том, что он оставил в опасности шестилетнего Сашу Т. С разрешения санитарки Т., матери Саши, врач Н. взял его с собой покататься на лодке. Переправившись на противоположный берег реки, Н. велел мальчику побыть на берегу, а сам поехал на лодке в ближайшую деревню на свидание с девушкой. Берег, на котором был оставлен мальчик, порос кустарником и высокой травой, и ребенок не мог видеть деревни. Когда стало темно, он испугался, начал звать на помощь (это слышали люди на другом берегу), а затем стал переходить реку (ширина ее около 20 м) и утонул.

Оставляя мальчика одного, Н., как указано в приговоре,⁷² не подумал о том, что с ним может что-либо случиться. В момент оставления Саши никакая опасность ему не угрожала. Заведомость опасности — одно из условий применения ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) — в данном случае отсутствовала. Неосторожное создание опасности, не осознанное человеком, и последующее оставление без помощи, не повлекшее последствий, не образуют по советскому законодательству состава преступления. В то же время неосторожное создание опасности означает, что виновный должен был и мог предвидеть возможность наступления тяжких последствий и потому отвечает за неосторожное их причинение. За неосторожное лишение жизни должен был нести ответственность и Н.

Повлекшее смерть неосторожное создание опасности должностным лицом, обязанным в силу своего служебного положения проявлять заботу о других, образует состав

должностной халатности. Пленум Верховного Суда СССР признал должностную халатность в поведении Ш., дежурного фельдшера станции Молодечно. Отправив в больницу снятую с поезда Б., Ш. не позаботилась о ее двух малолетних детях, удалив их с медпункта, расположенного в помещении вокзала. Впоследствии дети Б. оказались в Вильнюсе, где один из них умер в больнице.⁷³

Неосторожное лишение жизни (а равно должностная халатность) — более тяжкое преступление, чем оставление в опасности. Однако неосторожное создание опасности, не осознанное лицом и не повлекшее последствий, не образует состава преступления, за исключением случаев, предусмотренных законом, тогда как заведомое оставление в опасности влечет за собой уголовную ответственность само по себе и без наступления последствий.

Неосторожное создание опасности, не осознанное виновным после ее возникновения и повлекшее телесные повреждения, тяжкие или менее тяжкие, должно квалифицироваться по ст. 112 (114).

Санитарка родильного отделения сельской больницы А. была признана виновной в том, что, положив новорожденного к горячей печке, оставила его без присмотра и не подходила к нему в течение сорока минут, в результате чего ребенок получил ожоги левой руки и левой ягодицы. Признавая себя виновной, А. объяснила, что, пеленая ребенка, обнаружила у него холодные ноги и, чтобы согреть его, запеленав, положила около печи, не подумав о том, что он может получить ожоги. Органами прокуратуры ее действия были квалифицированы как оставление в опасности. Народный суд не согласился с такой квалификацией, считая, что, ставя кровать с новорожденным у печи, А. не сознавала, что тем самым создает для ребенка опасность, и правильно осудил ее за неосторожное причинение телесных повреждений.⁷⁴

Глава 5. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЖИЗНИ, ЗДОРОВЬЯ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

§ 1. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта

Часть 1 ст. 82 (ч. 1 ст. 85) предусматривает ответственность за «нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, повлекший те же последствия».

Часть 2 этой же статьи говорит о таких же деяниях, «если они не повлекли, но заведомо создавали угрозу наступления тех же последствий».

Соответственно такой редакции ст. 82 (85) состав поставления в опасность жизни, здоровья людей и материальных ценностей может быть сформулирован как нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, если эти нарушения заведомо создавали угрозу несчастных случаев с людьми, крушения, аварии или иных тяжких последствий.

*

* *

Объективная сторона преступления состоит в создании конкретной опасности для людей либо материальных ценностей нарушением правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, водного, воздушно-

размеров материального ущерба, нанесенного государству или кооперативной организации.

Загрязнение водоемов может быть умышленным либо неосторожным, вина к ненаступившим (а равно наступившим) последствиям является неосторожной. При умысле на причинение существенного вреда сельскохозяйственному производству или рыбным запасам преступление квалифицируется по ст. 15 (15) и ч. 2 ст. 96 (ч. 2 ст. 98). При умысле на массовое отравление или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советской власти применяются ст. 15 (15) и ст. 65 (68).

Субъектами преступления могут быть должностные и недолжностные лица. В литературе отмечается, что совершение должностным лицом, действий, упомянутых в ст. 218 (223), является специальным видом должностного преступления и потому не требует квалификации их по правилам совокупности преступлений.⁶⁵ Это верно лишь в отношении материального состава загрязнения водоемов. В части поставления в опасность преступление, предусмотренное ст. 218 (223) УК, не может быть видом должностного преступления, поскольку составной частью последнего является существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Недолжностные лица указанных в ст. 218 (223) учреждений несут ответственность, если, несмотря на наличие обезвреживающих установок, загрязняли водоем отходами или отбросами, или там, где таких установок не было и отбросы должны были вывозиться в другие места, сбрасывали их в водоемы. Они несут ответственность по ст. 218 (223) и в том случае, когда действовали по распоряжению должностного лица, но сознавали его противозаконность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные составы поставления в опасность связаны либо с неосторожностью при использовании источника повышенной опасности, либо с бытовой неосторожностью.

Неосторожность в быту и при использовании источника повышенной опасности внешне одинакова: субъект не знает правил техники безопасности либо знает их, но не умеет или не желает соблюдать. Однако если правила бытовой безопасности просты и немногочисленны, то правила использования источника повышенной опасности сложны, многочисленны и требуют специальных знаний. Существенно различны и последствия несоблюдения правил безопасности. Если при бытовой неосторожности они поражают отдельных лиц и сравнительно редко, то нарушения правил использования источника повышенной опасности встречаются чаще, поражают массы людей, наносят колоссальный материальный ущерб.⁶⁶

Неосторожность в быту не столь опасна и поэтому преследуется на основании уголовного закона обычно при наступлении последствий. Лишь в виде исключения составы формулируются как поставление в опасность.

Напротив, исключительная опасность нарушений правил безопасности использования источников повышенной опасности вынуждает к признанию преступления и бесследственных нарушений, создавших конкретную угрозу для людей и материальных ценностей. По мысли законодателя, такая угроза в арсенале средств предупреждения отрицательных проявлений технического прогресса должна содействовать их предупреждению.

Между тем большинство законов об уголовной ответственности за поставление в опасность нарушениями правил использования источников повышенной опасности

применяется очень редко.⁶⁷ Не было случаев осуждения в БССР за загрязнение атмосферного воздуха. Между тем постоянная комиссия по охране природы Верховного Совета БССР в марте 1971 г. констатировала, что Министерство промышленности стройматериалов, Управление нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, Главное производственное управление энергетики и электрификации, а также руководители Гомельского химического завода, Могилевского и Светлогорского заводов искусственного волокна, Витебского комбината известковых материалов, Новополоцкого нефтеперерабатывающего и Гродненского азототукового заводов, минских ТЭЦ-3, завода отопительного оборудования и других предприятий не приняли должных мер к предотвращению загрязнения воздушного бассейна.⁶⁸

Основной причиной редкого применения законов об уголовной ответственности за поставление в опасность является недооценка социальной опасности таких преступлений.

Известный ученый Жак-Ив Кусто говорит: «Я прекрасно понимаю, чего не хватает для того, чтобы действительно начать борьбу за охрану окружающей среды: общего сознания опасности, давления общественности».⁶⁹

Такого сознания опасности нет и при нарушениях правил использования источника повышенной опасности, обошедшихся без тяжких последствий.

Представление об упречном как реально вредоносном складывалось веками. Счастливым исход по-прежнему не вызывает у третьих лиц чувства необходимости наказания за поведение, которое лишь могло вызвать тяжкие последствия. Поэтому народное правосознание необходимо в этой части переформировывать. И начать надо с правосознания тех, кто призван применять закон.

Недооценка социальной опасности имеется и в отношении оставления в опасности. Обращает на себя внимание отсутствие случаев привлечения к ответственности за оставление без помощи лиц, подвергшихся преступным нападениям.⁷⁰

Другой причиной, препятствующей надлежащему применению законов об ответственности за поставление в опасность, является теория неизбежности несчастных случаев при использовании источников повышенной опасности. В советской печати высказано мнение, что «в огром-

ной промышленности несчастные случаи, к сожалению, возможны».⁷¹ В юридической литературе О. С. Иоффе объясняет это тем, что «техника... неизбежно развивается быстрее, чем техника безопасности, поскольку самый вопрос об изобретении эффективного средства безопасного использования того или иного механизма не может быть поставлен ранее изобретения этого механизма».⁷² На этой основе М. С. Грипберг утверждает, что «пользование источниками повышенной опасности само по себе составляет определенную причину возникновения вредоносных происшествий и как таковое связано с известным риском, степень которого зависит от технического и научного прогресса, от состояния техники безопасности, но не зависит от воли и поведения конкретного лица».⁷³

С этим согласиться нельзя. Целью социалистического производства является удовлетворение материальных и культурных потребностей человека. Машины — могучее средство осуществления этой цели. Но использование техники подчинено у нас строгому нормированию. Темп работы согласуется с физиологическими возможностями человеческого организма. Создание новых машин сопровождается принятием правил их безопасного использования.⁷⁴

Нельзя допускать, чтобы техника безопасности отставала от самой техники. Действие нового механизма в основном известно до его создания. Остальное выясняется в процессе испытания. Сдача же его в эксплуатацию должна сопровождаться правилами техники безопасности. Если это условие соблюдается, то пользование источником повышенной опасности не может само по себе быть причиной возникновения вредоносных происшествий, и если они имеются, то это зависит от поведения конкретного лица. Не сами машины с неизбежностью влекут за собой вредоносные происшествия, а нарушения правил их эксплуатации. Где нет таких нарушений, там нет несчастных случаев. Это подтверждается опытом работы многих предприятий, участков дорог.

В передовой статье «Советской Белоруссии» «За безопасность движения» от 15 июля 1971 г. правильно указывалось: «Было бы глубоко ошибочным полагать, что аварийность — это неизбежное зло. Его можно свести на нет. Об этом красноречиво свидетельствует опыт передовых автохозяйств».

Нельзя не согласиться с Б. С. Антимоновым, который писал, что статистика несчастных случаев «вовсе не дает оснований к пессимистическому выводу: так было, значит так и будет. Дело строителей социализма, — по крылатому слову Маркса, — в том, чтобы «изменить мир». В области техники дело также в том, чтобы изменить то, что было. Так было, но так не будет, тем более не будет при коммунистическом строе... В социалистическом обществе несчастные случаи от применения передовой техники вообще принципиально устранимы».⁷⁵ В области уголовного права теория неизбежности несчастных случаев ведет к отрицанию необходимости применения анализируемых законов: если несчастные случаи неизбежны, то надо довольствоваться тем, что их в данном конкретном случае не было, а не наказывать только за то, что они могли иметь место.

Третьей причиной редкого применения законов об уголовной ответственности за поставление в опасность является порядок расследования этих преступлений.

Согласно Положению о расследовании и учете несчастных случаев на производстве (утвержденному Постановлением Президиума ВЦСПС от 20 мая 1966 г.)⁷⁶ расследованию и учету подлежат только несчастные случаи. Случаи поставления в опасность вообще не отнесены к числу тех, которые должны расследоваться. В Положении о техническом инспекторе профсоюза (утвержденном Постановлением Президиума ВЦСПС от 26 августа 1966 г.)⁷⁷ к числу обязанностей технического инспектора отнесено расследование групповых, смертельных и тяжелых несчастных случаев (п. «д» ст. 11). В Положении также указано, что технический инспектор имеет право «налагать в установленных размерах штрафы на должностных лиц за нарушение правил и норм по охране труда или направлять следственным органам материалы для привлечения виновных лиц к ответственности» (п. «з» ст. 13). Можно считать, что под такие нарушения правил и норм по охране труда подпадают и случаи поставления в опасность. Хотя они образуют состав преступления, вопрос о характере ответственности фактически предпринимает технический инспектор.

На основании Инструкции о порядке служебного расследования случаев брака в поездной и маневровой работе (утвержденной 22 августа 1960 г. заместителем мини-

стра путей сообщения СССР) расследование брака особого учета⁷⁸ на железной дороге производят сами работники железнодорожной администрации: начальник отделения дороги, ревизор по безопасности движения отделения, начальники отделов отделения дороги и другие, по хозяйству которых учитывается брак (ст. 2).

Положение о порядке расследования морских аварий (утвержденное приказом министра Морского флота СССР от 12 февраля 1957 г.)⁷⁹ предусматривает расследование происшествий, не являющихся кораблекрушением или аварией, судовладельцами в порядке подчиненности. Согласно Инструкции о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР (утвержденной Приказом министра Речного флота РСФСР от 9 апреля 1971 г.)⁸⁰ расследование аварий и аварийных происшествий производится судоходными инспекциями (ст. 15), а органы прокуратуры ставятся в известность о содеянном, если оно квалифицируется как авария (ст. 9).

Брак в работе и предпосылки к авариям и аварийным происшествиям⁸¹ подлежат ведомственному расследованию и дисциплинарному воздействию. Так что органы прокуратуры не осведомлены не только о случаях поставления в опасность (к ним относится большинство случаев брака в работе и предпосылок к авариям и аварийным происшествиям), но и об аварийных происшествиях. Между тем названная Инструкция была согласована с КГБ СССР и прокурором РСФСР.

Поставление в опасность нарушением правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, расследуется должностными лицами санитарно-эпидемиологической службы, которые согласно Положению о государственном санитарном надзоре в СССР от 31 мая 1973 г. «в необходимых случаях... имеют право возбуждать перед органами прокуратуры вопрос о привлечении виновных к уголовной ответственности» (п. 9).⁸²

По делам об уклонении от лечения венерической болезнью и поставлении в опасность заражения такой болезнью приказом министра здравоохранения СССР предписано «вопросы о передаче материалов в следственные органы решать комиссией в составе: врача дермато-венеролога, заведующего отделением и главного врача кож-

но-венерологического (или другого лечебно-профилактического) учреждения».⁸³

Практика свидетельствует о том, что соответствующие лица обычно не сообщают прокуратуре о случаях поставления в опасность, вследствие чего органы прокуратуры не осведомлены о нарушениях, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья людей. Не осведомлены органы прокуратуры и о большинстве случаев не оказания медицинской помощи, поскольку органы здравоохранения ограничиваются применением к виновным мер дисциплинарного воздействия и не передают материалы следственным органам. Между тем, если нарушение образует состав преступления, то вопрос об ответственности должен решаться органами прокуратуры. Поэтому упомянутые Положения и Инструкции о порядке расследования преступлений, опасных для жизни и здоровья, следует привести в соответствие с нормами уголовного законодательства. Передача материалов о нарушителях следственным органам должна быть обязанностью технического инспектора, железнодорожной администрации, судходной инспекции, медицинских и других учреждений, если нарушение образует состав преступления. Без этого эффективная борьба с преступлениями, опасными для жизни и здоровья, вряд ли возможна.

Как видно, между законами об ответственности за преступления, опасные для жизни и здоровья (особенно об ответственности за поставление в опасность нарушением правил использования источников повышенной опасности), и практикой их применения образовался определенный разрыв.

В истории советского государства был небольшой отрезок времени, когда законы служили главным образом формой пропаганды. На XI съезде РКП(б) В. И. Ленин об этом говорил: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов».⁸⁴

Так было в первые месяцы Советской власти, когда она еще не была достаточно сильной, чтобы обеспечить соблюдение всех своих декретов.

Полоса, когда законы выполняли только пропагандистскую роль, давно прошла. Сейчас законы не говорят «вот как нам хотелось бы», «попробуйте», а требуют от всех граждан строгого соблюдения содержащихся в них предписаний, а от соответствующих государственных органов — привлечения к ответственности виновных в несоблюдении этих предписаний.

Мало издать даже самые совершенные законы. Цели, поставленные ими, будут достигнуты только при неуклонном соблюдении социалистической законности, т. е. применением этих законов. Закон, в частности уголовный, сохраняет свое предупредительно-воспитательное воздействие до тех пор, пока он не нарушается или его нарушение влечет применение указанных в нем санкций, будь то меры уголовного наказания или общественного воздействия. Если же неоднократные нарушения данного закона остаются вне воздействия, то его предупредительно-воспитательное значение снижается, а то и вовсе теряется.

Так обстоит дело со значительной частью законов об ответственности за преступления, опасные для жизни и здоровья.

Большая часть наших граждан не читает уголовного кодекса и свои суждения о преступности и наказуемости тех или иных деяний основывает на судебно-прокурорской практике. Когда деяния, предусмотренные уголовным законом в качестве преступных, фактически не преследуются, они и оцениваются этими гражданами как не-преступные. Наша печать часто говорит об оставлении в опасности и не оказании во внеслужебное время медицинской помощи как лишь об аморальных поступках. Мало кто знает, что закон считает преступлением само нарушение правил безопасности труда, не повлекшее никаких вредных последствий, но лишь создавшее угрозу наступления таких последствий. Еще меньше людей осведомлено о преступности загрязнения воздуха или водоемов. Все это является следствием того, что соответствующие законы на практике редко применяются. Таким образом, создается разрыв между оценкой данных деяний законом и большинством граждан.

Сказанным не исчерпываются отрицательные последствия неприменения на практике ряда анализируемых в настоящей работе законов.

Главное состоит, пожалуй, в том, что неисполнение указанных законов воспитывает неуважение к законам вообще. А это уже опасно для правопорядка. Поэтому мы постоянно должны воспитывать уважение к нашим советским законам.

Действующие законы должны соблюдаться. Если кто-либо не согласен с тем или иным законом, он может внести предложение об его отмене или изменении. Но пока закон не изменен, его нужно соблюдать. Тем более, что не возникает сомнений в необходимости законов, предусматривающих уголовную ответственность за поставленные в опасность и оставление в опасности.

Поскольку это так, постольку необходимо прежде всего привлечь внимание к этим законам тех, кто по долгу своего служебного положения обязан следить за их исполнением. Специальное постановление Пленума Верховного Суда СССР и приказ Генерального Прокурора Союза СССР, обращающие внимание судебных и следственно-прокурорских работников на опасность нарушений правил использования источников повышенной опасности и других преступлений, опасных для жизни, здоровья людей и материальных ценностей, и требующие применять соответствующие законы, были бы важным событием в формировании нового отношения к названным преступлениям.

*
* * *

В целях совершенствования законодательства о борьбе с преступлениями, опасными для жизни и здоровья, и практики его применения в работе предпринята попытка обобщить следующие предложения.

А. В области нормативных актов о расследовании названных преступлений

1. В Положении о техническом инспекторе профсоюза и Положении о расследовании несчастных случаев на производстве⁸⁵ указать на обязанность передавать материалы следственным органам и в случаях, когда нарушения правил охраны труда не повлекли, но могли по-

влечь последствия, указанные в ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) УК.

2. В Инструкции о порядке служебного расследования случаев брака в поездной и маневровой работе, в Положении о порядке расследования морских аварий и в Инструкции о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях⁸⁶ указать на обязанность работников железнодорожной администрации, владельцев судов, судоходных инспекций передавать материалы следственным органам и в тех случаях, когда нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, указанных в ст. 82 (85) УК, не повлекли, но могли повлечь последствия, указанные в этой статье.

3. В Положении о государственном санитарном надзоре в СССР⁸⁷ указать, что во всех случаях, когда нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, повлекло или могло повлечь распространение заразных заболеваний, органы санитарного надзора обязаны передавать материалы следственным органам для привлечения виновных к ответственности по ст. 217 (222) УК. Предусмотреть такую обязанность и в случаях загрязнения водоемов и воздуха, если они повлекли или могли повлечь последствия, указанные в ст. 218 (223) УК.

4. Приказом министерства здравоохранения СССР обязать главврачей кожно-венерологических учреждений передавать материалы органам прокуратуры на лиц, уклоняющихся от лечения венерической болезни, несмотря на предупреждение их со стороны органов медицинского учреждения, а равно на лиц, которые нарушают правила поведения в быту и тем самым создают опасность заражения других лиц венерической болезнью. Таким же Приказом возложить обязанность на городские (районные) отделы здравоохранения передавать следственным органам материалы на лиц медицинского персонала, не оказавших без уважительных причин медицинской помощи лицам, жизни которых угрожала опасность.

5. Министерству юстиции СССР вместе с соответствующими организациями утвердить список ядовитых, а также сильнодействующих веществ, не являющихся наркотическими, незаконное изготовление которых, сбыт, хранение с целью сбыта, а равно нарушение правил

их использования влечет ответственность по ст. 219 (224) УК.

В. В области уголовного законодательства

1. Из ч. 2 ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) УК) исключить слово «заведомо».

2. Статью 114 (116) УК сформулировать в следующей редакции: «Производство аборта вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний врачом, имеющим высшее специальное медицинское образование,—

наказывается...

Производство аборта лицом, не имеющим высшего специального медицинского образования,—

наказываются...»

Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные неоднократно или повлекшие смерть потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений,—

наказываются...»

3. Часть 1 ст. 126 (ч. 1 ст. 128) УК сформулировать в следующей редакции: «Неоказание без уважительных причин медицинской помощи больному лицами медицинского персонала, обязанными оказывать такую помощь,—

наказывается...»

4. В ч. ч. 1 и 2 ст. 206¹ (ч. ч. 1 и 2 ст. 211¹) УК вместо слов «лицом, находящимся в состоянии опьянения» указать «лицом, находящимся в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения».

5. Изменить санкцию ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) УК, предусмотрев в качестве наказания лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок, или увольнение от должности.

6. Статью 219 УК сформулировать следующим образом: «Изготовление, сбыт, а равно хранение с целью сбыта или приобретение с той же целью наркотических веществ без специального на то разрешения,—

наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, с обязательной конфискацией наркотических веществ.

Изготовление, сбыт, а равно хранение с той же целью других сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими веществами, совершенные без специального на то разрешения,—

наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года с конфискацией сильнодействующих и ядовитых веществ.

Нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки наркотических и других сильнодействующих и ядовитых веществ —

наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей».

7. Главу Уголовного кодекса «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» дополнить составами: «Поставление в опасность жизни или здоровья другого лица —

наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года» (ст. 112¹) и «Понуждение женщины к производству аборта,—

наказывается лишением свободы на срок до двух лет» (ст. 114¹).

В. В области других законов

1. В ст. 35 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении заменить в ч. 1 слова «не достигшим шестнадцатилетнего возраста» словами «не достигшим восемнадцатилетнего возраста».

2. В ст. 13 (ч. 1, 2, 3) Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 июля 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»⁸⁸ слова «в состоянии опьянения» заменить словами «в состоянии алкогольного или наркотического опьянения».

3. В соответствии со ст. 31 (п. «б») Конституции БССР разъяснить значение термина «неоднократность», содержащегося в ряде статей Уголовного кодекса.

Г. В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР

1. Из постановления № 9 от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве»⁸⁹ исключить пункт 1.

2. В постановлении № 4 от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений»⁹⁰ п. 4 сформулировать в следующей редакции: «Объектом преступного посягательства, предусмотренного ст. 140 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, является жизнь и здоровье людей, а объектом преступных посягательств, предусмотренных статьями 214—216 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, — жизнь, здоровье людей и социалистическая и личная собственность граждан. Поэтому потерпевшими в результате преступных нарушений правил охраны труда могут быть не только работники предприятия (колхоза), но и любые другие лица».

3. В постановление № 11 Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях»⁹¹ внести пункт, разъясняющий вопросы квалификации нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств метрополитена.

4. В том же Постановлении п. 12 (ч. 1) сформулировать следующим образом:

«Лицо, лишенное права управлять транспортными средствами не за административное нарушение, а по приговору суда за преступление, предусмотренное ст. 211 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, и после этого вновь допустившее управление транспортным средством в состоянии опьянения, подлежит административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, за исключением тех случаев, когда нарушение, повлекшее указанные в этой статье последствия, выразилось в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. В последнем случае действия виновного, вновь допустившего управление транспортным средством в состоянии опьянения, подлежат квалификации по ст. 211¹ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик».

5. Пленуму Верховного Суда СССР в специальном постановлении о судебной практике по делам о преступлениях, опасных для жизни и здоровья, нацелить судеб-

ные органы на действенную борьбу с этими преступлениями. Приказом Генерального Прокурора обратить внимание прокурорско-следственных органов на опасность этих же преступлений, необходимость выявления и расследования всех случаев преступного нарушения правил безопасности эксплуатации источников повышенной опасности и других преступлений, опасных для жизни и здоровья, и предания суду виновных.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение. Глава 1

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 90—91.

² Из Заявления Советского правительства.— «Известия» от 22 августа 1963 г.

³ «Правда» от 11 апреля 1972 г.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 106.

⁵ Здесь и в дальнейшем, если не оговорено иное, имеется в виду Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. В скобках указываются соответствующие статьи Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.

⁶ См.: Советское уголовное право. Библиография. 1917—1960. Составители: Ф. М. Аскназий и Н. В. Маршалова. М., 1961, стр. 219 и след.; Курс советского уголовного права. Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе, т. V. М., 1971, стр. 17.

⁷ И. И. Горелик. Преступления, опасные для жизни и здоровья. Л., 1965, стр. 37; отдельные журнальные статьи, упоминаемые в дальнейшем.

⁸ Н. Ф. Кузнецова. Преступление и преступность. М., 1969, стр. 70.

⁹ В социалистическом уголовном праве эти пределы еще несколько расширяются за счет признания преступным доведения до самоубийства: уголовные кодексы советских социалистических республик. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии 1968 г. (ч. 3 ст. 127) и др.

¹⁰ Такая оценка деяний, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья людей, является весьма распространенной. См.: В. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957, стр. 127; Б. С. Никифоров. Объект преступления. М., 1960, стр. 20, 26; В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. М., 1960, стр. 100; М. Г. Угрехелидзе. Уголовная ответственность за неосторожность.— «Советское государство и право», 1970, № 12; А. А. Пионтковский. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса.— «Советское государство и право», 1972, № 4; и др.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 108.

¹² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 119—120.

¹³ Приговор народного суда Ивановского района Брестской области от 4 января 1958 г.

¹⁴ Уголовное право. Особенная часть. М., 1939, стр. 203. Также:

Н. Манчев. Преступления против личностата. София, 1963, стр. 309.

¹⁵ М. Д. Шаргородский. Вопросы наказания в проекте уголовного кодекса...— «Советское государство и право», 1955, № 1, стр. 53.

¹⁶ З. А. Вышинская. Преступления в области трудовых отношений. М., 1949, стр. 96.

¹⁷ С. Келина. Об уголовно-правовой защите политических и трудовых прав граждан.— «Советское государство и право», 1963, № 8, стр. 67; Э. Зинченко. Нарушение правил безопасности горных работ.— «Социалистическая законность», 1971, № 7, стр. 53.

¹⁸ А. С. Никифоров. Ответственность за телесные повреждения. М., 1959, стр. 7.

¹⁹ Приговор народного суда Ляховичского района Брестской области от 23 августа 1958 г. по делу М. См. также: Э. Зинченко. Судебные дела о нарушениях правил по охране труда и технике безопасности.— «Социалистическая законность», 1969, № 9, стр. 39.

²⁰ Потребление наркотиков является преступлением согласно уголовным кодексам ТССР (ст. 257), АрмССР (ст. 229), КиргССР (ст. 235²), АзССР (ст. 226).

²¹ Такое определение конкретно опасных действий дано автором в работе «Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву» (Минск, 1964, стр. 7). А. А. Пионтковский определяет конкретную опасность как «определенные действия или бездействия лишь при условии, если они могли в конкретных условиях повлечь за собой наступление вредных последствий» (А. А. Пионтковский. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса.— «Советское государство и право», 1972, № 4, стр. 32). Примерно таким же является определение конкретной опасности у Т. В. Церетели (см.: Т. В. Церетели. Деликты создания опасности.— «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 56).

²² A. Fräbel. Die strafrechtliche Verantwortlichkeit für Verstöße gegen Arbeitsschutzanordnungen.— «Neue Justiz», 1957, № 23, s. 764.

²³ М. М. Розенталь. Марксистский диалектический метод. М., 1947, стр. 107.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Приговор Оршанского городского суда от 15 сентября 1960 г. по делу Г. и Б.

²⁷ Пример из ст. В. Т. Ткаченко. Ответственность за автомобильно-транспортные преступления по уголовному законодательству союзных республик.— «Советское государство и право», 1963, № 6, стр. 123.

²⁸ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1947, вып. 4, стр. 12.

²⁹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 5, стр. 7.

³⁰ В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления, стр. 104, 170—171.

³¹ Такая характеристика абстрактно опасных действий дана автором в уп. работе (прим. 21) на стр. 11. Определение абстрактно опасных действий А. А. Пионтковским и Т. В. Церетели см. в статьях, упомянутых в прим. 21, соответственно на стр. 32 и 57.

³² Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М.— Л., 1948, стр. 53.

³³ Там же, стр. 56.

³⁴ Взгляд на бездействие как единое понятие критикует и

Я. М. Брайнин. Последний проводит различие между «бездействием как такой формой поведения, которая может непосредственно породить те или иные вредные последствия» и «бездействием в форме невмешательства, выражающегося в невоспрепятствовании наступлению вредных последствий, вызванных другими причинами» (Я. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, стр. 213).

³⁵ О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955, стр. 101—102.

³⁶ Лишь в случае, предусмотренном ст. 126 (128), карается бездействие-невмешательство, когда опасность угрожает хотя бы здоровью больного.

³⁷ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., 1957, стр. 143.

³⁸ А. Н. Трайнин. Учение о составе преступления. М., 1946, стр. 81—83.

³⁹ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, стр. 143.

⁴⁰ Отрицание беспоследственных преступлений не мешает признавать деление преступлений на формальные и материальные (см., например: Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси, 1957, стр. 19—26).

⁴¹ См.: И. Реннеберг. Объективная сторона преступления. Пер. с нем. М., 1957. Предисловие А. А. Пионтковского к русскому изданию, стр. 7.

⁴² М. Д. Шаргородский. Рецензия на книгу А. Н. Трайнина «Учение о составе преступления». — «Советская книга», 1947, № 5, стр. 70.

⁴³ Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, стр. 22.

⁴⁴ Н. Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий. М., 1958, глава I, § 1.

⁴⁵ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, стр. 179; см. также: И. И. Карпец. Индивидуализация наказания. М., 1961, стр. 90.

⁴⁶ Материальные преступления, совершением которых создается опасность для жизни или здоровья людей, отнесены во многих уголовных кодексах социалистических государств к так называемым общеопасным преступлениям и выделены в отдельные главы. См. уголовные кодексы: Болгарии 1968 г. (гл. 11). Чехословакии 1961 г. (гл. 4), ГДР 1968 г. (гл. 7), ФНРЮ 1951 г. (гл. 21). Криминалисты ГДР указывают, что «совершает общеопасное преступление тот, кто подвергает опасности жизнь и здоровье определенной или неопределенной группы лиц или индивидуально неопределенного лица или кто подвергает опасности значительные материальные ценности (U. Dressler, N. Naundorf. Die gemeindefählichen Verbrechen. Berlin, 1955, s. 8). В одном из учебников уголовного права Чехословацкой социалистической республики общеопасные преступления определяются как «такие действия, которые направлены против общества, жизни или здоровья людей или причинили большой ущерб чужому имуществу» (Ceskoslovenské trestní právo. Svazek I, Obecná část. Praha, 1957, s. 235). Приведенные определения, несколько отличающиеся друг от друга, что отражает некоторые различия в системе преступления этой группы, применимы и к соответствующим главам вышеназванных кодексов. Кроме материальных преступлений, совершением которых создается опасность для жизни и здоровья людей, общеопасные преступления включают в себя, как видно из приведенных определений, преступления, направ-

ленные против собственности. В числе общеопасных преступлений имеется ряд составов поставления в опасность группы лиц или индивидуально неопределенного лица.

В советской литературе выделить отдельную группу общеопасных преступлений, которые угрожают жизни или здоровью многих лиц, и отнести их к преступлениям против личности предлагает М. М. Кисенинский (см.: Уч. зап. Томск. ун-та, № 33, юр. науки. Томск, 1957, стр. 118).

⁴⁷ Такая оценка аборта принята и в литературе зарубежных социалистических стран (см.: И. Ненов. Наказательно право на Народна Република България, Особена част, I. София, 1956, стр. 383; Dressler U., Naundorf N. уп. работа, s. 71; Wolinska H. (см.: «Państwo i prawo», 1960, № 2, s. 290).

⁴⁸ Кроме случая, когда принимается легкое телесное повреждение, не образующее по ряду кодексов советских республик состава преступления против личности.

⁴⁹ Ср., например, п. «б» ст. 200 УК БССР 1928 г. со ст. 137 УК БССР 1960 г. (ч. 3 ст. 133 УК РСФСР 1926 г. со ст. 140 УК РСФСР 1960 г.).

⁵⁰ В редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 19 марта 1971 г. (СЗ БССР, 1971, № 9, ст. 115).

⁵¹ Ст. 112 УК УССР; ч. 1, ст. 115 УК ЛатвССР; ст. ст. 126, 127 УК ЭССР.

⁵² Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М.—Л., 1948, стр. 55.

⁵³ «Социалистическая законность», 1945, № 3, стр. 47.

⁵⁴ Т. В. Церетели. Деликты создания опасности. — «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 60.

⁵⁵ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, стр. 260—272; А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951, стр. 331—337; Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили. Состав преступления как основание уголовной ответственности. — «Советское государство и право», 1954, № 5, стр. 75—77; Н. Ф. Кузнецова. Преступление и преступность, стр. 119—132.

⁵⁶ А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 331.

⁵⁷ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, стр. 266.

⁵⁸ Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили. Состав преступления как основание уголовной ответственности. — «Советское государство и право», 1954, № 5, стр. 75.

⁵⁹ Там же, стр. 76.

⁶⁰ Оправдательный приговор народного суда Сиротинского района Витебской области от 16 января 1961 г. по делу А.

⁶¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. Л., 1962, стр. 369.

⁶² Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Особенная часть. Свердловск, 1962, стр. 425; Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, стр. 340.

⁶³ Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, стр. 459.

⁶⁴ Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, стр. 466.

⁶⁵ Комментарий УК РСФСР. М., 1963, стр. 463.

⁶⁶ Необходимость конкретизации таких признаков состава, как тяжкие последствия, признает большинство авторов. См., например:

Б. С. Никифоров. Итоги кодификации Советского уголовного законодательства и некоторые вопросы совершенствования уголовно-правовых норм (см.: Научная конференция «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма». Л., 1963, стр. 17); А. Наумов. О конкретизации тяжких последствий.— «Советская юстиция», 1972, № 11.

⁶⁷ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, стр. 266.

⁶⁸ Там же, стр. 270.

⁶⁹ С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, стр. 15.

⁷⁰ Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1952, стр. 276.

⁷¹ М. Д. Шаргородский. Научный прогресс и уголовное право.— «Советское государство и право», 1969, № 12, стр. 89.

⁷² М. Г. Узрехелидзе. Уголовная ответственность за неосторожность.— «Советское государство и право», 1969, № 12, стр. 110.

⁷³ М. Д. Шаргородский. Научный прогресс и уголовное право.— «Советское государство и право», 1969, № 12, стр. 91—92.

⁷⁴ См., например: Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969, стр. 176.

⁷⁵ А. Б. Сахаров. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., 1956, стр. 112, 113.

⁷⁶ Н. Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий, стр. 92, 93; Б. С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965, стр. 41.

⁷⁷ И. Филановский. Составы с простой и сложной формой вины.— «Советская юстиция», 1967, № 14.

⁷⁸ П. С. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток, 1968, стр. 131.

⁷⁹ Там же, стр. 133.

⁸⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970. М., 1970, стр. 492.

⁸¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1947, вып. I (XXXV), стр. 9.

⁸² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1956, № 6, стр. 15. См. также: дело Гапанюка (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1959, № 5, стр. 6—7). Б. А. Куринов также отмечает, что предположения о нецелесообразности раздельного рассмотрения субъективного отношения виновного к общественно опасному действию и преступному результату находятся в противоречии с теми совершенно правильными положениями, которые сложились в нашей судебной практике (Б. Куринов. Понятие неосторожности в «Основах уголовного законодательства».— Вестник Моск. ун-та, сер. 7, право, № 3, 1960, стр. 15).

⁸³ Г. Кригер. Еще раз о смешанной форме вины.— «Советская юстиция», 1967, № 3, стр. 5.

⁸⁴ См.: Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1971, гл. 13.

⁸⁵ Например, в ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) УК.

⁸⁶ Например, УК Социалистической Федеративной Республики Югославии 1951 г. различает умышленное нарушение правил безопасности движения транспорта (ч. 1 ст. 271) и неосторожное нарушение тех же правил (ч. 3 ст. 271), умышленное нарушение правил безопасности при производстве строительных работ (ч. 1 ст. 270) и неосторожное нарушение тех же правил (ч. 2 ст. 270).

⁸⁷ Так, например, по законодательству СССР не образует состава преступления неосторожное создание опасности нарушением правил безопасности движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта (ч. 2 ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления от 25/ХІІ 1958 г.— ч. 2 ст. 82 УК).

⁸⁸ Советские уголовные кодексы не разграничивают составы представления в опасность по формам вины, как это имеет место в УК СФРЮ.

⁸⁹ См.: В. Д. Пакутин. Некоторые вопросы ответственности за преступные нарушения правил производства строительных работ и работ в горной промышленности (Уч. зап. ВИЮН, вып. 7, 1959, стр. 150).

⁹⁰ См.: Расследование дел о вредительских и диверсионных актах, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил по технике безопасности.— Пособие для следователя. М., 1937, стр. 8.

⁹¹ П. С. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 141.

⁹² Г. Кригер. Еще раз о смешанной форме вины.— «Советская юстиция», 1967, № 3, стр. 6; И. Г. Филановский. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970, стр. 154.

⁹³ Е. Фролов, А. Свинкин. Двойная форма вины.— «Советская юстиция», 1969, № 7, стр. 8.

⁹⁴ Следует согласиться с В. Кириченко в том, что разграничение форм вины необходимо и в отношении обстоятельств, которые не соотносятся между собой как действие (бездействие) и последствие. Так, например, при изнасиловании несовершеннолетней преступление совершается с прямым умыслом, а в отношении несовершеннолетия потерпевшей вина может быть неосторожной. (В. Кириченко. Смешанные формы вины.— «Советская юстиция», 1966, № 19, стр. 14.)

⁹⁵ М. И. Блум. Ответственность за преступную халатность должностных лиц по советскому уголовному праву.— Уч. зап. Латв. гос. ун-та, т. XII, юрид. науки, вып. I. Рига, 1957, стр. 182.

⁹⁶ Н. С. Таганцев. Русское уголовное право. Часть общая, т. 1, изд. 2-е. СПб., 1902, стр. 702; А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, стр. 307; А. А. Пионтковский.— Курс советского уголовного права. Т. II. М., 1970, стр. 428—429; Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955, стр. 124—125; И. С. Тишкевич. Приготовление и покушение по уголовному праву. М., 1958, стр. 198—199; В. Кудрявцев. Квалифицировать преступление в строгом соответствии с законом.— «Советская юстиция», 1963, № 13, стр. 7; Э. Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, стр. 59; и др.

⁹⁷ А. Mogilnicki. Zamiar wynikowy i usilowanie.— «Państwo i prawo», 1948, № 1, s. 70.

⁹⁸ W. Bugajski. Zamiar ewentualny i usilowanie.— «Nowe prawo», 1961, № 1, s. 30.

⁹⁹ В двух случаях для наличия состава преступления закон требует только прямого умысла: во-первых, когда само преступление неминуемо при иной форме вины (например, кража), во-вторых, когда в самом законе субъективная сторона данного преступления ограничена прямым умыслом. См., например, ст. 123 (125) УК.

¹⁰⁰ Возражая против такого аргумента, высказанного в польской литературе С. Сливинским (S. Sliwinski. Polskie prawo karne materialne. Warszawa, 1946, s. 302) и В. Вольтером (W. Wolter. Prawo karne.

Сзѣс оgoлпа. Warszawa, 1947), Д. Могильницкий говорит, что закон признает одинаково опасным и оконченное и неоконченное преступление, устанавливая одинаковую ответственность (см.: «Państwo i prawo», 1948, № 1/23, s. 71).

Это действительно так, если исходить только из того, что оконченное и неоконченное преступления преследуются по одной и той же статье, в которой наказание не дифференцируется в зависимости от того, окончено ли преступление. В то же время закон признает отсутствие последствий смягчающим обстоятельством. Следовательно, оконченное и неоконченное преступления не являются одинаково опасными, как прямой и косвенный умысел.

¹⁰¹ Э. Немировский. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917, стр. 574.

¹⁰² П. С. Дагель. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности.— Вопросы государства и права. Л., 1964, стр. 192.

¹⁰³ Б. С. Утевский. Вина в советском уголовном праве. М., 1950, стр. 258.

¹⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1960, № 5, стр. 37.

¹⁰⁵ Исаев М. М., Пионтковский А. А. Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда Союза ССР. М., 1947, стр. 39.

¹⁰⁶ В. Я. Лившиц. К вопросу о понятии затуального умысла.— «Советское государство и право», 1947, № 7, стр. 43.

¹⁰⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970. М., 1970, стр. 448—449.

¹⁰⁸ Приговор народного суда Брагинского района Гомельской области от 11 июня 1956 г. по делу К.

¹⁰⁹ А. Хаданов. Огнестрельный случай.— «Комсомольская правда» от 11 января 1961 г.

¹¹⁰ Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1964, № 12, стр. 15.

¹¹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 5, стр. 24.

¹¹² А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, стр. 200—201; А. А. Пионтковский.— Курс советского уголовного права, т. II. М., 1970, стр. 304; В. Д. Меньшагин.— Советское уголовное право. Часть общая. М., 1962, стр. 146.

¹¹³ См.: П. С. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 91—94.

¹¹⁴ Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. Умысел и его формы. М., 1972, стр. 105, 106, 108.

¹¹⁵ Там же. стр. 257.

¹¹⁶ Иван Ненов. Наказательно право на Народна Република България. Особена част, т. I. София, 1956, стр. 358; Lehrbuch des Strafrechtes der Deutschen Demokratischen Republik. Allgemeiner Teil. Berlin, 1959, s. 430; Československé trestní právo. Svazek, Obecná část. Praha, 1957, s. 271; W. Bugajski. Zamiar ewentualny i usiłowanie.— «Nowe prawo», 1961, № 1, s. 21.

Глава 2

¹ Охрана труда. Учебное пособие, изд. 2-е. М., 1956, стр. 156.

² И. И. Слуцкий. Ответственность за нарушение правил по технике безопасности. Л., 1953, стр. 23; М. С. Брайнин, Э. Д. Куранова,

Н. П. Косоплечев. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности. М., 1958, стр. 13; М. И. Федоров. Охрана труда как объект преступного посягательства.— Уч. зап. Пермского гос. ун-та им. М. Горького, т. XV, в. 3. Пермь, 1958, стр. 155; С. Булатов в работе «Ответственность за преступления против политических, трудовых и других прав граждан по уголовному кодексу Казахской ССР» (Алма-Ата, 1962) объектом этого преступления считает «социалистические условия труда., обеспечивающие жизнь и здоровье трудящихся на производстве» (стр. 25).

³ И. Горелик, М. Меркушев. Преступления против личности в проекте УК БССР.— «Правоведение», 1960, № 2, стр. 153.

⁴ М. Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1957, стр. 372.

⁵ З. Г. Корчева. Объект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта.— Уч. зап. Харьков. юридич. ин-та, вып. XV, 1961, стр. 229.

⁶ Н. С. Алексеев. Транспортные преступления. Л., 1957, стр. 53.

⁷ В. Д. Меньшагин.— Курс советского уголовного права, т. IV, М., 1970, стр. 200.

⁸ Б. А. Куринов. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965, стр. 27; Уголовное право. Часть Особенная. М., 1968, стр. 104.

⁹ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1951, стр. 131.

¹⁰ Б. А. Куринов, указ. соч., стр. 24.

¹¹ А. А. Жижиленко. Преступления против личности. М.— Л., 1927, стр. 5.

¹² А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, т. 2. Особенная часть. М., 1928, стр. 372, 382, 383.

¹³ Уголовное право. Особенная часть, изд. 2-е. М., 1939, стр. 190.

¹⁴ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I. М., 1955, стр. 603; Курс советского уголовного права, т. V. М., 1971, стр. 126.

¹⁵ А. А. Жижиленко. Преступления против личности, стр. 57, 58.

¹⁶ А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, т. 2. Особенная часть, 1928, стр. 372.

¹⁷ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I, стр. 603.

¹⁸ А. А. Пионтковский.— Курс советского уголовного права. т. V. М., 1971, стр. 127.

¹⁹ БСЭ, издание 2-е, т. 38, стр. 52.

²⁰ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., 1957, стр. 259.

²¹ Основные правила по технике безопасности, промышленной санитарии и иные правила охраны труда, к которым следует обращаться при применении ст. 137 УК, содержатся в «Справочнике по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии». В 4 томах. Сост.: Ю. А. Духанин, Я. М. Осмишкин, С. С. Сидорошкин и др. Под общ. ред. А. И. Игнатка, 4-е перераб. изд. Л., 1969—1972 гг.

²² М. С. Гринберг. Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовно-правовое значение.— «Советское государство и право», 1954, № 1, стр. 107.

²³ Закон Белорусской ССР о здравоохранении.— «Советская Белоруссия» от 9 июня 1970 г.; Законодательство по здравоохранению, т. I. М., 1955.

²⁴ Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М., 1972; Инструкция по движению поездов и маневровой работе на железных дорогах Союза ССР. М., 1971; Инструкция по сигнализации на железных дорогах Союза ССР. М., 1971; Инструкция по эксплуатации тормозов подвижного состава железных дорог. М., 1972; Правила по технике безопасности и производственной санитарии при производстве работ в путевом хозяйстве. М., 1961; Устав железных дорог СССР. М., 1964; Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР. М., 1964; Инструкция по устройству и обслуживанию переездов. М., 1966.

²⁵ Правила плавания по внутренним водным путям РСФСР. М., 1959; Местные правила плавания по внутренним судоходным путям Белорусской ССР. Гомель, 1966; Правила технической эксплуатации речного транспорта СССР, изд. 6-е, 1958; Устав службы на судах Министерства речного флота РСФСР, 1959; Устав внутреннего водного транспорта СССР, 1956; Правила технической эксплуатации транспортных гидротехнических сооружений, 1958; Инструкция о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР. М., 1971; СП СССР, 1966, № 24.

В части, относящейся к морскому транспорту, ст. 85 УК РСФСР опирается на международные правила для предупреждения столкновения судов в море 1948 года (Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959), Правила технической эксплуатации судов морского флота от 20 сентября 1952 г. (Сборник нормативных актов по морскому транспорту. М., 1968), Инструкцию о порядке выпуска судов в море капитанами портов от 22 апреля 1955 г. (там же), Положение о порядке расследования аварий морских судов от 12 февраля 1957 г. (там же) и другие нормативные акты.

²⁶ Воздушный кодекс СССР (СЗ БССР, 1961, № 39); Основные правила полетов на территории СССР. М., 1947.

²⁷ ЗОС — земное обеспечение самолетовождения.

²⁸ Закон Белорусской ССР о здравоохранении. — «Советская Белоруссия» от 9 июня 1970 г.; СП СССР, 1973, № 16, ст. 86; Сборник важнейших официальных материалов по санитарному и противозидемическим вопросам, книга первая. М., 1953; книга вторая. М., 1953; книга третья. М., 1954.

²⁹ Такую же формулировку содержала первая редакция ст. 224 УК РСФСР. Принятым в РСФСР законом от 25 июля 1962 г. (см.: «Советская юстиция», 1962, № 15—16) редакция ст. 224 УК изменена. Последняя сейчас различает «наркотические вещества» (ч. 1 ст. 224) и «другие сильнодействующие или ядовитые вещества, не являющиеся наркотическими».

³⁰ Текст Единой конвенции о наркотических средствах см.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XXIII. М., 1970; Справочник основных руководящих документов по аптечному делу. Л., 1972; Государственная фармакопея СССР, издание 10-е. М., 1968; Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии, т. 3, стр. 293 и след.; Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР. М., 1970; Правила перевозок грузов. М., 1967.

³¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1955, № 22, ст. 425. Так-

же: Уголовное законодательство СССР и союзных республик. М., 1957, стр. 35.

³² Единые правила безопасности при взрывных работах. М., 1968; Санитарные правила работы с радиоактивными веществами и источниками ионизирующих излучений. М., 1960; Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР. М., 1970; Правила перевозок грузов. М., 1967. См. также примечание 21 к гл. 2.

³³ См. примечание 23 к гл. 2.

³⁴ Правила дорожного движения. М., 1972; Боевой Устав пожарной охраны. М., 1954.

³⁵ § 4 п. «г» Правил регистрации неоперированных кустарей и ремесленников (см.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, стр. 260); СЗ БССР, 1959, № 3, ст. 85.

³⁶ П. И. Люблинский. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917, стр. 24.

³⁷ Курс советского уголовного права. Часть общая, т. 1. Л., 1968, стр. 79.

³⁸ Уголовный кодекс Грузинской ССР говорит: «Производство аборта врачом вне больницы или родильного дома, либо в антисанитарных условиях» (ст. 123, ч. 1). Уголовный кодекс Узбекской ССР формулирует состав как «Производство врачом аборта вне больницы или других лечебных учреждений» (п. «а» ст. 102). Аналогичную формулировку содержит ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса Азербайджанской ССР.

³⁹ По такому пути пошел Уголовный кодекс Эстонской ССР, хотя сформулировал состав как материальный. Ст. 126 этого кодекса гласит: «Неоказание без уважительных причин медицинской помощи больному медицинским работником, который был обязан и имел возможность оказать такую помощь, если в результате этого бездействия наступили тяжкие последствия».

⁴⁰ Т. В. Церетели. Деликты создания опасности. — «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 63.

⁴¹ Соответственно: Приговор народного суда 1-го участка Оршанского района Витебской области от 25 апреля 1957 г.; Приговор народного суда Лиозненского района Витебской области от 23 марта 1955 г.; Приговор народного суда 1-го участка Октябрьского района г. Минска от 20 сентября 1955 г.; Постановление прокурора г. Гродно от 4 февраля 1964 г.

⁴² А. Харитановский. Пять дней под снегом. — «Советская Белоруссия» от 25 января 1966 г.

⁴³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 5, стр. 24.

⁴⁴ См. примечание 40 к гл. 2.

⁴⁵ Ранее автор предлагал это в работе «Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву». Минск, 1964, стр. 45.

Глава 3

¹ УК РСФСР (ч. 1 ст. 140), УК АрмССР (ч. 1 ст. 138), УК ЛатвССР (ч. 1 ст. 134), УК ЛитССР (ч. 1 ст. 141), УК МССР (ч. 1 ст. 139), УК ТаджССР (ч. 1 ст. 149), УК ТССР (ч. 1 ст. 151). Вместо «нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми» уголовные

кодексы УССР (ч. 1 ст. 135), АзССР (ч. 1 ст. 137), УзССР (ч. 1 ст. 142) и ЭССР (ч. 1 ст. 135) говорят «нарушение создавало опасность для жизни и здоровья трудящихся». УК КиргССР (ч. 1 ст. 136), УК КазССР (ч. 2 ст. 126), УК УзССР (ч. 1 ст. 142) и УК ЭССР (ч. 1 ст. 135) говорят о нарушении правил по технике безопасности, которое «заведомо создавало опасность для жизни и здоровья людей».

² А. В. Сахаров. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958, стр. 41; В. Ф. Кириченко. Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву. М., 1959, стр. 153.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970. М., 1970, стр. 508.

⁴ Соответственно: Н. Яблоков. Квалификация преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности.— «Советская юстиция», 1968, № 3, стр. 5; И. П. Лановенко. Уголовная ответственность за преступления против трудовых прав граждан и безопасности производства в Украинской ССР. Автореф. докт. дисс. Киев, 1972, стр. 30.

⁵ Б. В. Цейтлин. Техника безопасности в машиностроении. М., 1952, стр. 9.

⁶ Б. В. Цейтлин, уп. работа, стр. 9; К. В. Павлов. Основы техники безопасности в горной промышленности. М., 1954, стр. 9; Р. Д. Певзнер. Техника безопасности на предприятиях промышленности строительных материалов. М., 1948. Р. Д. Певзнер вообще не употребляет термина «промышленная санитария», говоря во всех случаях о технике безопасности.

⁷ О соотношении правил технической эксплуатации и техники безопасности см.: М. И. Федоров. Охрана труда как объект преступного посягательства.— Уч. зап. Перм. гос. ун-та им. М. Горького, т. XV, в. 3, 1958, стр. 169—171.

⁸ См. гл. XI и XII Кодекса законов о труде Белорусской ССР 1972 г.

⁹ Ельянов З. Записки технического инспектора. М., 1958, стр. 124.

¹⁰ Н. П. Яблоков. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности.— Вестник Моск. ун-та, право, 1969, № 2, стр. 45—46; Н. П. Яблоков. Ответственность за нарушения правил охраны труда и техники безопасности.— «Советская юстиция», 1972, № 8, стр. 8.

¹¹ Опубликовано в журнале «Охрана труда и социальное страхование», 1966, № 9, стр. 42—45 и «Справочнике по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии», т. 1, 1969, стр. 84; в книге «Охрана труда. Сборник официальных документов». М., 1971, стр. 84.

¹² Неосторожное легкое телесное повреждение предусмотрено в уголовных кодексах ЛатвССР (ч. 2 ст. 110) и УзССР (ч. 1 ст. 92).

¹³ См.: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий, т. 2. Свердловск, 1962, стр. 225.

¹⁴ Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии развития колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (ст. 47) на колхозы распространены действующие в МТС правила по технике безопасности и промышленной санитарии (СП СССР, 1958, № 7, стр. 62). Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1959 г. «О мерах по дальнейшему укреплению рыболовецких колхозов и реорганизации моторно-рыболовецких станций» (ст. 18) на рыболовецкие колхозы

распространены действующие в моторно-рыболовецких станциях правила по технике безопасности и производственной санитарии (СП СССР, 1959, № 2, ст. 11). Постановление Совета Министров БССР от 3 августа 1960 г. № 434 «О состоянии и мерах по улучшению охраны труда учащихся общеобразовательных школ» (СЗ БССР, 1960, № 21, ст. 168).

¹⁵ И. И. Слуцкий предлагал установить правила по безопасным приемам работы домашних работниц (см. журнал «Правоведение», 1960, № 2, стр. 176).

¹⁶ Трудовые резервы СССР. Сборник официальных материалов. М., 1950, стр. 6; СЗ БССР, 1960, № 21, ст. 163.

¹⁷ В. Д. Пакутин. Субъект уголовной ответственности за нарушение правил об охране труда.— Уч. зап. ВЮЗИ, вып. 3, 1957, стр. 169, 175.

¹⁸ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 1, стр. 14—15.

¹⁹ И. П. Лановенко предлагает ввести в уголовные кодексы состав нарушения правил техники безопасности рядовыми работниками, если это повлекло за собой несчастные случаи с людьми (см. примечание 4 к гл. 3).

²⁰ М. С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963, стр. 94.

²¹ Такое мнение высказано в статье польского криминалиста А. Губинского «Риск, связанный с новаторством» («Państwo i prawo», 1960, № 1, s. 65).

²² М. С. Гринберг. Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовно-правовое значение.— «Советское государство и право», 1954, № 1, стр. 106.

²³ Подробней см.: М. С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве, стр. 75 и след.

²⁴ Приговор народного суда Дрогичинского района Брестской области от 10 декабря 1956 г. по делу С. и Д.

²⁵ В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. М., 1960, стр. 225.

²⁶ Приговор народного суда Желудокского района Гродненской области от 2 июля 1957 г. по делу Л. и К. Также: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1941, стр. 52; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 2, стр. 17; и т. д.

²⁷ Положение о государственном санитарном надзоре.— СП СССР, 1963, № 20, ст. 199.

²⁸ БСЭ, т. 49, издание 2-е, стр. 119.

²⁹ Там же.

³⁰ Курс советского уголовного права, т. VI. М., 1971, стр. 432.

³¹ Комментарий УК РСФСР. М., 1963, стр. 470; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, стр. 470; Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, стр. 475.

³² Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1972, № 12, стр. 6.

³³ М. Орлов. Редкий, но тяжкий вид преступления.— «Социалистическая законность», 1967, № 1, стр. 62—63.

³⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970, стр. 494.

³⁵ Советское уголовное право. Особая часть. М., 1971, стр. 404.

³⁶ Э. Х. Чекушев. Уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотическими веществами.— Вопросы судебной экспертизы и уголовного процесса. Ташкент, 1965, стр. 162.

³⁷ Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР. М., 1970 (§ 63, 78, 122, 134); Правила перевозок грузов. М., 1967 (раздел 30).

³⁸ Курс советского уголовного права, т. VI. М., 1971, стр. 375.

³⁹ Комментарий УК РСФСР. М., 1963, стр. 474; Э. Х. Чекушев, уп. статья, стр. 167.

⁴⁰ См.: Л. Н. Анисимов. Международно-правовые вопросы борьбы с незаконным применением и распространением наркотических средств.— «Правоведение», 1970, № 6; Л. Н. Галенская. Международная борьба с преступностью. М., 1972, стр. 61—73.

⁴¹ Ст. 205 УК БССР в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 мая 1966 г.—СЗ БССР, 1966, № 16, стр. 183; ст. 210 УК РСФСР в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1965 г.—Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1965, № 27, стр. 670.

⁴² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970. М., 1970, стр. 502.

⁴³ «Советская Белоруссия» от 23 июня 1972 г.; также: СЗ БССР, 1972, № 18, стр. 261.

⁴⁴ Такое же мнение высказывает М. И. Блум в статье «Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство».— Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Рига, 1971, стр. 181—182.

⁴⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970. М., 1970, стр. 456.

⁴⁶ Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Рига, 1971, стр. 177.

⁴⁷ К. Кенни. Основы уголовного права. М., 1949, стр. 68.

⁴⁸ См. ст. ст. 149 (152), 154 (157), 169 (173), 169¹ (174¹), 170 (174), 257 (268) УК.

⁴⁹ См., например, ст. ст. 87 (89), 88 (90), 90 (93), 91 (92), 141 (144), 142 (145), 144 (147) УК.

⁵⁰ В редакционной статье «Взяточничество — тягчайшее преступление» журнал «Советская юстиция» (1962, № 5, стр. 22) разделяет это мнение.

⁵¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970. М., 1970, стр. 471.

⁵² В. П. Малков. Повторность преступлений. Казань, 1970, стр. 104.

⁵³ Там же, стр. 108—109.

⁵⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1971, № 40, стр. 392.

⁵⁵ I. B. Вейнеров, М. Н. Бухарович. Що треба знати про венеричні хвороби. Київ, 1971.

⁵⁶ БМЭ, т. 15. М., 1960, стр. 1179; т. 19. М., 1961, стр. 727.

⁵⁷ Курс советского уголовного права, т. V. М., 1971, стр. 124; также: Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, стр. 274.

⁵⁸ И. Викторов. Уголовная ответственность за распространение венерических болезней.— «Социалистическая законность», 1972, № 8, стр. 45.

⁵⁹ И. Я. Бычков, Н. С. Исаев. Уголовная ответственность за заражение венерической болезнью. М.—Л., 1931, стр. 25.

⁶⁰ М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947, стр. 350.

⁶¹ Н. И. Загородников. Преступления против здоровья. М., 1969, стр. 117.

⁶² Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, стр. 897.

⁶³ М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья, стр. 351.

⁶⁴ Н. И. Загородников. Преступления против здоровья, стр. 115—116.

⁶⁵ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, стр. 394.

⁶⁶ Зубной техник имеет право на техническое изготовление по заданию врача-протезиста зубных, челюстных и лицевых протезов, но не имеет права заниматься клиническим зубопротезированием (см. Положение о правах и обязанностях зубного техника.— Справочник медицинского работника. М., 1950, стр. 25).

⁶⁷ Авдеева М. Ответственность за незаконное врачевание.— «Советская юстиция», 1966, № 2, стр. 13.

⁶⁸ Приговор народного суда Дуниловичского района б. Молодечненской области от 24 июня 1959 г. по делу Доломанова.

⁶⁹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, 1957—1959. М., 1960, стр. 262.

⁷⁰ И. Ф. Огарков. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л., 1966, стр. 73.

⁷¹ С. Н. Яеубов. К вопросу об ответственности за незаконное врачевание.— Девятая расширенная конференция ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1955, стр. 164.

⁷² Там же, стр. 165.

⁷³ Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1958, стр. 342.

⁷⁴ И. Ф. Огарков. Уп. работа, стр. 74.

⁷⁵ Приговор народного суда 2-го участка Осиповичского района Могилевской области от 27 января 1959 г. по делу Наливайко. Определение областного суда от 10 февраля 1959 г. по этому делу.

⁷⁶ «Советская Белоруссия» от 4 июля 1959 г.

⁷⁷ Е. Шатров. Витаген-Лешукеи.— «Здоровье», 1958, № 8; Г. Анашкин. Три мнения двух юристов.— «Известия» от 12 октября 1960 г.; Б. Хромов. Крах мадам Лещук.— «Известия» от 24 ноября 1960 г.

⁷⁸ «Советская юстиция», 1961, № 2, стр. 31.

⁷⁹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. 1, стр. 14—17.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 21.

⁸¹ Kenny's outlines of criminal law, 17-th edition. Cambridge, 1958, p. 120.

⁸² Там же, р. 177.

⁸³ М. М. Гродзинский. Преступления против личности. М., 1924, стр. 4.

⁸⁴ А. А. Пионтковский. Советское уголовное право. Т. 2. М., 1928, стр. 341.

- ⁸⁵ Ф. Лист. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905, стр. 5.
- ⁸⁶ Уголовное право. Особенная часть. М., 1939, стр. 154.
- ⁸⁷ Советское уголовное право, часть особенная. М., 1951, стр. 181; Курс советского уголовного права, т. V. М., 1971, стр. 22.
- ⁸⁸ Н. И. Загородников. Преступления против жизни. М., 1961, стр. 35.
- ⁸⁹ Соответственно: Dressler U., Naundorf M. Verbrechen gegen die Person. Berlin, 1955, s 19; И. Ненов. Наказательно право на народна Република България. Особена част, том. I. София, 1956, стр. 330; Ceskoslovenské trestní právo. Svazek II, zvláštní část. Praha, 1957.
- ⁹⁰ Уголовные кодексы: УССР (ст. 96), ЛатвССР (ст. 100), ЛитССР (ст. 106), ЭССР (ст. 102), МССР (ст. 92), АзССР (ст. 96), КиргССР (ст. 97), ТаджССР (ст. 106). Также: Уголовный кодекс ГДР 1968 г. (§ 113, п. 2); Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии 1968 г. (ст. 120); и др.
- ⁹¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I. М., 1955, стр. 614.
- ⁹² Г. А. Мендельсон. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву. М., 1957, стр. 19.
- ⁹³ Приговор народного суда Логойского района Минской области от 11 июня 1958 г.
- ⁹⁴ БМЭ, том I, стр. 44.
- ⁹⁵ М. Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1957, стр. 320.
- ⁹⁶ Приговор народного суда 2-го участка г. Полоцка Витебской области от 28 марта 1958 г. по делу К.; Приговор народного суда 2-го участка Пинского района Брестской области от 6 января 1960 г. по делу К.
- ⁹⁷ Н. И. Загородников. Преступления против здоровья, стр. 125—126; Г. А. Мендельсон. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву. М., 1957, стр. 16; М. И. Ковалев. Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий, т. 2. Свердловск, 1962, стр. 170.
- ⁹⁸ Н. С. Ланина. Аборт. М., 1939, стр. 15.
- ⁹⁹ U. Dressler, M. Naundorf. Verbrechen gegen die Person. Berlin, 1955, s. 71.
- ¹⁰⁰ B. Maurach. Deutsches Strafrecht. Besonderer Teil. 2 Auflage. Karlsruhe, 1956, s. 50.
- ¹⁰¹ М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948, стр. 423.
- ¹⁰² Приговор народного суда Лельчицкого района Гомельской области от 8 мая 1959 г. по делу Г.; дело 1-57 народного суда 2-го участка Ветковского района Гомельской области. Приговор от 4 августа 1959 г.; Приговор народного суда Берестовицкого района Гродненской области от 29 сентября 1958 г. по делу Ш.
- ¹⁰³ Приговор народного суда Ганцевичского района Брестской области от 24 февраля 1958 г. по делу Г.; Приговор народного суда Скидельского района Гродненской области от 17 марта 1961 г. по делу М.; Приговор народного суда 2-го участка г. Минска от 14 мая 1959 г. по делу Т.
- ¹⁰⁴ Приговор народного суда Толочинского района Витебской области от 10 июля 1956 г. по делу В. Некоторые авторы считают, что если беременность не была прервана, то такого рода деяния должны

квалифицироваться как покушение на аборт (см.: Н. И. Загородников. Преступления против здоровья, стр. 130).

¹⁰⁵ Г. А. Мендельсон. Уп. работа, стр. 25.

¹⁰⁶ Уголовные кодексы ЛатвССР (ст. 113), ТаджССР (ст. 119) и ТССР (ст. 121) определенно говорят о «производстве аборта врачом... в лечебном заведении, но без законного основания».

¹⁰⁷ Н. И. Загородников. Преступления против здоровья, стр. 123.

¹⁰⁸ Там же, стр. 132.

¹⁰⁹ Определение УСК Верховного Суда СССР от 20 марта 1946 г. по делу О.—«Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. 4, стр. 15.

¹¹⁰ К «иным тяжким последствиям» менее тяжкие телесные повреждения относят: Н. И. Загородников. Преступления против жизни и здоровья, стр. 138; М. И. Ковалев.— см.: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий, т. 2. Свердловск, 1962, стр. 172.

¹¹¹ Правила по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденные Министерством здравоохранения БССР 25 апреля 1961 г. (ст. ст. 17, 18).

¹¹² Приговор народного суда Славгородского района Могилевской области от 26 июля 1960 г. по делу А.

¹¹³ П. И. Люблинский. Ответственность за понуждение к производству аборта.—«Социалистическая законность», 1936, № 3, стр. 25.

¹¹⁴ СЗ СССР, 1936, № 34; СЗ БССР, 1936, № 30.

¹¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, 1954, № 15.

¹¹⁶ Приговор народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Минска от 22 февраля 1957 г. по делу Г. и В.

¹¹⁷ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 26 мая 1972 г. по делу Т. действия Т. народным судом были неправильно квалифицированы по ст. 17 и ч. 3 ст. 114 УК БССР.

¹¹⁸ Г. А. Мендельсон. Уп. работа, стр. 51.

Глава 4

¹ С. Мокринский, В. Натансон. Преступления против личности. Комментарий к VI главе. Харьков, 1928, стр. 82.

² Водопьянов М. Трое в тайге.—«Комсомольская правда» от 11 декабря 1953 г.

³ Дело № 1-152 народного суда г. Бреста. Приговор от 22 декабря 1960 г. по делу К. Постановлением следователя от 30 сентября 1960 г. дело в отношении Х. и Л. было прекращено на том основании, что они наказаны в дисциплинарном порядке.

⁴ Н. С. Таганцев. О преступлениях против жизни по русскому праву, т. II. СПб., 1870, стр. 464.

⁵ И. Я. Фойницкий. Курс уголовного права, часть Особенная. Посяательства личные и имущественные, изд. 7-е. Пг., 1916, стр. 53—54.

⁶ В уголовных кодексах АрмССР (ч. 2 ст. 128), КазССР (ч. 2 ст. 110), УССР (ч. 2 ст. 111) наступление смерти или иных тяжких последствий при неказании помощи рассматривается в качестве квалифицированного вида этого преступления.

⁷ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1942 год. М., 1947, стр. 103.

⁸ Уголовные кодексы АрмССР (ст. 128), УССР (ст. 112).

⁹ Приговор Минского областного суда от 23 марта 1957 г.

¹⁰ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 5 апреля 1957 г.

¹¹ Н. С. Таганцев. О преступлениях против жизни по русскому праву, стр. 464.

¹² Ф. Лист. Учебник уголовного права, часть Особенная, СПб., 1905, стр. 26.

¹³ R. Hale. Prima Facie Torts, Combination and Non-Feasans. Columbia Law Review, 1946, vol. XLVI, № 2, p. 214.

¹⁴ Н. С. Тимашев. Проблема невмешательства в уголовное право.— «Журнал Министерства юстиции», 1916 г., № 10, стр. 136.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1948, стр. 49.

¹⁶ В. И. Ленин. Помощь голодающим и думская тактика. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 237.

¹⁷ Наводнение в Северной Италии.— «Правда» от 19 ноября 1951 г.

¹⁸ Последствия наводнения в Голландии.— «Правда» от 13 февраля 1953 г.

¹⁹ Альчиде Черви. Мои семь сыновей. М., 1956.

²⁰ Уголовный кодекс Франции (ст. ст. 349, 352); Итальянский уголовный кодекс (ст. 593, ч. 1 и 2); Уголовный кодекс Дании (§ 235); Уголовный кодекс Японии (§ 217, 218, ч. 1); и др.

²¹ «Państwo i prawo», 1960, № 12.

²² Соответственно: ст. ст. 4, 44, 47 Боевого Устава пожарной охраны, утвержденного Приказом МВД СССР № 150 от 28 октября 1953 г.; ст. 25 Воздушного кодекса СССР; п. «в—д» ст. 11 Правил дорожного движения 1972 года; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 6, стр. 21—22.

²³ Организация спасательной службы в альпинизме подробно описана заслуженным мастером спорта А. Малеиновым в брошюре «Меры безопасности в альпинизме» (М., 1955).

²⁴ Бокий Б. В. Горное дело, изд. 2-е. М., 1954, стр. 500.

²⁵ Статьи 27, 80, 90, 94, 95, 96, 99 Кодекса о браке и семье Белорусской ССР 1969 г.

²⁶ А. С. Горелик. Объективные основания и пределы уголовной ответственности за последствия при бездействии.— «Правоведение», 1963, № 2, стр. 109—110.

²⁷ Этих слов нет в ст. 110 УК КазССР, ст. 125 УК ЭССР и ст. 129 УК ГССР. Здесь законодатель, очевидно, считает, что если одно лицо поставило другое в опасное для жизни состояние, то (и это естественно) оно должно помочь ему.

²⁸ См.: Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959. Участником этой конвенции, вступившей в силу в 1913 г., была и Россия.

Постановлением СНК СССР от 2 февраля 1926 г. конвенция признана действующей для СССР (СЗ СССР, 1926, № 31, ст. ст. 188 и 189).

²⁹ Международная конвенция 1960 г. по охране человеческой жизни на море ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 9 июля 1965 г. и вступила в силу для СССР 4 ноября 1965 г. Текст конвенции см.: Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1960 года. Л., 1963. Текст конвенции 1948 г. см.: Международные конвенции по охране человеческой жизни на море. Л., 1965.

³⁰ В конвенции об открытом море (текст см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1962, № 46 или СЗ БССР, 1962, № 36), принятой

в Нью-Йорке 30 октября 1958 г. и ратифицированной Президиумом Верховного Совета СССР 20 октября 1960 г., также указывается, что «каждое государство вменяет в обязанность капитану любого судна, плавающего под его флагом, поскольку капитан может это сделать, не подвергая серьезной опасности судно, экипаж или пассажиров: а) оказать помощь любому обнаруженному в море лицу, которому угрожает гибель, б) следовать со всей возможной скоростью на помощь погибающим, если ему сообщено, что они нуждаются в помощи, поскольку на такое действие с его стороны можно разумно рассчитывать» (ст. 12).

³¹ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР. М., 1972.

³² П. С. Ромашкин. Военные преступления империализма. М., 1953, стр. 95, 202.

³³ Нюрнбергский процесс, изд. 2-е, т. 2. М., 1954, стр. 551—552.

³⁴ Преступление капитана.— «Правда» от 21 июля 1939 г.

³⁵ Приговор народного суда 2-го участка Слуцкого района Минской области от 31 мая 1954 г. по делу Е.

³⁶ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952 г., № 3, стр. 18—19.

³⁷ Приговор народного суда Дрогичинского района Брестской области от 17 октября 1956 г. по делу Ю. и Я.

³⁸ «Правда» от 3 марта 1936 г. и от 22 марта 1936 г.

³⁹ Бюллетень Наркомздрава РСФСР, 1926, № 5.

⁴⁰ И. И. Горелик. Ответственность за оставление в опасности. М., 1960, стр. 38.

⁴¹ «Судебная практика РСФСР», 1931, № 5, стр. 15.

⁴² Сборник постановлений Пленума и определенной коллегии Верховного Суда СССР, 1938—1939 гг. М., 1940, стр. 103.

⁴³ «Заболевшего человека нельзя оставлять без помощи. Если предоставить врачам право отказываться от приглашения, то в нужную минуту невозможно будет добыть врача. У меня в смертельной опасности близкий, дорогой мне человек. Я еду за врачом. Он выходит ко мне в прихожую, пережевывая бифштекс, и хладнокровно заявляет: «Я сейчас ужинаю, а после ужина лягу спать; ехать поздно, пошлите другого врача». В другом месте мне отвечают, что врача нет дома, в третьем — что он играет в карты и не расположен ехать. Пока я рыскал по городу в поисках врача, больной умер, а мог бы быть спасен. Разве не врачи виноваты в его смерти, и разве не заслуживают они тюрьмы?» (В. Вересаев. Соч., т. 1, 1948, стр. 645).

⁴⁴ Приговор народного суда Столинского района Брестской области от 3 ноября 1955 г. по делу К.

⁴⁵ Бюллетень Наркомздрава, 1927, № 16, стр. 15.

⁴⁶ См.: С. П. Мокринский. Медицина в ее конфликтах с уголовным правом.— «Журнал Министерства юстиции», 1914, № 5, стр. 90. Ф. Шалыгин в своих воспоминаниях пишет: «Мать, сидя на койке сестры, говорила кому-то: «Что вы, разве можно человеку горло резать?..» Я догадывался, что горло резать хотят моей сестре. Это не удивило меня: «Здесь не разбойники, а больница. Значит, так надо,— резать горло». Но мать не согласилась на это, и сестра умерла» (Федор Шалыгин. Страницы из моей жизни. Ростов, 1958, стр. 34). Также: И. Ф. Крылов. Врач и закон. Л., 1972, стр. 15—22.

⁴⁷ СУ РСФСР, 1924, № 88.

⁴⁸ Соответственно: Несколько замечаний о статье И. А. Бычкова «Юридические вопросы и хирургическая практика».— «Хирургия»,

1948, № 5, стр. 16; Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1955, стр. 164; О юридических вопросах в хирургической практике.—«Хирургия», 1951, № 9, стр. 5.

⁴⁹ Ф. Ю. Бердичевский. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970, стр. 57.

⁵⁰ Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения судебных медиков и криминалистов. Л., 1955, стр. 164.

⁵¹ Приговор народного суда 2-го участка Пинского района Брестской области от 28 сентября 1959 г.

⁵² Н. И. Загородников. Преступления против здоровья. М., 1969, стр. 19.

⁵³ Приговор народного суда Глубокского района б. Молодечненской области от 23 апреля 1956 г. по делу В.

⁵⁴ См.: «Вестник современной медицины», 1928, № 11, стр. 719.

⁵⁵ Мнения о ненаказуемости неоказания медицинской помощи заведомо безнадежному больному придерживаются отдельные авторы зарубежных социалистических стран. Так, К. Бухала (Подольская Народная Республика) считает, что ответственность за неоказание помощи, если помощь не способна предотвратить результат, противоречит признанию объектом этого преступления жизнь человека («Pānstwo i prawo», 1960, № 12, s. 1001). С этим следовало бы согласиться, если бы в таких случаях виновного привлекали к ответственности за причинение последствий. Между тем, как правильно указывает М. Ковалев, если бы последствия наступили, независимо от оказания или неоказания помощи, деяния виновного следовало бы квалифицировать как формальное преступление (ч. 1 ст. 126 УК), так как виновное лицо может нести уголовную ответственность только за последствия, которые стояли в причинной связи с его деяниями (Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий, т. 2. Свердловск, 1962, стр. 200).

⁵⁶ Законодательство по здравоохранению, т. I. М., 1955.

⁵⁷ П. С. Дагель и С. Я. Улицкий предлагают «во избежание ошибок на практике и в целях согласования общесоюзного и республиканского законодательства» указать в ст. 126 (128) в качестве субъекта преступления медицинских и фармацевтических работников (см.: «Советское государство и право», 1971, № 7, стр. 104).

⁵⁸ Ф. Ю. Бердичевский. Уп. работа, стр. 74; В. Царегородцев ответственным по статье о неоказании медицинской помощи считает всех работников лечебных учреждений, которые по трудовому договору и правилам внутреннего распорядка обязаны оказывать помощь больным (В. Царегородцев. Ответственность медицинских работников за профессиональные ошибки.—«Вестник современной медицины», 1928, № 11, стр. 718).

⁵⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР, 1938—1939 гг. М., 1940, стр. 103; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952, № 3, стр. 18; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1956, № 1, стр. 11.

⁶⁰ П. С. Ромашкин. Военные преступления империализма. М., 1953, стр. 90 и др.

⁶¹ Нюрнбергский процесс, т. I. М., 1954, стр. 429, 430, 451, 459, 465, 514 и др.

⁶² Там же, стр. 486.

⁶³ Нюрнбергский процесс, т. I, стр. 459.

⁶⁴ П. С. Ромашкин. Военные преступления империализма, стр. 152.

⁶⁵ «За рубежом», 1968, № 38.

⁶⁶ Упомянутые конвенции от 12 августа 1949 г. ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. (см.: Жевневские конвенции о защите жертв войны. М., 1954).

⁶⁷ Н. Манчев. Преступления против личности. София, 1963, стр. 312.

⁶⁸ Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963, стр. 273—274.

⁶⁹ А. С. Горелик. Объективные основания и пределы уголовной ответственности за последствия при бездействии.—«Правоведение», 1963, № 2, стр. 109—110.

⁷⁰ Приговор народного суда 3-го участка Фрунзенского района г. Минск от 22 марта 1955 г. по делу В.

⁷¹ Из судебной практики.

⁷² Приговор народного суда Городокского района Витебской области от 29 июня 1958 г. по делу Н.

⁷³ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 3, стр. 5—8.

⁷⁴ Приговор народного суда Скидельского района Гродненской области от 9 февраля 1955 г. по делу А.

Глава 5. Заключение

¹ Добросельский К., Николаев И., Чернышев Н., Шиловский В. Общий курс железных дорог. М., 1956, стр. 17.

² Б. А. Куринов. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965, стр. 67.

³ Так же считает большинство авторов. См.: Государственные преступления. М., 1961, стр. 185; Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1963, стр. 190; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962, стр. 177; Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1971, стр. 152; Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, стр. 196; и др.

⁴ В. Леонтьев. Ответственность за нарушение правил движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта.—«Советская юстиция», 1963, № 10, стр. 18.

⁵ Приговор народного суда г. Лиды и Лидского района Гродненской области от 17 октября 1961 г.

⁶ Б. А. Куринов, уп. работа, стр. 79.

⁷ Железнодорожный транспорт—см.: Приказ министра путей сообщения СССР от 3 февраля 1960 г. «Об усилении борьбы с крушениями, авариями, браком в работе на железных дорогах и пресечении фактов неправильной их квалификации». Этот приказ действует лишь в части, относящейся к определению крушения, аварии и брака особого учета (см. ниже прим. 78).

Водный транспорт—см.: Инструкцию о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР от 9 апреля 1971 г.

Морской транспорт—см.: Положение о порядке расследования аварий морских судов от 12 февраля 1957 г.—Сборник нормативных актов по морскому транспорту. М., 1968, стр. 245.

Воздушный транспорт — см.: Государственные преступления. М., 1960, стр. 185—186.

⁸ Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1960, стр. 59; Государственные преступления. М., 1961, стр. 186; *Б. Леонтьев*. Ответственность за нарушение правил движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта.— «Советская юстиция», 1963, № 10, стр. 18.

⁹ *Н. С. Алексеев*. Транспортные преступления. Л., 1957, стр. 74.

¹⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970, стр. 388.

¹¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970, стр. 388.

¹² Соответственно: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962, стр. 360; *Ю. Ляпунов*. Уголовная ответственность за преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта.— «Советская юстиция», 1968, № 17, стр. 12; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, стр. 527; *Б. А. Куринов*, уп. работа, стр. 40—41.

¹³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1938 — первое полугодие 1939 г. М., 1940, стр. 69.

¹⁴ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 11, стр. 35.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1939 г. по делу М.—Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1938 — первая половина 1939 г., стр. 46.

¹⁶ Инструкция по обеспечению безопасности движения поездов при производстве путевых работ. М., 1959.

¹⁷ Дело № 2/27 Гродненского областного суда. Приговор от 8 августа 1962 г.

¹⁸ Дело № 1-34 народного суда Пинского района Брестской области. Приговор от 27 июня 1961 г.

¹⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР, 1943 г. М., 1948, стр. 40.

²⁰ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1947, вып. IV, 1948, стр. 12—13. Такие же аргументы Пленум Верховного Суда СССР приводит в Постановлении от 24 декабря 1948 г. по делу М.— «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 2, стр. 11.

²¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 10, стр. 9.

²² *Н. С. Алексеев*. Транспортные преступления. Л., 1957, стр. 64.

²³ Дело № 1-11 народного суда Ганцевичского района Брестской области. Приговор от 15 марта 1961 г.

²⁴ *Корчева З.* Субъект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта СССР.— Уч. зап. Харьков. юридич. ин-та, вып. 14. Харьков, 1960, стр. 191—193.

²⁵ Советское уголовное право. Часть особенная. под. ред. *М. Д. Шаргородского* и *Н. А. Беляева*. М., 1962, стр. 78. Такое же толкование «заведомости» дано в «Комментариях к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года» (Л., 1962, стр. 180). См. также: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий, т. 2. Свердловск, 1962, стр. 69.

²⁶ «Советская юстиция», 1931, № 9, стр. 18.

²⁷ Дело № 1-54 народного суда г. Барановичи. Приговор от 28 октября 1960 г.

²⁸ Государственные преступления. Учебное пособие. М., 1961, стр. 196.

²⁹ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1962, стр. 77.

³⁰ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР, 1944 г. М., 1948, стр. 124.

³¹ «Правда» от 31 мая 1936 г.

³² Дело № 2-7 Минского областного суда. Приговор от 29 февраля 1960 г.

³³ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952, № 5, стр. 9.

³⁴ *А. Б. Сахаров*. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958, стр. 167.

³⁵ См. п. 3 постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г. «О судебной практике по делам о выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции».— Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 6, стр. 11.

³⁶ *Б. С. Утевский*. Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции. М., 1955, стр. 27.

³⁷ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 4, стр. 19.

³⁸ *Б. А. Куринов*. Автотранспортные преступления. М., 1970, стр. 130.

³⁹ *Ю. Ляпунов*. Уголовная ответственность за преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта.— «Советская юстиция», 1968, № 17, стр. 13.

⁴⁰ Аналогичные нормы содержались в ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г. «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами» (СЗ БССР, 1968, № 27, ст. 373).

⁴¹ *Б. А. Куринов*. Автотранспортные преступления, стр. 31—32.

⁴² СЗ БССР, 1968, № 27, ст. 373; Ведомости Верховного Совета РСФСР 1968, № 26, ст. 1010.

⁴³ *Ю. Ляпунов*. Квалификация автотранспортных преступлений.— «Советская юстиция», 1969, № 18, стр. 16. Также: *С. Улицкий*. Уголовная ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения.— «Советская юстиция», 1972, № 6, стр. 11; *М. А. Ефимов*. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Минск, 1971, стр. 81.

⁴⁴ *Б. А. Куринов*. Автотранспортные преступления, стр. 137—138.

⁴⁵ *Умантас Ч.* Квалификация нарушений правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами.— «Социалистическая законность», 1972, № 6, стр. 38.

⁴⁶ Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971, стр. 260.

⁴⁷ СЗ БССР, 1964, № 36, ст. 411.

⁴⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962, стр. 371.

⁴⁹ Указание на пиротехнические изделия включено в ст. 217 УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1968 г.— Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1968, № 51, ст. 1732. Пиротехническими изделиями являются смеси из горючих веществ (уголь, сера, порох и пр.) и веществ, выделяющих кислород

(селитра, бертолетова соль и пр.), употребляемые для сигнальных огней, ракет, фейерверков, бенгальских огней и т. п.

⁵³ М. А. Ефимов. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения, стр. 103.

⁵¹ Ст. 60 Всемирной почтовой конвенции от 11 июля 1952 г. (см.: Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами, 1944—1959. Минск, 1960, стр. 530; ст. 207 Устава железных дорог Союза ССР; § 124 Правил перевозки пассажиров, багажа и грузов по воздушным линиям СССР; ст. 117 Устава внутреннего водного транспорта Союза ССР.

⁵² Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1963, стр. 463.

⁵³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970, стр. 509.

⁵⁴ Соответственно: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1950, № 5, стр. 22; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 7, стр. 21; «Социалистическая законность», 1956, № 3, стр. 12—13; «Судебная практика Верховного суда РСФСР», 1956, № 3, стр. 16; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 6, стр. 14.

⁵⁵ И. Горелик. Судебная практика по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности.— «Правоведение», 1957, № 1, стр. 117.

⁵⁶ «Известия» от 12 марта 1972 г.; «Известия» от 8 сентября 1972 г.

⁵⁷ А. Дробашевская. Ответственность за нарушение правил безопасности горных работ, на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах.— «Советская юстиция», 1964, № 6, стр. 24.

⁵⁸ Н. Яблоков. О субъекте преступления нарушения правил охраны труда и техники безопасности.— «Советская юстиция», 1968, № 23, стр. 2—3.

⁵⁹ Уголовный кодекс КазССР карает лишением свободы на срок до пяти лет за «нарушение технического режима или условий работы во взрывоопасных цехах лицами, отвечающими за установленную производственно-техническую дисциплину» (ч. 3, ст. 208). Уголовные кодексы УССР (ч. 1 ст. 220), УзССР (ч. 1 ст. 213) и АзССР (ч. 1 ст. 218) за нарушение правил техники безопасности во взрывоопасных цехах предусматривают в качестве максимального наказания лишение свободы сроком на один год.

⁶⁰ Э. Зилченко. Нарушение правил безопасности горных работ.— «Социалистическая законность», 1971, № 7, стр. 53.

⁶¹ Е. Роспутко. Разграничение преступлений, предусмотренных статьями 214 и 216 УК РСФСР.— «Советская юстиция», 1972, № 3, стр. 21.

⁶² О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов. Доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР, депутата В. А. Кириллина на четвертой сессии Верховного Совета СССР.— «Правда» от 20 сентября 1972 г.

⁶³ П. С. Матышевский. Уп. работа, стр. 149.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ М. А. Ефимов. Уп. работа, стр. 120.

⁶⁶ М. С. Гринберг. Преступления в области техники.— «Правоведение», 1972, № 2, стр. 93.

⁶⁷ Автор по материалам судебной практики БССР отмечал отсутствие случаев осуждения за нарушение правил техники безопасности,

которое не повлекло, но могло повлечь тяжкие последствия (см.: И. Горелик. Судебная практика по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности.— «Правоведение», 1957, № 1, стр. 114).

⁶⁸ Воздух должен быть чистым.— «Советская Белоруссия» от 16 марта 1971 г.

⁶⁹ Жак-Ив Кусто. Угроза мировому океану.— «Советская Белоруссия» от 24 сентября 1972 г. Перепечатано из французского журнала «Пари-Матч».

⁷⁰ Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, стр. 32—33.

⁷¹ Буренков М. Без злого умысла.— «Известия» от 8 июня 1960 г.

⁷² Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955, стр. 188.

⁷³ Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963, стр. 29.

⁷⁴ Филлимонов Н. Человек и машина.— «Вопросы философии», 1960, № 10, стр. 121.

⁷⁵ Б. С. Антимонов. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952, стр. 40.

⁷⁶ См. примечание № 11 к главе 3.

⁷⁷ Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии, т. 1, стр. 246.

⁷⁸ К случаям брака особого учета относятся и подлежат обязательно расследованию железнодорожной администрацией: прием поезда на занятый путь; отправление поезда на занятый перегон; прием и отправление поезда по неготовому маршруту; проезд запрещающего сигнала и предельного столбика; перевод стрелки под поездом; уход вагонов на маршрут приема и отправления поезда и на перегон; развал груза в пути следования; излом оси, осевой шейки и бандажа; наезд на автогужевой транспорт, самоходные и другие машины, путевые вагончики, скот и посторонние предметы; сход и столкновение подвижного состава; неисправное действие автоблокировки, полуавтоматической блокировки, жезловой системы и централизации стрелок и сигналов, вызвавшие полный перерыв движения более часа: порча локомотива с требованием резерва в пассажирском поезде; не ограждение сигналами опасного места для движения поездов при производстве работ; порча контактной сети, в результате которой допущен полный перерыв движения более часа (приказ министра путей сообщения СССР от 3 февраля 1960 г. «Об усилении борьбы с крушениями, авариями, браком в работе на железных дорогах и пресечение фактов, неправильной их квалификации»). Как видно, большинство случаев брака особого учета создает конкретную угрозу безопасности движения и подпадает под действие ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) УК (см. примечание 7 к главе 5).

⁷⁹ Сборник нормативных актов по морскому транспорту. М., 1968, стр. 246.

⁸⁰ Инструкция о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР. М., 1971.

⁸¹ Согласно Инструкции по расследованию и учету случаев брака в работе на внутренних судоходных путях РСФСР (утверждена 20 апреля 1971 г.) к браку в работе относятся транспортные происшествия, которые по своим последствиям (сумма убытков, время простоев

судов) не подпадают под классификацию аварийных происшествий (см. гл. 5, § 1).

Согласно Инструкции о порядке рассмотрения и учета предпосылок к аварийным случаям на внутренних судоходных путях (утверждена 20 апреля 1971 г.) предпосылками к авариям и аварийным происшествиям считаются все случаи:

а) пересечения курса движущимся судам, в результате которого создавалась угроза столкновения;

б) нарушений Правил плавания при расхождении и обгонах судов (неподача отмашки, переотмашка, расхождение на участках, где двустороннее движение запрещено);

в) управления движущимися судами судоводителем, находящимся в нетрезвом состоянии, а также случаи передоверия управления судами лицам, не имеющим на это соответствующих прав;

г) неисправности пути и навигационной обстановки (отсутствие знаков обстановки на штатных местах, неосвещение знаков обстановки, неправильная информация о габаритах и состоянии пути);

д) отказа в работе на движущихся судах рулевого и дистанционного управлений;

е) назначений на суда лиц, не имеющих соответствующих дипломов по занимаемой должности.

Названные Инструкции опубликованы в издании, упомянутом в предыдущем примечании 80.

⁸² СП СССР, 1973, № 16, стр. 86.

⁸³ См. примечание 58 к главе 3.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 111.

⁸⁵ Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии, т. 1, стр. 246. Также см. примечание к главе 3.

⁸⁶ См. примечание № 7 к главе 5.

⁸⁷ СП СССР, 1973, № 16, ст. 86.

⁸⁸ СЗ БССР, 1972, № 18, ст. 261.

⁸⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970. М., 1970, стр. 448—449.

⁹⁰ Там же, стр. 508.

⁹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 4, ст. 19.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Понятие и общая характеристика преступлений, опасных для жизни и здоровья	6
§ 1. Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья	6
§ 2. Объект преступления	9
§ 3. Объективная сторона (деяние)	12
§ 4. Объективная сторона (причинная связь)	26
§ 5. Преступления, опасные для жизни и здоровья, и малозначительность	29
§ 6. Вина	34
§ 7. Вина (двойная форма вины)	40
§ 8. Покушение и косвенный умысел	49
Глава 2. Виды, система и конструкция составов преступлений, опасных для жизни и здоровья	57
§ 1. Виды преступлений, опасных для жизни и здоровья	57
§ 2. Система преступлений, опасных для жизни и здоровья	64
§ 3. Конструкция составов	68
§ 4. О родовом составе поставления в опасность	79
Глава 3. Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность)	85
§ 1. Нарушение правил безопасности труда	85
§ 2. Загрязнение воздуха	101
§ 3. Нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями	103
§ 4. Нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ	107
§ 5. Содержание притонов для потребления наркотиков	115
§ 6. Спаивание несовершеннолетних	117
§ 7. Поставление в опасность заражения венерической болезнью	132
§ 8. Незаконное врачевание	142
§ 9. Незаконное производство аборта	152
Глава 4. Преступления, опасные для жизни и здоровья (оставление в опасности)	172
§ 1. Неоказание помощи погибающему посторонним лицом	172
§ 2. Оставление без помощи погибающего лицом, обязанным заботиться о нем	181

§ 3. Неоказание капитаном судна помощи гибнущему на водном пути	186
§ 4. Неоказание медицинской помощи	191
§ 5. Оставление в опасности и убийство (разграничение составов)	214
Глава 5. Преступления, опасные для жизни, здоровья и материальных ценностей	221
§ 1. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта	221
§ 2. Управление транспортными средствами в состоянии опьянения	253
§ 3. Незаконное владение взрывчатыми веществами	260
§ 4. Нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами	263
§ 5. Нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях	267
§ 6. Загрязнение водосемов	275
Заключение	279
Примечания	287

Горелик Иосиф Исаакович

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОПАСНЫХ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Редактор С А Быстрицкая

Худож редактор В Н Валентович
Техн редактор Г М Романчук
Корректор М Г Москаленко

АТ 17079 Сдано в набор 4/VI 1973 г Подписано к печати 4/X 1973 г Бумага 84×108¹/₃₂ типогр № 3 Печ л 10(16,8). Уч-изд л 18,18 Тип зак 237 Тираж 1000 экз
Цена 1 руб 95 коп

Издательство «Высшая школа» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Редакция общественно политической литературы. 220600. Минск, ГСП, ул. Кирова, 24.

Полиграфкомбинат им. Я Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Минск, ул. Красная, 23